

к 84(2=411.2)6

3-80

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

Ласточкин дом

к 84(2=411.2)6
3-80

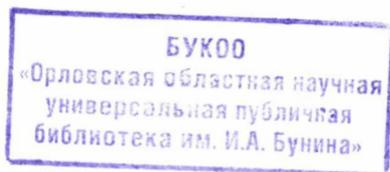
ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

Мастожкин дом

КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Повесть и рассказы

А 304115
12+

ОРЁЛ - 2020

УДК 804. 024 (0 75. 8)

ББК Ш 147. 11я 73

3-82

3-82 Золотарёв И.Л. Ласточкин дом.

Книга для детей. – Орёл,

ООО «Новое время», 2020. – 328 с., илл.

Книга для детей «Ласточкин дом» орловского писателя Игоря Леонардовича Золотарёва составлена из трёх частей, изданных ранее («Свиристели», «Моя семья», «Карусель») и четвертой части «Ласточкин дом» (Книга Петинных фантазий), публикуемой впервые. Три части прежде были отдельными книгами для детей различного возраста: для самых младших – «Свиристели», для младших – «Моя семья», для среднего школьного возраста – «Карусель», и, наконец, книга «Ласточкин дом» предназначена для детей более старшего школьного возраста.

Все вместе эти книги Игоря Леонардовича Золотарёва представляют избранное автора, объединённое общим названием «Ласточкин дом». Сюда же включено «фотоокно» – несколько фотографий, взятых из вышеуказанных книг.

© И.Л. Золотарёв, 2020

© ООО «Новое время», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИРИСТЕЛИ

ДЯТЕЛ И АЗБУКА МОРЗЕ

Летом, после школы, я со своими родителями приехал в деревню, на нашу дачу. Как рад был я видеть снова лес на высоком берегу речки Алёшни, рядом, возле деревни. В поле по обеим сторонам дороги цвели ромашки, одуванчики, васильки, колокольчики. И тут же в роще берёзы и липы укрывали меня от палящего солнца. Днём мы все вместе прибирали дом, я подметал, мама мыла полы. Потом мы сгребали во дворе скошенную траву. А после обеда я принялся читать повести и рассказы Льва Николаевича Толстого, который когда-то бывал в этих местах.

Когда наступил вечер, я подхватил бидон и побежал к роднику за водой. Ключ бил под бугром, на самом берегу. Вода была студёная, вкусная, гораздо лучше той, что в колонке у нас во дворе.

Солнце почти закатилось. Птицы пели всё реже, отпели своё, укладывались спать. Завтра им рано вставать: и самим надо поесть, и накормить свою детвору.

Каждое лето к нам в сад прилетал дятел, садился на дерево и долбил в ствол, словно выстукивал азбуку Морзе. Потом перелетал к соседям на высокое, отдельно сто-

Игорь Золотарёв

ящее дерево и уже на нём выискивал жуков и личинок. Однажды мне показалось, что дятел настолько привык, что совсем меня не боится. Я сидел вечером в саду за столом и наблюдал за закатом солнца.

Река была ниже откоса, от неё веяло прохладой. Я перешёл на крыльцо. Где-то далеко в лесу ухала сова. Совсем стемнело. В распахнутое окно слышно было, как по радио передавали оперу Чайковского «Евгений Онегин» в постановке Мариинского театра. Едва мы успели послушать арию Ленского, как радио отключили. Под впечатлением классической музыки, птичьих голосов, встречи с лесом, под впечатлением от прочитанных страниц я лёг спать. Однако никак не мог заснуть. Но свежий лесной воздух усыпил меня, и я спал в эту ночь хорошо.

Утром я проснулся от стука в окно. Сначала подумал, что это сосед пришел к нам зачем-то, потом что дятел выстукивает по стеклу азбуку Морзе. Какой у него острый, настойчивый клюв! Однако дятел стучал бы сильнее. Прошлым летом дятел выстукивал каждое утро в соседнем дворе на большой груше, а то, бывало, и на берёзе в лесу, через дорогу. Причём стучит дятел обычно долго, настойчиво, не боясь никого. А тут стук в стекло не такой уж и сильный, не такой смелый, мелкое такое постукиванье.

Не хотелось подниматься с постели, чтобы взглянуть на окно. Боялся спугнуть того, кто стучал. Конечно, это не человек, а какая-то птица. Не такая большая, как дятел, а поменьше, но все-таки птица. Чёрная, таинственная.

В самом деле, это была какая-то птичка, пичужка. Она клевала на окне бесчисленных мошек и комаров. Вот тебе и дятел! Вот тебе и азбука Морзе! Я вскочил, поскорее умылся и, прежде чем позавтракать, взялся за определитель зверей и птиц. Во втором томе было про птиц. Цветные вкладки. Оказалось, это мухоловки. Это они

прилетают сюда к нам за кормом. Они по утрам принимаются склёвывать со стекла мошкату, выбивая, подобно дятлу, клювом своим азбуку Морзе.

Вот что открыл я для себя эти летом на даче, в нашей лесной деревеньке.

ГНЕЗДО В КРЫЖОВНИКЕ

Утром отец сказал: «Что ж наш сад-то не убран? Особенно где малина, смородина, крыжовник». И я живо ответил: «Сейчас побегу, повыдергиваю сорняк». И тут же ринулся к кустам возле бани, где совсем всё сплелось. Сплошь бурьян, сплошная крапива. Воевать я взялся сначала с лопухами возле железной койки под навесом, за баней.

С малиной ещё ничего, можно легко обломать сушняк. Кусты чёрной смородины я окапывал лопатой. Но крыжовник такой колючий! Побежал я домой за перчатками: ну, и колюч! Просто невозможно к крыжовнику подступиться.

Шевельнул я ветку, и тут откуда ни возьмись птица. Вылетела изнутри и упала в траву поблизости. Я к ней, чтобы хоть глазком одним взглянуть: что за птица? А она от меня порх и в траву. Я за ней, а она за загородку и на протоптанную дорожку. А там дети деревенские подъявились – Андрюха и Никита. Кинулись они к ней, чтобы поймать её. Хватить руками за траву, где она села, а она порх-перепорх и за липы, к околице. С одного места на другое, на третье. Вспорхнула на дерево и сидит, глядит оттуда.

Потом взмыла в небо и полетела вверх к тучам, к собирающейся грозе.

Игорь Золотарёв

Вернулся я к кусту крыжовника, заглянул поглубже. И что там вижу: гнездо, а в нём сидят тихо-тихо птенцы. Вот это да! Вот это мама! И умна – свила гнездо себе в самом колючем крыжовнике, чтобы соседские коты не могли подобраться, бродят тут по деревне. И отважна – вот куда увела всех нас от гнезда своего, аж за липы, за сад, до околицы. Восхищаюсь я ей, этой птицей. Вот что такое в природе забота о потомстве! Вот что это в мире животных и птиц! Коты думают о себе, о своей охоте, а птица – о своих птенцах, ребятишках. Не стал я после этого трогать ни траву возле крыжовника, ни, тем более, этот куст. И когда отец спросил меня: «А что же ты траву-то оставил возле крыжовника? Пойдут от неё сорняки,» – я ответил:

– Пойди, глянь, почему я даже крапиву оставил?

Отец пошёл взглянуть на куст и вскоре вернулся.

– Молодец, – сказал он и крепко, по-мужски, пожал мне руку.

Когда птенцы оперились и улетели, птица не раз прилетала к нам сюда в сад, к гнезду своему.

Не трогаю я этот крыжовник уже целое лето. Смотрю на небо, где птицы сбиваются в стаи, готовят птенцов к перелёту.

К концу лета я увидел в нашем саду много, много птиц. Столько птичьего пения, столько молодых голосов. И оттого веселее и радостнее. Вся территория сада, двора теперь во власти этой птицы с её выросшими, вставшими на крыло детьми.

К осени сад опустел. Улетели караваны на юг. Скоро начнутся дожди. Собраны яблоки, попадал крыжовник. Но я не трогаю это гнездо, храню его в память о птице, которая, когда вернётся, снова окажется в нашем саду, в нашем крыжовнике. Она выберет снова, я знаю, это своё родное гнездо.

**«ТЯСОГУЗКА – ТЯСОГУЗОЧКА,
БАЛЕРИНА С ПЕРЕУЛОЧКА»**

Первого мая отец объявил за завтраком:

– Страна сегодня отмечает праздник труда.

Все втроём айда на огород!

Мы взяли лопаты и пошли копать землю рядом тут за сараем. Отец копал и считал, сколько раз копнул вдоль, а сколько раз поперёк.

– В один ряд тридцать раз, – приговаривал он вслух сам себе. – А рядов пятьдесят. Тридцать на пятьдесят получится тысяча пятьсот. Полторы тыщи раз на всех троих, это столько придётся копать лопатой.

Земля грубая, жёсткая, даже лопата не лезет. Ишь, как погнулась. Хорошо, хоть не сломалась, осталась цела.

Земля была почти вскопана, когда к нам сюда, на этот конец огорода, прилетела птичка. Стала ходить по вспаханному туда-сюда изящно, красиво, как балерина какая.

– Смотрите, как ходит она, помахивает своим длинным хвостом! – восхищённо закричали мы с мамой. – А зовут её как?

– Трясогузка, – ответил папа.

– Трясогу-узка? – протянула мама разочарованно.

– Трясогузка – трясогузочка, – сказал папа нараспев, как стихи свои на французский манер. – Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка.

«Такая красивая птичка, – подумалось мне, – и такое название неблагозвучное».

Мама ушла домой готовить обед, а в это время по дороге проходила мимо нас девочка с другого края деревни. Девочка эта по имени Люба приехала сюда из Москвы вчера. Уже после нас. Москвичка вышагивала по деревенской дороге так легко, грациозно, как птичка, что ходила

Игорь Золотарёв

тут у нас по огороду. И я запел, подражая папе, туда ей на дорогу:

– Эй ты! Трясогузка – трясогузочка, балерина с перелочка.

Птичка перепархивала с грядки на грядку, с кочки на кочку, с места на место. И красиво же ходила эта самая птица! От ходьбы тёмный хвостик её вздёргивался, светлые крылья трепетали, как бальное платье, что надела бы девочка Любочка. Это был балет, настоящее представление. И отец перестал копать грядку, принялся считать, сколько раз балерина прошла туда-сюда по вскопанному и несколько раз при этом дёрнула своим грациозным хвостом. Трясогузка при этом, наклоняясь, с удовольствием подбирала червяков своим маленьким клювиком.

Было тепло. Девочка Люба, эта москвичка, опять прошла по дороге мимо нашего дома в своем синем-синем, как небо, платочке. И я пошёл домой, взял карандаш, лист бумаги, сел на пенёк вблизи огорода и тихо, чтобы не испугнуть трясогузку, стал её рисовать. Сначала я нарисовал туловище, но никак не удавалось мне пририсовать к нему с синеватым отливом головку. Получалось синее-синее небо, как платочек у Любы. Тогда я стёр резинкой туловище и начал рисовать птицу с головы, а уж потом пририсовал и туловище, хвост и всё остальное. Вот какой вышел у меня рисунок! Ничего себе, птичка – живая, с чёрными бусинками глаз, отливающая синим под лучами весёлого майского солнца.

Тут же я побежал показывать свой рисунок родителям, и они пошутили, что мне, может, надо учиться на художника, как друг отца дядя Валя Чухаркин в Суриковском институте. Отец предложил мне назвать птицу, дать ей человеческое имя. И я назвал её Любой.

Потом я взял бумажный лист и приписал к рисунку такие слова: «Москвичка Люба. Трясогузка – трясогузочка, балерина с перелочка».

Может, мне и не удалось передать на листе грациозность, живость той самой птички, что помогала нам копать огород в день Первого мая. Конечно, на бумаге трясогузка не была точно такой, как на грядке. Но это не так уж и важно. Главное, я запечатлел её, чтобы всё это запомнить, никогда не забыть.

«ВОРА – БЕЙ!» ВОРОБЕЙ В НАШЕМ ДОМЕ

Холода прихлынули, распустилась черёмуха. Упала с неба в её белоснежную шапку шумная воробьиная стайка. Как в воду канула, в гущу ветвей – не видеть, не слышать. Только один воробей отделился от всех, сел на сухой длинный сучок. Взъерошился, раскричался.

Наш кот Васька гулял за домом где-то поблизости. Услышал он воробья и аж на цыпочки встал: любит кот всяких птичек, а особенно воробьёв. Облизнулся Васька, промурлыкал что-то под нос себе. Но воробей услышал его, и от кота туда – в приоткрытую дверь, в её тёмный провал. Влетел воробей в комнату и испугался: «Куда это я попал?» Огляделся и к окну, занавешенному тюлем. Ударился о стекло и упал.

И стал метаться воробей по всему дому. По зальчику, в спальню, на комод сел, забился за холодильник. После этого в сенцы слетал, оттуда даже на чердак, но что-то быстро вернулся. А что там делать-то на чердаке? Душновато, темновато, окошко застеклено, еды никакой.

Возвратился воробей на кухню, где миска на полу, а в ней хлебные крошки. Только он хотел угоститься этими крошками, как услышал шорох позади себя: кто-то

Игорь Золотарёв

крадётся. А это кот Васька глазищами зелёными своими сверкает. Прилетел Васька пулей сюда, хотя был где-то в саду. Ещё вон откуда почуял воробья, который вторгся в его пределы. Как увидел я кота Ваську шипящего, дугой выгнувшего спину при виде воробья, так у меня самого по телу пробежали мурашки.

– Мяу, – прорычал кот Васька – большой любитель охоты на воробьёв, на этого воробьишку, покусившегося на его миску с едой.

– Варабей! Варабей! – закричал истошно Васька, можно было подумать: – Вора бей, вора бей!

Куда деваться бедному воробью! Занавески задёрнуты, дверь закрыта. Метнулся воробей со страху опять в окно, ударился о стекло и повис на тюлевой занавеске. Затрепетал от ужаса, зацепясь коготком за этот тюль занавесочный.

И стал воробей метаться туда-сюда. Взмыл вверх, ударился о потолок. Стал перелетать от окна к окну, от стены к стене, потом сел на люстру и стал смотреть с высоты своей на кота Ваську.

– Вот какая! Вот какая катавасия! – повеселел воробей, хлопая крыльями и глядя сверху вниз на кота Ваську. – Катавасия, катавасия!

Когда воробей был на полу, у Васькиной миски с едой, кот был настолько уверен в себе, в своих силах. Ещё чуть, и он этого воробья схватит, окажется в лапах у него это мелкая птичья тварь. Когда воробей оказался на занавеске, кот Васька был ещё ничего, не в таком растерянном виде. А вот когда воробей сел на люстру, уселся на краешек её под самым потолком, кот Васька совсем пал духом, так растерялся. Погладил я его по спине – от головы до хвоста, взял на руки и вынес из дому, а дверь закрыл.

– Вот такая катавасия, – сказал я воробью, сидящему высоко на люстре. – Не бойся, я тебя ему не отдам.

А воробей сидел себе на люстре, смотрел сквозь тюлевую занавеску на сад, на лес, на белую черёмуху во дворе, на синее-синее небо и не мог оторвать глаз от родимой стихии.

– Вора бей! Вора – бей! – кричал Кот Котофеич внизу под окнами.

Слышал воробей мой голос и думал, скорее всего, о том же: как бы выбраться ему поскорее отсюда? И опять он бросился в окошко на тюлевую занавеску, зацепился за неё и повис, закачался на тюле. Молча отцепил я его от занавески и распахнул перед ним пошире окно, дал воробью свободу.

Покрутился воробей сначала над двором, потом над садом, всё разглядывал сверху кота Ваську тут у нас во дворе.

– Тюль, тюль! – помахал я рукой воробью.

– Воробей, вора бей! – облизываясь, вопил кот Васька, глядя то на меня, то на небо, где летали с чириканьем воробьи.

Хорошо котам жить вместе с нами в доме. Не думать ни о еде, ни о холодах. Да и воробьям в сарае, в саду, где можно вить себе гнёзда, тоже неплохо. Сидела воробьиная стайка в белых шапках черёмухи и всё это видела, наблюдала, как кот Васька на ус себе всё это наматывал. А что я себе на ус намотаю? Воробей – это такая птица, которая, как голубь, жмётся к людям. Отважный, находчивый, как у Тургенева в его стихотворении в прозе. Но Тургенев не мог видеть нашего кота Васьки. А если бы увидел, чем бы тогда он закончил это стихотворение? Может, так? Не всё коту масленица.

Теперь-то уж в чёрный провал двери этот воробей не залетит никогда.

ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА

Ранним утром мы собрались в лес за грибами. Идём полевой дорогой, по сторонам хлеба да хлеба. А в них васильки да васильки, синие-синие. Как небо, что брызнуло со своей высоты и осталось в этом поле до самого горизонта. И тут выпрыгнула на дорогу, бежит впереди нас какая-то птица, похожая на жаворонка. Так и есть, жаворонок. Поскачет, поскачет вперёд и остановится. Оглянётся и смотрит на нас, не отстали ль мы, догоняйте.

– Это он нам дорогу кажет, – сказал мне папа. – Ишь, какой молодец.

На развилке жаворонок свернул направо, к Арендовому лесу, и через несколько шагов взмыл в небо. Тут же поднялся высоко-высоко и зазвенел на всю округу свою высокую песню.

– Папа, – говорю я, – это он дорогу нам в Арендовый лес показал. Там, скорее всего, грибные места, а не тут направо, в посадке.

И зашагали мы дальше полем. Под шаг свой солдатский: «Раз, два, три... раз, два, три...» И откуда-то сами взялись слова. И запели мы песню: «Раз, два три... раз, два, три...

Пахнет мёдом, пахнет мятой

Поле луговое,

И шагаем мы, ребята,

Стороной родною».

И так от гречихи за речкой пахло мёдом, пахло мятой с лугов заречных. И пчелы с жужжаньем крутились вокруг, собирая с полевых цветов нектар.

И вдруг огромная чёрная птица летит прямо на нас. А за ней гонится небольшая серая птичья стайка. То – коршун, а это – пичуги. Гонятся птички за коршуном и

вдруг все разом на него со всех сторон – только перья летят, только крики, удары клювами, крыльями. Вот вырвался коршун, спасаться бросился – пониже, пониже полетел над полем, чтоб стать незаметным. Однако не тут-то было. Парящий вверху жаворонок висит под коршуном, оповещая пернатую стайку, и стайка гонится следом, не давая коршуну опомниться, собраться с силами, скрыться.

– Ага, ага, коршун! – кричу я, и папа мне помогает, мы вместе кричим. – Натворил делов, теперь отвечай! Вот так защищают гнёзда, птенцов своих, лес свой и поле...

И коршун, напуганный стайкой, куда-то делся, не было из коршунья теперь никого поблизости. А стайка росла, слетались пичуги со всей округи. А жаворонок висел высоко-высоко и, вдохновляя всех, пел свою песню о солнце, о поле. И мы её пели, как могли, как умели. Слова были те же, что пелись недавно с утра.

Пахнет мёдом, пахнет мятой

Поле луговое,

И шагаем мы, ребята,

Стороной родною.

В лесу щебетали птицы, а в поле шелестели хлеба, качались слегка васильки. На душе было радостно. Отчего? Жаворонок всегда в дозоре у нас в минуту опасности. Певец полей и лета. Ещё и указал нам дорогу на Арендовый лес, откуда мы несём целую сумку грибов.

До самого вечера висел жаворонок над нами, звенел и звенел свою летнюю, переливчатую, высокую песню о Родине.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

Наш кот Васька слонялся по деревне и охотился на мышей. По дороге из леса я решил зайти к Лене. Кот Васька увидел меня и потянулся следом, нырнул в открытую калитку и вместе со мной вошёл в дом.

В комнате на столбе висела клетка с попугаем. Увидев попугая, Васька весь собрался в комок, подпрыгнул, пытаясь дотянуться до птицы своей когтистой лапой. Но клетка была высоко, Ваське она была не по зубам, сколько он ни тянулся к ней. Почувствовав себя в безопасности, попугай закричал коту Ваське: «Дурррак! Дурррак! Зачем пришёл? Дурррак, дурррак!»

Лена рассмеялась. А кот Васька покрутился, покрутился возле столба и ушёл, обиженный, во двор.

Попугай был небольшой, белый с зелёными крыльями, зелёной головкой и красной полоской вокруг шеи. Это был необычный попугай. Говорящий. Наш кот Васька тоже умеет разговаривать, но по-своему, по-кошачьи. Васька мяукает, но я его понимаю. А попугай говорит, как человек. У него человеческая речь, самые настоящие человеческие слова.

– Кто ж его научил-то? – говорю я Лене. – Да ещё таким обидным словам.

– Не знаю, – отвечает Лена. – Давно так говорит. Попугаи по двести лет живут. У моих подружек в Москве – у кого колибри, у кого канарейка.

– И все говорящие? – спрашиваю я Лену.

– Да ну, нет! – отвечает мне Лена. – Зато канарейки поют – заслушаешься. Райские птицы, с Канарских островов.

– Вот у твоего попугая, Лена, – говорю, – и, правда, райская жизнь. Кормишь его, чистишь клетку, а он у тебя не поёт. Говорит только всякие пакости.

Отправился я от Лены-москвички домой. Иду посёлком, а по всем садам гремят соловьи. Трёх насчитал: тут – возле Лены, на груше – посреди посёлка, и ещё один в нашем саду. Вот из себя выходят друг перед другом. Двенадцать колен я насчитал, дальше сбился со счёту. Настоящее райское гнездо – наш посёлок! Куда там Африке, туда улетают из наших мест соловьи на зимовку. Там они помалкивают, а тут радуются возвращению. Родина у соловьев тут, а у попугаев там где-то – в Южной Америке, что ли, далековато? Вот попугай и ругается, говорит такие пакостные слова.

Между прочим, за двести лет мог бы научиться говорить не только по-русски, но и по-английски. Не только плохие слова, но и хорошие. Не только говорить, но и петь, как, например, канарейки. А то говорит резко и очень громко. Аж у нашего дома слышен, долетает клёкот попугая с другого края деревни.

Красив попугай опереньем, а соловей с виду вроде невзрачен, зато голос! Десять попугаев не дам за одного соловья.

Сижу дома, а по радио говорят, что на Корейской ярмарке, бывало, в Курском соловьином крае, продавали в клетках не только канареек, но даже и Соловьёв. Канареек-то ладно, дело привычное, а вот Соловьёв продавать – это что же такое? Канарейка в неволе и размножается, и поёт. А вот соловей петь из Египта сюда прилетает. Он же в клетке помрёт.

Когда я слушаю Соловьёв в деревне, мне хватает музыки его – моего собеседника. Я наслаждаюсь всеми двенадцатью коленами пения соловья. Соловьи и есть настоящие райские птицы. И потому места наши самые голосистые, раз живут и поют тут у нас соловьи.

ЛУНЬ, ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Собрались мы в соседнее село Подбелевец в магазин за хлебом. Километра три, пожалуй, идти. Сначала полем, в лощину спуститься и – на бугор. А на бугре стоит одинокое дерево – груша. А на груше сидит птица большая, седая, смотрит на нас своими огромными глазищами. Оторопь взяла меня, страх какой-то от этого жутковатого взгляда. Что за птица такая – лунь? Совиной породы, самый крупный, крупнее филина.

Огляделись мы по сторонам: слева – ферма пустая, нет коров, ни одной. Справа с бугра вовсю течёт ручей, бурлящий поток, где-то водопровод прорвало. Страшно стало, нехорошо на душе.

«Неужели, – думаю, – пусто нам будет. Зря идём, хлеба в магазине не окажется? А тут кругом птахи, солнце светит, рядом лес с речкой, жизни надо радоваться, а не расстраиваться по всякому поводу».

С таким настроением и возвращались мы обратно к себе на посёлок. И хлеба купили, и редкую птицу увидели. Вспомнились стихи кого-то из классиков:

«...Весь, как лунь седой,
С грудью выпукло широкой,
С длинной бородой».

Вот врезался в память мне этот лунь. Бороды у него не было, но взгляд, как у седого старика, смотрел пристально, завораживал. Какой лупоглазый. Я ощущал его злую, чужую волю над собой. Его зелёные, фосфорические глаза светились странно, отсвечивали небо, окрестности каким-то лунным, фосфорическим блеском.

Мы поужинали и легли спать. Всю ночь мне снился седой старик, сидящий на дереве. Утром мы встали, позавтракали, но седой старик во мне не исчезал. Что-то необычное, странное никуда не девалось после встречи с лунем.

Асташкин дом

Прошло три дня. Опять надо было идти в Подбелевец на почту платить за электричество, радио. На этот раз мы пошли долиной, по Жановой горке. Мы вышли из лесу прямо к почте и магазину. Сделав свои дела, возвращались тем же путем, что и позавчера. Только подходили к груше сзади, с другого края села. И всё раскручивалось в обратном порядке: ферма теперь должны быть справа, а бурлящий поток – слева.

Мы прошли краем вишневого сада, вышли к той же ферме. Только теперь в ней было полно коров, перегнали, скорее всего, с Завалишенской фермы. Слева должен течь бурный поток, но водопровод в Подбелевце, наверное, починили. А вот и одинокая груша, но никакого луны нет на ней, улетел куда-то. Перед нами была деревня Синяевка, а при ней отблескивал в низочке небольшой пруд, в котором плескались гуси и утки.

Мрачное настроение как рукой сняло. Не было в душе уже того непонятного и тревожного чувство, что оставалось от встречи с луном. Нет ручья, вода не стекает с бугра в лощину. Нет под бугром ни сырости, ни грязи, не надо переходить на тот бок по камешкам. На ферме начиналась дойка коров, и седой, как лунь, старик, скорее всего, заведующий, крутился возле доярок с записной книжкой, записывал, скорее всего, надои.

Конечно, чудеса на свете бывают всякие и не только во сне. Вот мы увидели луны, и страх охватил нас от предчувствия перемен. Но ведь перемены бывают всякие, не покорять нам надо природу, а помогать ей, становиться в природе своим человеком. Вот о чём, оказывается, вещал нам седой лунь своим зелёным, бездонным, фосфорическим взглядом.

А 304115¹⁷

ГРАЧИ ГРЕЮТ ЛАПЫ НА АСФАЛЬТЕ

Грачи вьют гнёзда на высоких ракидах у пруда. А летают в поисках корма через наш посёлок наискосок, где в поле к середине лета начинают поспевать хлеба. Поклюют, поклюют грачи там пшенички озимой и опять на пруд к себе возвращаются, чтобы водички попить. Однако, пролетая посёлок, всё видят грачи с высоты своего полёта. Вот и наш огород, где сначала всходят, а потом и растут всюду огурцы, тоже у них на учёте.

Сядут грачи на высоченную берёзу перед нашими окнами и смотрят на огород. Зазеваешься – всходы огуречные повыдергивают, а огурцы расклюют.

Поставил папа на огороде палки с пакетами, вроде бы пугала, вроде живые люди тут постоянно находятся. А грачи сядут на берёзу и смотрят: так ли это? В самом деле, тут люди или просто пакеты крутятся ветерком, дают вид, что мы на огороде находимся?

Встал папа сегодня с утра пораньше, да и пошёл на огород, посмотреть, не потаскали ль грачи огуречные всходы? Нет, не потаскали. А грачи на берёзе сидят и наблюдают. Взял папа палку, вроде ружьё. Целится и кричит: «Пух, пух! Улетайте, нечего вам тут делать». А грачи не обращают на это никакого внимания. Тогда он стал швырять в них земляные комья. Слетели грачи, оставив на берёзе только дозорных, и присели тут же на асфальтированное шоссе. И сидят там, и сидят, и сидят. Скоро машины пойдут – тяжело-груженные КАМАЗы, возят мимо посёлка белую девонскую глину. Папа стоит и ждёт, когда же грачи улетят. А они всё не улетают. «Что им мёдом там намазано? – думает папа. – Чего они как прилипли?»

А тут сосед подвернулся. Идет, прихрамывая. Толковый такой, лунь седой этот, заведующий фермой.

Астаскин дом

– Чего это грачи-то? – спрашивает папа. – Всё сидят и сидят, а я стою и стою. Пойдут машины, подавят их, жалко.

– Хе-хе, хе-хе! – засмеялся сосед. – Да лапы грачи себе греют на асфальте. За день солнце так асфальт нагревает, что и за ночь не успевает остыть. Ночи-то стали тёплые, весна, значит, кончилась, лето пришло.

Грачи сидели и грелись на тёплом асфальте до тех пор, пока не появились машины. Сначала покатались легковые, затем загудели тяжёлые. Поднялись грачи и полетели дальше к себе на пруд, где на ракитах у них гнезда. Грачи летели, переговариваясь между собой, что не удалось поживиться огурцами на грядке, что они ещё прилетят, посидят на перекрёстке, на теплом местечке, ещё погреют на асфальте свои птичьи лапы.

А пруд неподалёку зарос тростником, ракиты усеяны гнёздами. Целый город грачиный, грачиное царство. Сюда к ним и прилетает попить водички кукушка. В этот пруд впадает ручей с родниковой водой. Это место с ракитами и камышами не так давно приглядели грачи. Они и живут здесь, выводят птенцов, пьют воду после кормёжки в поле или на огороде.

Что ни говори, а грач – хитрая птица. Гораздо умнее вороны. Ворона со своей хитростью живёт в одиночку, всё ждёт, чтобы кто-то с неба послал ей кусочек сыру. А грач сам себе голова, жизнь проходит у него среди людей в трудах и заботах. Грач превосходит по уму и ворону, и сороку, и даже, подумать только, кукушку и воробья.

ГАЛКА ГУЛЯЕТ ПО СПИНЕ КОНЯ

Иду я по берегу речки и вижу, конь стоит, к раките привязан. Хорош конь, прямо загляденье! Серый в яблоках, орловской рысистой породы. Конь что под воду, что под воеводу. Можно запрячь, а можно и под седлом скакать. Знает конь себе цену. Стоит, расседланный, и ногами перебирает.

Залюбовалась галка конём, глядя на него снизу вверх. Что же она всё низочком-то ходит? Взлетела галка на спину расседланного коня. «Я на коне!» – заявила о себе серая галка перед всякими птицами. Грачи, воробьи, сороки только смотрели на галку и каркали, клекотали, чирикали: «Ух, какая ты, цаца! С гонором, важная птица».

Возгордилась серая галка, что она на коне не только перед птицами, но и перед ежами, зайцами и даже передо мной. Ходила с гонором галка по спине коня туда-сюда. То перебирала шерстинки, то выдёргивала их. И коню от удовольствия хорошо-то как. Стоял он, замерев, чуть ли не бил оземь копытом.

А солнце взбиралось всё выше, у речки становилось всё жарче. Похоже, дождь с грозой собирался. Комары, оводы и всякие мошки закружились над берегом и стали липнуть к животу и спине коня, мешать стали галке ходить от хвоста до гривы.

Но вот хозяин свистнул оттуда, с рыбалки, и конь сорвался с места и полетел на зов. Галка едва со спины не упала туда, где всегда ходила низочком. Приподнялась серая галка и огляделась: «И кто тут видел её позор? Кто из птичьей братии осудит её?» Подлетела она к стайке воробьёв и начала, как ни в чём не бывало, искать в земле червяков. А воробьи на неё никакого внимания. Перелетела галка к сороке-белобоке, а та и вовсе отвернулась. Подсела галка к грачу.

– Не сотвори себе кумира! – гаркнул он во всё своё грачиное горло, однако прогонять не стал. – «Пусть сойдёт себе гонор».

Поднялся тут шум и гам, трамтарарам. Сорока стрекотала от восторга, разнося по всему лесу, что галка теперь не на коне. Воробьи просто падали с веток от смеха. То-то было птичьего гама на весь лес, на всю речку. Куда деваться серой галке? Слушала она птичий хор и молчала. Но вот птицы поклевали зёрнышки на месте, где стоял конь, и разлетелись в разные стороны. А следом за ними полетела и галка.

ПОЧЕМУ СНИЧКИ СИНИЕ

Самый главный праздник начала лета – Троица. Всё в домах люди украсили зеленью. Прямо с порога тебя встречают берёзовые ветки, развешанные повсюду, под ногами пучки свежей травы. На такое диво прилетели взглянуть птички-синички. Расселись по всему саду, как воробьи расчирикались, ожидая угощения на садовом столе. Такие все синие, синие.

– Папа! – кричу я. – Смотри, какие гости к нам пожаловали! Синичками называются. Наверное, от посёлка Синяевский.

– Что ты, что ты? – засмеялся папа. – Скорее всего, посёлок наш так называется – от синичек.

Смотри, сколько их тут. И зимой, и летом все одним цветом.

– Встречаем гостей! – кричу я. – Угощаем!

И давай разбрасывать хлебные крошки. А синички поклюют, поклюют, перелетят, сядут на край бочки и пьют воду, сколько влезет.

Царь Золотарёв

Услыхали, наверное, по радио или, может, по телефону, что тут у нас угощение, и летят синички со всех сторон сюда в наш сад, к нашему столу. Садятся на траву, и птичек столько становится, что их синева сливается с синевой горизонта.

Когда синичка ходит по травке, то она синяя, а когда сидит высоко на ветке, то жёлтая, у неё жёлтое пузочко.

– Видал, какие синички? – говорю я папе. – Они же двухцветные: синие и жёлтые. Вот синичка передо мной: вся синяя, синяя, с тёмно-синей головкой, как небо.

Сели мы дома за праздничный стол. Мама нам с папой сальца подкладывает. «Вы, говорит, у меня мужички. Вам надо больше есть мяса и сала, чтобы силу иметь».

Папа, улыбаясь на её слова, подмигнул мне и говорит:

– Синички сало любят, синичкам сала только давай. Когда я был пацаном, как ты, сынок, бывало, порезу сало мелко-меленько и синичкам в кормушку положу за окно. Чтобы силу имели, не замерзли в морозы.

– И чтоб празднично было, – говорю я. – Чтоб и зимой они были на ветках перед окном. Чтобы всегда прилетали к нашему дому.

Выглянул я в окно – небо на траве синее-синее, от синичек. Конечно, от них, от синичек, наш посёлок называется Синяевский. А вот по соседству село носит название Подбелевец – от французского слова «бель – красивый», а Синяевский – от слова «синева».

Подцепил я вилкой кусок сала побольше, побежал на кухню, взял нож поострее, порезал сало мелко-меленько и завернул всё это в целлофан.

– Куда это ты убегал? – спросил меня папа, когда я вернулся.

Подошёл я к нему и стал шептать на ухо:

– Сало резал на кухне мелко-меленько.

– А зачем?

– Для синичек. Придёт зима, прилетят синички к нашей кормушке, а там сальце лежит. Порезано мелко-меленько. Зимой птичкам голодно, холодно... Надо птичек кормить...

– И зачем ты шепчешь об этом? – положил папа руку мне на плечо. – Громко говорить надо про это, чтобы все слышали. И делали так же.

– Так, так! – аж подпрыгнул я и захлопал в ладоши. – Будем кормить птичек в голодное время, когда негде найти им ни жучков, ни червячков. Всё ведь будет засыпано снегом.

– Ну, молодец! – засмеялся папа. – Верно, сынок, готовь телегу летом, а сани зимой.

– И всё-таки, всё-таки! – сказал я от души. – Конечно, конечно! Синички синие тут у нас от посёлка Синяевский, а Синяевский – от слова «синева». Вот русские люди! Златоусты, художники слова! И это всё нам от красоты родной природы, от неба и его синевы.

КАК ЦАПЛЯ СЦАПАЛА ЛЯГУШКУ

Цапля летает через наш посёлок на «колыму». Так называется изгиб реки Зуши, с краю которого вешние воды создают на целое лето затон. В его мелководье шныряет в подводной траве рыбёшка, водятся лягушки. Сюда и летает цапля со своего озерца. Лягушек там у неё нет, нечем цапле кормить своих ребятишек.

Туда – белая цапля летит, свободно вытянув свои тонкие длинные ноги. Оттуда – цапля летит, слегка подтянув к себе эти свои длинные красные ноги. Это значит, что она возвращается в гнездо не пустой. Не одна-то ля-

Царь Золотарёв

лягушка ей попалась на клюв, не одна-то лягушка унесена в клюве на озеро. Расчётливая хозяйка, хорошая мать.

Пролетала однажды цапля над нашим посёлком. Лягушка билась в её клюве. Слышно было на весь посёлок, как лягушка там, наверху, извивается, как бы разговаривает с цаплей:

- Отпусти меня, отпусти.

А цапля летела и думала:

«Квакай, квакай! А мне веселее лететь. Я несу тебя на озеро, хочу, чтобы и там водились лягушки. Птенцам моим будет, чем поживиться».

Так цапля и летала через наш посёлок Синяевский. Это был не малый путь, долгий полёт. Сколько удалось изловить ей лягушек и перенести туда к себе, на озеро, кто знает? По колено в воде цапля ловила лягушек клювом вниз, стоя на своих тонких и длинных ногах, и носила по воздуху эту зелёную живность в своё озеро.

Каждый раз, пролетая над нашим садом, цапля махала крыльями нам, нашим птичкам – синичкам, нашему дому. И папа сказал мне:

- Смотри, какая культурная птица.

- Удивительная, – ответил я, – домовитая птица.

А цапля словно слышала, что мы говорим о ней, и всё летала, летала туда и обратно над нашим посёлком.

Лес и сады под ней шелестели листвой. Где-то ниже плескалась речка Алёшня. Цапля летела, зорко оглядывая путь прямо перед собой. Не слышны пока хлопки выстрелов, не стреляют охотники, не преграждают путь хищные птицы. Ни ветра, ни дождя, ни града. Что ни говори, а не всякая цапля долетит до середины реки и вернётся с добычей назад. Хорошо, когда в мире природы всё идёт путём. Хорошо, когда птицы летают над нашим посёлком.

ОРЁЛ – ЦАРЬ ПТИЦ

Над посёлком Синяевским высоко-высоко ходил кругами орёл. Он поднимался в широкое небо над степью и озираал оттуда окрестность с холмами и речками, на которых когда-то происходили сражения, творилась история. И опускался пониже, кружился над нашим посёлком. Ему вспоминалось то время, когда никакого посёлка тут ещё не было, а было просто поле на краю косогора, а под косогором, как всегда, текла речка Алёшня, зеленели луга.

Орёл был хозяином этих мест, царём птиц. Все крупные хищники, даже такие, как коршун, ворон и лунь, разлетались кто куда, удирали отсюда, услышав его царственный клёкот. А всякая мелочь пернатая вообще не входила в круг интересов орла.

Как-то раз мы с папой отправились на рыбалку к устью Алёшин, впадающей в Зушу, и вдруг услышали выстрел. Вернулись мы на посёлок и за околицей, на дороге, под двумя берёзами, увидели огромную рыжую птицу. Приблизились к ней, а это орёл. Тот самый, что вил с утра круги над нашим посёлком. Скорее всего, его подстрелил какой-нибудь браконьер.

Протянул я руку к нему, а он отошёл от меня, прихрамывая, не в силах взлететь. Накрыли мы его простынёй и отнесли в Подбелевец, в среднюю школу. Там ребята найдут, что с ним делать.

– Видите, царь, какой! – опустили мы орла перед сбежавшимися школьниками. – Вот что творят браконьеры.

– Надо отвезти его в Москву, в зоосад, – сказал кто-то из старшекласников.

– Сначала надо к ветеринарному врачу, – не согласилась с ним третьеклассница. – Пусть окажет ему первую помощь.

Царь Золотарёв

– Первую помощь, ребята, мы окажем и сами, – подошёл к ним учитель Иван Николаевич и наклонился к орлу.

Орёл нахохлился, хлопнул крыльями и огляделся вокруг горделиво.

– Царь-птица! – сказали все в один голос. – Но не может взлететь.

– Пойдёмте к директору школы, попросим автобус, чтобы отвезти раненого к ветеринару, – сказал один из учеников.

Всей кучей, сколько нас было, мы повалили к директору, но директор сказал строго:

– Автобус есть, но нет бензина. Где я вам бензин возьму на внеплановую поездку во Мценск?

Ещё один ученик, наверное, семиклассник, повернулся лицом к ребятам, сказал:

– А мой папа – шофёр. Давайте сходим к нему, он нам заправит автобус.

Сходили мы к отцу ученика, тот дал бензин. А другой ученик сказал, что у него в городе есть знакомый ветеринар. Учитель Иван Николаевич сел за руль, и мы повезли раненого орла в город к ветеринару. В ветлечебнице нам сказали, что нужно прооперировать птицу, у неё раздроблено крыло. Оставьте пока тут своего орла, мы им займёмся. Потом, если он сможет летать, мы отпустим его на свободу, а если нет, то везите его в Москву, в зоосад. Сели мы в свой автобус и покатали назад к себе в Подбелевец.

И вот мы с папой возвращались домой в свой посёлок Синяевский, шли просёлочной дорогой через пшеничное поле. И тут увидели, что опять какая-то большая, огромная птица ходит кругами над нашим посёлком. Пролетая над дворами и садами, она то поднималась высоко-высоко, оглядывая окрестности, а то опускалась, летела над самыми крышами.

– Неужто опять орёл? – удивился папа. – Откуда он взялся?

– Как откуда? – обрадовался я такой неожиданной встрече.

– Это же наш орёл! Наверное, папа, тот, которого мы отвезли в ветлечебницу.

– И царям, оказывается, нужна помощь, – сказал папа. – Исторически так.

А вчера учитель Иван Николаевич сообщил нам по мобильнику, что, действительно, знакомый ветврач поставил орла на крыло. Значит, наш орёл снова летает, это он снова ходит кругами над широкой степью.

КОРШУН НАД ЖАНОВОЙ ГОРКОЙ

Через лощину от Синяевского посёлка находится Жанова горка, названная так по имени пчеловода-учёного Абрикосова. На горке – Абрикосова пасека, посреди пасеки – старый дуб, весь изъязвлённый пулями ещё в Отечественную войну. Этот дуб давно облюбывал себе коршун, прилетая сюда из Арендowego леса. Сидит коршун и смотрит с высоты своей на посёлок. Весь посёлок у него, как на ладони: наседка ходит с цыплятами, цыплята жёлтенькие и тёмненькие, их штук, наверное, сто.

И находится на Жановой горке, на пасеке, будка, а в будке целое лето живёт пчеловод Демьяныч. Колодок у него, наверное, двести. И любит Демьяныч посидеть вечером возле дуба, попить чайку с медком, поговорить по душам с этим дубом, который, наверняка, помнит Льва Николаевича. Наведывался Толстой сюда, к Абрикосову, по пути в Кочеты к дочери своей Татьяне Сухотиной. Владимир Демьянович из местных жителей, он знал ещё

Царь Золотарёв

от своего деда про то, что это место таинственное, толстовское.

Сидит Демьяныч за самоваром, пьёт чаёк, заваренный душицей, и разговаривает с дубом. А коршун сидит на макушке старого дуба и слушает их до самого вечера. Тоже, небось, помнит Толстого с Абрикосовым. До того наработается за день Демьяныч, что как попьёт вечерком чайку с огурцом, так на ночь и падает замертво на топчан, в сон как проваливается. И снится ему, что Толстой рассказывает, как он пишет повесть «Казачи», книжку такую Демьяныч держит на пасеке. А Абрикосов читает ему свои учёные записки по пчеловодству.

– «Ну, что скажешь новенького? – спрашивает во сне Демьяныч коршуна, сидящего на старом дубе. – Про Толстого и Абрикосова?»

– Про Толстого сам всё знаешь, – отвечает ему коршун. – Всё описано в книгах. А вот про жизнь Абрикосова никто ничего не знает, кроме меня. Сад до сих пор при пасеке, видишь, Демьяныч? К осени яблок, бывало, навалом. Позовёт Абрикосов кого-нибудь из окрестных крестьян яблоки собирать, а из яблок варенье варить, повидло. Поработают крестьяне, Абрикосов им столы накрывает под дубом и угощает.

– А деньги? – спрашивает Демьяныч коршуна. – А деньги платил?

– А как же – отвечает коршун Демьянычу.

– А натурой? – спрашивает Демьяныч.

– Одаривал. Сушёными яблоками и свежими, – говорит коршун Демьянычу.

– И что? – допытывается Демьяныч. – Как на это смотрели те крестьяне, кого Абрикосов к себе не позвал?

– Гра...гра...грабёж! – каркнет коршун Демьянычу со старого дуба, и сон на том прекращается».

Проснётся Демьяныч, привстанет на своём топчане и думает, во сне это было у него или наяву? Вблизи от наших культурных традиций или, может быть, вдалеке – тут в обычной сегодняшней обстановке? Уже и не помнит явственно, что приснилось ночью, когда обостряются все ощущения. Выйдет Демьяныч из будки, а коршун тут как тут. Уже над Жановой горкой летает или сидит на макушке старого дуба.

– Кра, кра! – передразнит Владимир Демьяныч коршуна.

– Какой ты чуткий, явление природы. Как можешь ты со своим карканьем забираться в самую душу, живущую заодно с божьими пчёлками. Долгожитель ты, хищник. Как колючий татарник из повести Льва Толстого «Казачьи».

ЦЫПЛЯТА ПОД РЕШЕТОМ

Жену свою Нюру Иван зовёт «начальником штаба». Всё, как у хорошей хозяйки, идёт у неё чередом, по порядку. Утро она начинает с того, что доит корову. Молоко только дзинькнет в ведро, а на крыльце одна за другой уже сидят четыре кошки, и каждая ждёт своего. Тётя Нюра только нальёт им в миски парного молока, как Трезорка принимается повизгивать. Предвкушает, что после кошек что-то перепадёт и ему. А два петуха в ярко-огненных перьях во главе своих кур-подхалимок уже вышагивают вдоль двора. Нюра обращает внимание на наседку с цыплятами. Жёлтенькие и темноватые шарики катаются по траве, далеко от наседки не отходят.

Коршун сидит на макушке дуба на пасеке и наблюдает, как хозяйка хлопочет по двору. Едва коршун слетит с дуба и начинает вить круги над посёлком, как наседка

Царь Золотарёв

тут же распускает крылья, и цыплята ныряют под них. А петух, вытянув голову, истошно кричит, предупреждая всех. Тётя Нюра подбегает к наседке с цыплятами и накрывает их решетом. И коршун улетает прочь. А наседка сбрасывает с себя решето и бежит к остальным курам в курятник. Цыплята катятся следом. Когда коршун появляется опять, тётя Нюра снова загоняет цыплят под решето, грозит коршуну кулаком.

Коршун улетает обратно на пасеку, и куры из курятника выходят во двор. Тётя Нюра снимает с цыплят решето, и они присоединяются к курам, которые начинают копать в густой травке – гусьятнике. Выходят из курятника и петухи. Кошки идут на огород ловить мышей. Пёс Трезор перестаёт лаять на коршуна. Переполох на посёлке куда-то девается. Спокойно пасётся за огородами лошадь.

На закате тётя Нюра провожает кур с петухами в курятник, отдельно закрывает наседку с цыплятами. Трезор забирается к себе в конуру и лишь иногда лает на шум за рекой, в соседней деревне.

Во дворе становится тихо, спокойно. Тётя Нюра уходит в дом делать другие дела. Иногда из окна во двор пробивается звук телевизора. Слышится стук подков лошади, идущей за Иваном в сарай.

На другое утро всё опять идёт по порядку, размеренным ходом. Наседка выбирается из-под решета и идёт от цыплят к курам покопаться в кормушке. Снова налетает коршун. Дядя Ваня выскакивает из дому, грозит коршуну ружьём. Тётя Нюра уговаривает его:

– Да, ладно, Иван. Коршун-то не утащил ведь ни одного цыплёнка.

– Пока не утащил, – отвечает Иван.

– И на том ему спасибо, – успокаивает его она, «начальник штаба», хозяйка этого живого дворового мира.

А цыплята под решетом сидят тихо, тихо. Желтоватые и темноватые шарики, они уже кое-что понимают в человеческих отношениях, тайнах крестьянского двора. И коршун, перелетев на Жанову горку, сидит себе на дубе, смотрит сюда, на людей, иронично. Проживи, попробуй столько лет, столько зим. А он живёт, наверно, уже лет полтора. Из них лет тридцать под Нюриным руководством. Поневоле зауважаешь «начальника штаба».

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Утром, когда мы ещё спали, постучали в окошко. Дядя Ваня сказал:

– Вот вам деньги. Пойдёте в Сойминово за хлебом, купите мне бутылочку.

– Что нам стоит дом построить, – подмигнул ему папа. – Нарисуем – будем жить.

Вот уже две недели, как на Сойминовский мост приезжает автолавка. Привозит продукты питания жителям окрестных посёлков и деревень.

Идти сюда вдвое ближе, чем в Подбелевец. Пошли мы не верхней полевой дорогой, а нижней – вдоль Алёшних. Слева – речка, справа – смешанный лес. И вот слетела откуда-то с дерева птичка и села на пень перед нами. И стал я гадать вслух: откуда она слетела – с ёлки или берёзы? И что это за птица такая, как она называется?

– Чиж это, – сказал папа уверенно. – Чижей знаю с детства. Вишь какой? Пузочко жёлтое, крылья и спинка позеленее, головка чёрная, с белой полоской.

– А чем она питается? – поинтересовался я опять-таки вслух.

Царь Золотарёв

– Семенами, почками, – ответил папа. – Ну, и всякими насекомыми.

Мы подошли совсем близко, чиж не боялся нас, не улетал. Но на всякий случай вспорхнул и тут же сел на ближнюю ветку. Смотрел на нас с любопытством. Я отломил ему пряничка и положил на пенёк. И мы пошли дальше своей дорогой на Сойминово, на Сойминовский мост. И я стал читать стихи про чижику-пыжику, которые знал наизусть от папы.

– Чижик-пыжик, где ты был?

За рекою водку пил.

И папа засмеялся, подхватил тут же:

– Выпил рюмку, выпил две,

Зашумело в голове.

И так до самого Сойминово мы с папой пели, рассуждали про чижей, говорили о чижику-пыжику, который живёт у нас тут под боком, а не где-нибудь на Юге или даже в Америке.

В Сойминово мы купили, что нам было надо, не забыли дяде Ване бутылочку и отправились обратно той же дорогой. Начался ветерок, липы зашумели листвой, а клёны слева по бугру слегка закачались. Но было, скорее, тепло, чем холодно. Впереди нас ожидала встреча с пенёчком, на котором мы видели чижику.

От моста Алёшня стала расширяться. А дальше, изгибаясь, шла дугой в сторону леса – получался широкий луг, по нему и бежала наша стёжка-дорожка, которая вела нас вперёд. К тому самому месту, где мы встретили чижику. А вот и пенёк. Но на нём уже ни чижа и ни пряника, которыми мы с чижом поделились. Чижик-пыжик! Пригодился тебе мой пряник. Хорошо мне, когда тебе хорошо. И я запел:

– У дороги чижик, у дороги чижик,

Он кричит, волнуется, чудак.

Ах, скажите, чьи вы? Ах, скажите, чьи вы?

И зачем, зачем идёте вы сюда?

И на песенку эту слетел откуда-то с ветки этот самый чудак. И опять я стал гадать: откуда слетел он – с ёлки или берёзы?

Из земли рядом бил родник с чистой ключевой водой. Я снял фуражку и зачерпнул водицы прямо из родника. Вот вкусна, замечательна!

– Водичку-то какую пьёт чижики, – сказал папа. – Не то, что дядя Ваня из этой бутылки.

– И я буду ходить с бидоном сюда, – ответил я папе. – И мы будем пить воду из родника.

– Ключевую пить будем, – подтвердил папа. – Из ключа, которым земля открывается.

– За чем ходим мы тут, этой дорогой? – сказала я папе. – За хлебом?

– Зачем? – засмеялся папа. – Да просто так! Будем всегда ходить сюда, к птицам. Птицы наши друзья и товарищи. Мы ответственны за тех, кого приручаем.

Видите, на пенёчке нет ни крошечки пряника. «А чего чижику нас бояться? Мы возьмём и положим чижику белого хлеба». Взял я и отломил кусок булки, купленной в Сойминово, и положил на пенёк. А папа отломил кусок чёрного хлеба и тоже положил на пенёк. И так у нас стало светло на душе. И не только от солнца. Солнце светит всегда, когда мы делимся с птицами самым насущным. Тогда мир природы доверяет нам, как самому себе.

Мы шли домой, поднимались в гору лесной тропинкой и пели про чижику-пыжика, про чибиса и про других всяких птиц. Пели мы с папой хорошую песню:

– У дороги чибис, у дороги чибис,

Он кричит, волнуется, чудаки.

Ах, скажите, чьи вы? Ах, скажите, чьи вы?

И зачем, зачем приехали сюда?

ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН

За вечерним чаем мы вели беседу обо всём понемногу. И тут сквозь шелестение яблонь в распахнутое окно слышались печальные звуки. Они долетали до нас из-за Абрикосовой горки.

– Это журавли, – обеспокоился папа. – Это клин журавлиный.

– Осень уже, – сказала невесело мама. – Скоро уезжать в город, покидать эти места.

Звуки приближались, вот они уже и над нами, над нашим посёлком.

Мы с папой выскочили из дому и что есть духу побежали к двум одиноким берёзам в конце огорода. Небо тут было высокое, широкое во все стороны. Как раз над посёлком пролетал журавлиный клин, пронес свою грустную, очень грустную, даже печальную песню. Клин, как всегда, вёл вожак. За ним, вытягиваясь в две струны, несли печаль свою, покидая нас, журавли. Обычно их бывает до полусотни. А сейчас я посчитал их, за вожаком было... раз, два, три... семь... ну, может быть, восемь... Слёзы на глаза навернулись, хотелось плакать.

– Папа, – сказал я дрогнувшим голосом. – Почему их так мало? Всегда садились много у нас, на «колыме».

– Перелётные птицы, – сказал папа невесело. – Когда летят через Чёрное море, они садятся даже на палубу корабля.

– А тут пролетают без отдыха, – сказал я.

– Край наш – затерянный мир, – вздохнул папа, глядя на журавлей. – Всё у нас, людей, как у журавлей. А у журавлей, как у нас. Скоро журавли будут облетать наши места.

– Они не хотят видеть, как всё тут у нас получается?

– Да, три двора – пять проблем. Три двора исчезли, в пяти живут по одному. Прилепы на ладан дышат. Красные Рябинки, что за Высоким, только в памяти держатся.

– Помнишь, папа, как мы ездили сюда в набитом, как селёдкой, автобусе?

– Свобода везде и во всём, – закончил папа тем, о чём я подумал.

Пригладив ладонью траву, мы сели на неё, оперлись спиной о стволы двух одиноких берёз и долго смотрели на село Высокое прямо перед собой. Туда как раз поднимался в гору автобус. Единственный рейс в неделю, где недавно ходили по несколько раз в день.

Вот какие думы наводил на нас клин журавлиный со своими уносимыми ветром криками.

СНЕГИРИ НА СНЕГУ

Слетели сверху откуда-то к нам во двор птицы. Сели на траву, и зелёное сразу сделалось красным. Как будто скатерть расстелена, скатерть волшебная – самобранка.

– Это снегири, – сказал папа. – Помню их ещё с детства.

– Снегири? – удивился я. – Какие яркие, праздничные! Грудь колесом – красная, а крылья – тёмные. Хвост розовый, с тёмной полоской посередине.

– Зимняя птица, – сказала мама. – Пора, значит, в город нам собираться.

– Снегири, – радовался папа этому празднику во дворе. – Снегири как на снегу, красное на белом! Когда я был мальчишкой, ребята постарше так, бывало, ловили их. Поставят ящик на палку, а к палке шнурок привяжут. А под ящик хлебных крошек насыплют. Снегирь нырнет за крошками, Толик Лавушкин дёрг за шнурок, и ящик за-

Царь Золотарёв

хлопнется, снегирь в западне. Бери голыми руками снегиря и в клетку. Да и тащи на базар или отдавай, кому хочешь.

А через часок заявляется к нам дядя Ваня. В руках у него клетка, а в клетке снегирь.

– Вот тебе, – вручает он мне снегиря. – Это тебе за бутылочку, что ты принес мне из Сойминово.

И поставил клетку на стол. В клетке, нахохлившись, сидел одиноко снегирь.

– Да, братец ты мой, – сказал папа грустно. – Снегирь есть снегирь. Снегирь на снегу. Это тебе не канарейка с Канарских островов, не попугай из Америки. Те поют, размножаться могут в клетке. А снегирь – птица лесная, вольная.

– Скучать будет по лесу, – сказал и я, погрустнев. – Кто знает, ещё и помрёт в клетке.

– Лесная птица должна жить в лесу, – сказала мама.

Взял в ладони я крошек побольше и швырнул снегирям на траву.

– Клюйте, клюйте, ребята! – улыбнулся я стайке. – Мы все тут свои.

А потом взял и тихонько потрогал клетку со снегирём, принесённую мне дядей Ваней. Открыл дверцу и выпустил снегиря. Лесная, свободная, вольная птица! Ты, живи, где хочешь, клетка тебе не нужна.

На другой день весёлый красногрудый снегирь опять прилетел к нам во двор.

СВИРИСТЕЛИ

Вот и осень. С нашей дачи мы переехали в город. С середины октября начались затяжные дожди. После лёгкого морозца пошёл снег, и в комнате стало светлее.

И вспомнилось мне светлое лето в деревне. Солнце и птицы в Синяевском: белая длинноногая цапля, лунь с зелёными глазами, синички синие, журавлиные песни...

– Нет, папа, – сказал я, отложив в сторону учебник, – всё-таки лето лучше.

– Ой, смотрите, смотрите! – позвала нас мама к телевизору.

– Какая передача интересная.

Прильнули мы к телевизору. Рассказывали и показывали, как на окраине Питера дети увидели птиц, валившихся на асфальте. Пособирали они этих птиц и побежали в зоопарк к специалисту: чудные какие-то птицы. Поставил специалист одного-двух-трёх на ноги, а они на ногах не стоят, набок валяются.

– Да они же пьяные. Где же они нализались?

– Не нализались, – сказали ребята, – а наклевались.

Птицы не лижут, а клюют.

– Ну, наклевались, – поправил сам себя специалист. – А чего они наклевались? Это свиристели. Видите, на голове хохолок, на конце хвоста чёрная поперечная полоса, зубец небольшой над клювом. Ну да, это свиристели обыкновенные. Ну, и чего же они наклевались? Свиристели ягоды клюют. Что у вас там, какие деревья? Рябины есть?

– Есть, есть! – закричали ребята. – Целая аллея рябин.

– Всё ясно, – сделал заключение специалист. – Очень долго стоит тёплая осень, и кисти рябин забродили. Сок в ягодах забродил. А много ли птице надо? Клынул раз, клынул два и – набок.

Выпил рюмку, выпил две –

– Зашумело в голове! –

во всё горло запел я ту самую песню, с которой летом мы возвращались в Синяевский с сойминовской автолавки и несли дяде Ване бутылочку.

Царь Золотарёв

Передача закончилась, но свиристели не выходят у меня из головы.

Проснулся я наутро, в школу надо идти. Глянул в окно, а внизу за окном четвёртого этажа и у нас тут рябина краснеет, как в Питере. Вот такие кисти – огромные. Говорят, если урожай на рябине, быть зиме холодной. Стоит, покачивается рябина под тяжёлыми ветками, а под рябиной яркие, красно-жёлтые ягоды на молодом белом снегу.

Но никто не налетал на нашу рябину, не садился на её виснувшие ветки, не клевал подмёрзшие ягоды. Разве что воробьи садились на нашу рябину, да и то ещё в прошлом году. Никто из них не валился на асфальт, нажевавшись жёлто-красных ягод рябины. Другая осень была. Да и воробьи не свиристели.

– Свиристели, свиристели,

Всю рябину просвистели, – стал я складывать слово к слову, как ягодку к ягодке, чтобы кисть получилась покрупнее, поярче.

Да и опоздал в школу из-за этой телепередачи про питерских свиристелей и про нашу рябину под окном четвёртого этажа.

Каждый день теперь по несколько раз я нет-нет да и гляну за окно на рябину. Не прилетели ль к нам сюда свиристели из Питера? Урожай у нас на рябине отменный, есть чем тут им заняться. Но нет, не летят они к нам из Питера. Там же море, там климат мягче, там Васильевский остров и Зимний дворец. А тут у нас морозы. Как и в прошлом году, воробьи опять налетят и без всякой боязни будут клевать эти гроздья. Осень и у нас тёплая, но, к сожалению, свиристели водятся только на севере, в Питере.

Утром я по привычке глянул в окно и увидел на рябине ярких хохлатых птиц – свиристелей.

– Они прилетели! – обрадовался я. – Смотрите, какие красивые звуки! Свистят свиристели.

БЕЛКА НЕ БРАКОДЕЛКА

На другой год мы опять приехали на свою дачу, в посёлок Синяевский. И опять же дело к осени, когда можно ходить по грибы, по орехи. И вот как-то раз мы отправились в перелесок Осинки. Там обычно водятся грибы под названием лисички.

Походили, походили мы по осиннику. Сумрачны, хмуроваты осинки без ярко-жёлтых лисичек. А как только эти лисички вылезут из-под земли, так по всему перелеску и разбросается пятнами солнечный свет. Так ничего и не попало нам в этих осинках.

– Перейдём, что ли, в лес-крупняк, – призадумался папа. – Там белые грибы растут.

Перешли мы суходолом в крупный дубовый лес. Дубы по берегу высятся – огромные, ровные. И развешенные, если от всех отдельно стоят, в одиночку. А с самого низу по ложине душица цветет, травка такая, ею мы чай завариваем. Весь корень с самого нижнего дуба собой заплела. А корень-то необычный, как сук понизу, по самой земле стелется. Бревнистый, толстенный. Всегда тут стоим и смотрим на этот корень, упирающийся в камень, как бы выперший из-под земли на внешней протоке. Постоим – постоим, посмотрим, посмотрим и только после того входим в крупный лес, где белые грибы попадают. Словно спрашиваем у этого дуба разрешения на удачу.

И тут же слева от крупного дубового леса зеленеет орешник. В прошлом году мы орехов тут набирали стаканов по двести.

Царь Золотарёв

– Не надо в Подбелевце болтать, куда вы ходите по орехи и сколько орехов набираете, – говорила нам мама. – Белки жили тут давно, ещё до посёлка, и им вполне хватало и грибов, и орехов. Белка не бракоделка, это вы ходите в Беличий орешник и лишаете её всего, да ещё и водите за собой всяких.

Дай, думаем, на этот раз заглянем домой к белке. В том году мы видели у белкиного дупла сушёные грибы и орехи. А как там сейчас? Зашли мы в орешник и ахнули: самые крупные лещины срублены и валяются на земле. Расстроились, конечно. Пришли домой и рассказываем. Мама и говорит:

– Ну вот! Доболтались своим языком. Белок голодными оставляете на зиму.

– Кто же это орешник испортил? – сокрушаемся мы с папой.

– Кому это мы путь туда показали?

Мама ведёт нас на улицу к молодому, приподнявшемуся из-за сирени ореховому кусту.

– Года два-три тому видела белку в лесочке, что напротив нас, – говорит мама. – Рыжая, с пушистым хвостом, всё летала по веткам. Я тогда не придавала этому никакого значения. Оказывается, она посадила нам этот ореховый куст. Чтобы вы к ней туда не ходили.

– А почему она рыжая, а называется белкой? – спросил я.

– Летом она рыжая, – ответил папа. – А зимой становится белой.

И теперь мы не собираемся ходить к ней в орешник. Ни за орехами, ни за грибами. Будем ходить теперь в Байдин лес за орехами. А за грибами будем ходить с папой во всякие другие места, например, за лисичками – на ту сторону речки вдоль Проказинского лесочка. А за маслятами отправимся куда подальше – в сосновые посадки, что

за Сойминовским мостом. Подберёзовики появились в березняке по дороге в Прилепы. С утра пошёл – ведро набрал. А опят с осени прямо от порога набирай хоть мешок.

Вчера мы нашли целое семейство шампиньонов в конце огорода, под двумя высокими большими березами и пятью молодыми берёзками. Шампиньоны тугие, крепкие, аж звенят. И вот встретился нам белый гриб – всем грибам полковник. Под коричневой шляпкой и на белой ноге. И подумали мы, что всё это неспроста: мы помогли белке, а белка теперь нам помогает. Главное – мы стали своими тут в мире природы, в синяевских ни с чем несравнимых местах.

МОЙ ДРУГ ЁЖИК

Дело было опять же в Синяевском. Лето заканчивалось, однако я ночевал пока ещё в старом сарае на диване, выброшенном Бог знает кем и когда. Не сомкнув глаз, я лежал, глядел в приоткрытую дверь. Темнотища вокруг, но мне не было страшно. Часа через два где-то внизу, под диваном, из-под земли послышался шорох. Я насторожился. Шорох повторился. «Что это происходит? – подумал я. – Чудится мне или всё это наяву?» Всю ночь я провёл в гаданьях: «Что же всё-таки это? Мыши? Крысы? Тролли какие-нибудь, колдуны?»

Едва рассвело, я тут же схватился с постели, заскочил за угол сарая и во все глаза впился в землю. Дыра какая-то круглая, дырища. Я уже видел такое однажды и догадался: «Это ёжик!»

Вечером ёжик вышел из норы и, отфыркнувшись, двигался от калитки сюда, к крыльцу. Видно, выбрался на кормёжку. Он топал по тропе при луне, неся на себе

Царь Золотарёв

свой полукруглый шар из иголок, на которых искрилась луна. Затем свернул направо, в сад, и иголки погасли.

Так состоялось моё знакомство с ёжиком. Он стал моим другом уже через неделю. Я крошил ему хлеба, наливал молока в консервную банку. Ёжик настолько привык к моему угощению, что едва наступали сумерки, как он уже тут как тут у крыльца. Спокойно ест и пьёт, не обращая на меня никакого внимания.

На ночь я опять уходил в сарай и лежал на диване без движения. Как только слышался шорох в земле, откуда-то из-под дивана, я начинал разговаривать с ёжиком.

– Послушай, ёжик, ты тоже не спишь? Хочешь, я расскажу, что я делал сегодня? Мы ходили на Сойминовский мост к автолавке, купили, как всегда, хлеба, пряников, а ещё пшена. Пospела тыква, и мама собирается завтра варить пшённую кашу. Говорит, очень вкусно с тыквой на молоке. Приходи, я тебя угощу.

– Погуще только сварите, – как мне кажется, говорит мне снизу откуда-то ёж. – Мы, ежи, любим густую кашу.

– Хорошо, – отвечаю я ему, – скажу маме, пусть сварит погуще.

– Конечно, погуще, – подает голос довольный ёжик.

– А ещё, – говорю я ежу, – вот что было со мной сегодня. Приходили ко мне соседские ребята за книжками. Что-нибудь взять почитать, я же тут у них за библиотекаря. Ребята любят читать про войну, дал я им книжку про индейцев из Фенимора Купера. А девочки пришли – Лена и Катя, так тем давай «Капитанскую дочку» из Пушкина.

И слышится мне, ёжик вроде бы говорит:

– А про ежей у тебя что-нибудь есть?

– Про ежей, – говорю я, – к сожалению, нет. Пишут писатели. Но есть про природу, например, Сетона-Томпсона, Пришвина.

Ёж спокойно выслушивал всё это и умолкал, скорее всего, уходил в сад, на ночную охоту. И мне засыпалось спокойнее.

На другой день я пришел в сарай свой, едва наступили сумерки. Говорю ёжику:

– Про ежей у меня книжек нет, а вот историю про ёжика могу тебе рассказать. Послушай. Был я года два назад у моей бабушки Марии – папиной мамы. Она живёт в небольшом городке, есть у неё небольшой домик, и при нём огород с садом, закрытый со всех сторон железной сеткой. Как говорится, сквозь неё ни пройти, ни проехать. И жил у неё на усадьбе тоже ёжик. Большой любитель свободы. Взял он и подкопался под железную сетку. Нору сделал себе: тут вошёл, а там вышел. И оказался ёж на дороге. Когда ежи ходят по дорогам – ночью. Ехала машина и задавила ёжика. Так жалко. И ты, ёж, как выйдешь из норы своей ночью, гляди, будь осторожнее. Не выходи на дорогу. Берегись автомобиля.

А однажды к вечеру ёж пришел к нашему крыльцу с двумя маленькими ежатами. Оказалось, это не ёж, а ежиха.

И вот опять я на своем диване лежу и разговариваю теперь с мамой-ежихой. Ночи уже скоро прийти, а я всё разговариваю и разговариваю с ежихой. Вот ежиха мне и говорит:

– Ты кто – «жаворонок или «сова»? Ночью никак не уснёшь. А я днём сплю, а ночью выхожу на охоту. Когда-нибудь выйди и погляди, как я учу своих ежат ходить по саду, по лугу и по кустам. Как всю ночь шуршим мы сухими листьями и травой. Птицы тихо спят на деревьях, только и звуков, что яблоки падают да где-то гром погромыхивает. Дождь будет, я своих ежат дома оставляю, боюсь, простудятся.

Ежиха вылезла из норы и ушла, а мне всё не спится. Всё прислушиваюсь я к ежатам, как они там одни без

Царь Золотарёв

ежихи. Дрожат, скорее всего, подрагивают всем своим маленьким тельцем под большими иголками. Ну, и начал я им, как детям, сказки рассказывать. Рассказываю, рассказываю, рассказал целую серию. Готов, сколько угодно рассказывать, хоть тысячу и одну ночь, а хоть две тысячи. Пока не вернётся к ним их родная мама-ежиха.

И наш кот Васька ходил ночью по саду и по-дружески смотрел на ежиху с ежатами. И даже прохаживался с ними по дорожке от калитки к двери дома и к двери забора. А потом шёл к сетке, протянутой вдоль сада, к зарослям боярышника и кустам смородины, к вишням в конце сада.

Потом ежовое семейство подходило к колонке, цветам, в ту часть сада, где у них была нора, а Васька отправлялся охотиться на мышей один, чувствуя себя хозяином этих владений. Он шёл к мышиным норам и совсем не думал о том, что кто-нибудь помешает его охоте на лугу. В поле и лес он не ходил, знал, что там водятся дикие, хищные звери, не стоит покидать свой сад. Особенно ночью. Чутьё подсказывало ему, что безопасней быть ночью и днём у себя возле дома, во дворе и в саду. Ежи тоже не уходили из сада. Это были и их владения, как и Васькины, с Васькой они дружили и дружат.

ИГРА В КОШКИ – МЫШКИ

Дело шло к концу лета. Сначала мы уехали в город, а через какое-то время мы с папой одни, без мамы, вернулись в Синяевский. Едва открыли дверь, как в нос шибануло спёртым мышиным запахом.

– Гляди, папа, кто был тут! Вот и вот помёт мышиный – на столе, на лавке, даже на холодильнике.

– Еду нечаянно им оставили, – сказал удручённо папа. – Хорошо, что мама не видит.

– Зёрнышки от синичек, – показал я целлофановый пакетик.

Папа ушёл по делам, я в доме остался один. И тут в большой комнате я увидел мышку. Сидит она на полу посреди коврика и смотрит на меня с любопытством. Мигом я стянул с ноги тапку и, что есть силы, запустил её в мышку. Мышь юркнула в дырку между полом и плинтусом и тут же вынырнула из другой дырки. Сидит и опять смотрит на меня, как мне показалось, теперь уж насмешливо.

Сдёрнул я с ноги правую тапку и с силой опять швырнул её в мышку. Мышка исчезла, а через мгновение вынырнула из третьей дырки. И также уставилась в меня бусинками своих глаз, как мне показалось, ещё более насмешливо.

Подобрал я свою первую тапку и опять, что есть духу, швырнул её в мышку. И началась у нас игра в кошки-мышки. Я швыряю тапкой, а мышка ныряет в одну дырку, а в другую тут же выскакивает и смеётся, играет со мной в кошки-мышки.

Весело стало нам обоим, хохочу я, от смеха едва не падаю.

– А ну-ну! – кричу я, когда она в подполье там у себя чуть задержится. – Выходи, выходи! Я жду тебя! Выходи, мышка!

Мышки, оказывается, не умариваются, когда играют в такие игры, а я утомился. Взял и пошёл во двор. Зашёл за дом и что вижу? Сидят на огороде спиной ко мне все четыре тётки Ньюриных кошки.

Каждая караулит свою добычу у своей дырки мышиной.

Приходил папа и опять ушёл по делам. А я сидел у окошка и от нечего делать ел яблоко. И внимание моё

Царь Золотарёв

привлекло что-то слева от подвала, напротив окна. Ах, опять эта самая мышка. Ну да, она, эта серая мышка. И что она делает? А собой занята, на этот раз не замечает меня. Ну, и что же, а мы за ней понаблюдаем. Интересно бывает, когда мышки не знают, что мы наблюдаем за ними.

Вот эта самая мышка выныривает из-за лопуха, и в зубах у неё сухая травинка. Посидела, посидела, поправила сухую травинку в зубах и направилась в сторону подвала. Тащит её упорно через всякие препятствия из земляных комьев, сухого валежника, взбирается на подвал вверх по земляному валу. Ага, вижу, вижу: тут у неё дырка! Юрк мышка туда и сухую травинку за собой утащила. Скорее всего, там у неё гнездо. Детки малые, мышата. Гнездо им она там устраивает. Дело к осени, скоро зима, гнездо надо сделать потеплее, уютнее. Ух, какая мышка! Заботливая хозяйка!

Сижу я и жду: когда она выйдет? Вынырнула мышка из норки. Оглядывается вокруг, никто не видит, куда она свою сухую травинку притащила? Меня не замечает, я сижу в окне за стеклом.

Убедилась мышка, что никто не видит её, и побежала опять туда, за лопух. И опять оттуда показывается с сухой травинкой в зубах и опять бежит с ней на земляной вал подвала, опять нырь в свою дырку. Бегаёт мышка туда-сюда, туда – с сухой травинкой, оттуда – без ничего.

Всё носит и носит мышка сухие травинки в своё гнездо. И стал я считать: сколько раз она пробежала туда и обратно? Десять, двадцать, пятьдесят, семьдесят, девяносто, сто двадцать... Насчитал до ста пятидесяти и уморился считать, сколько же можно туда-сюда бегать?

А потом призадумался и говорю сам себе: «Какая труженица! Маленькая, а сколько сил».

Мышка всё носит свои былинки в гнездо, никак не уморится, а я уморился. Выхожу из дома, иду за двор, а

по лугу, в конце огорода, всё те же четыре тётки Нюриных кошки. Сидят каждая над своей дыркой. «Тоже своя игра у них, – подумал я и засмеялся. – Сидите, сидите, кошки, а мышки хитрее вас».

Конечно, и там, за дырками, возле которых сидят тётки Нюрины кошки, тоже есть гнёзда и тоже есть мыши. Но кошки караулят их, а мышки сидят и не выходят. Такая игра: кто кого перетерпит, кто кого перехитрит? Кошки знают, что какая-нибудь мышка не выдержит, выскочит из норы и тогда хватить за шкурку её и тащи как воришку в полицейский участок.

День подходил к концу, а кошки всё сидели на огороде возле мышиных гнёзд. И я вернулся во двор. Мышка уже не бегала с сухой травинкой в зубах. Наверно, не умела считать до тыщи. Вон сколько всяких травинок у нас во дворе в виде сора. Я взял метлу и стал подметать. Налил в ведра воды из колонки, вскипятил чайник, чтобы, когда папа придёт, дома всё у нас было в порядке.

Птицы ещё пели в саду, но всё тише и тише. Небо едва было окрашено закатившимся солнцем. Смеркалось. Тёмные силуэты кошек выделялись на розовом горизонте. Кошки всё сидели и сидели, они охотятся ведь и ночью, видят ночью так же, как и днём. И мышкам это известно. Кошки играют в свою игру всю ночь и весь день. Люди знают эту игру и называют её игрой в кошки-мышки.

КРИКИ КОСУЛИ

За два-три дня до Покрова мы с папой решили ещё раз съездить на дачу, в посёлок Синяевский. Посмотреть, всё ли там в порядке. Побывали, посмотрели, зашли проведать наших друзей – дядю Ваню и тётю Нюру. Посиде-

Царь Золотарёв

ли у них, поговорили по душам и собрались уезжать, а они нам и говорят:

– Оставайтесь-ка, дорогие. Куда ехать, уж поздно. Переночуйте у нас.

Мы и остались. Всё сидим, разговариваем. И тут стало мне что-то не по себе. Вроде слышу где-то какие-то крики. Выхожу за порог – в самом деле, крики. Жалобные такие, печальные, похоже на детский плач. Вот кричит, вот плачет кто-то, душу из тебя вынимает. Тётя Нюра как раз шла корову доить, приостановилась и говорит:

– Это косуля. Где-то в устье, где Алёшня впадает в Зушу. Это она там кричит, надрывается.

«Что бы это значило?» – подумал я.

Уходя, тётя Нюра махнула рукой в сторону устья:

– Волк на днях выл там. Как завоет, завоет. Может, волк косулю гоняет?

Вернулись мы в дом. Парным молоком угостила нас тётя Нюра. А у меня всякое настроение пропало. То ли косулю жалко, то ли ещё отчего. В уголке под иконой лампадка горит.

– Какая это икона? – спрашиваю я тётю Нюру.

– Казанской божией матери, – отвечает мне тётя Нюра. – Скоро Покров – наш престольный праздник. Казанская – покровительница Руси. Что-то, видать, не к добру кричит эта косуля. Надо свечку поставить за здравие, чтобы было всё у всех хорошо.

Зажгла тётя Нюра свечу и пристроила её к лампадке. Досмотрели мы программу «Время» по телевизору и стали спать собираться. Тётя Нюра с дядей Ваней ушли в другую комнату, а нам с папой уступили диван. Постелила тётя Нюра свежую простыню, на подушку надела новую наволочку.

– Спокойной ночи, – пожелала нам она, уходя в другую комнату.

А мне не спится. Выхожу на улицу, а косуля кричит, плачет, словно жалуется кому-то, что-то хочет сказать. А кругом темно, глубокая ночь. Вернулся в дом я, прошёл к своей постели на цыпочках, чтобы никого не будить. Тётя Нюра из другой комнаты подала голос:

– Спи, сынок. Не волнуйся. Утро вечера мудренее.

А не спится мне, да и только. Всё косулины крики слышатся, но уже не от устья, где Алёшня впадает в Зушу, а тут где-то ближе к нам, к посёлку Синяевскому. Так всю ночь и провёл я не то во сне, не то в полусне. Всё мне кошмары какие-то виделось.

Посветлело окошко, значит, утро уже, пора и вставать. Тётя Нюра звякнула на кухне подойником. И тут постучали в дверь. Кто бы это в такую рань да ещё тут, в отдалённом посёлке? Вижу, дядя Ваня потянулся к охотничьему ружью.

– Совсем одичаешь тут за зиму, – изменилась в лице тётя Нюра.

Оказалось, это почтальон из Подбелевца. Привёз телеграмму.

Делал круг по деревням и посёлкам, первым Синяевский был у него на пути. С него и начал, чтобы управиться до полудня и успеть к скоростной электричке в Москву.

– Живёте тут у чертей на куличках, – упрекнул он тётю Нюру с дядей Ваней.

– Добрые люди не в Москву, а сюда на Покров едут, – сказала тётя Нюра, принимая от него телеграмму. – А ну, что тут в ней написано? На-ка, Ванюша, посмотри.

– Без очков не вижу, – сказал дядя Ваня.

Тогда я взял у него телеграмму и без всяких очков прочитал:

– «Посёлок Синяевский, бабушке Нюре и дедушке Ване, Ивану Андреевичу. У меня родился сынок. Пока ещё никак не назвали. Ваша внучка Лена».

Игорь Золотарёв

– Ого! – так и присели тётя Нюра с дядей Ваней на лавку. – Человек родился.

– То-то косуля кричала, – сказал дядя Ваня. – Оказалось, к добру.

– Это я свечку поставила. За здра-ви-е, – облегчённо вздохнула тётя Нюра. – Всё за Леночку беспокоилась.

– А пока никак не назвали, – сказал я, очень даже повеселев. «Значит, косуля кричала к добру. Детским голосом кричала оттуда от устья, где Алёшня впадает в Зушу, а потом кричала и возле посёлка. И волк тут не причём».

– Так что посоветуем, как назвать сына у Леночки? – глядя в корень, сказала тётя Нюра, недаром в округе её считают «начальником штаба». – А посоветуем назвать, как и деда, – Иваном. Вот, – сказала тётя Нюра почтально, пока тот ещё не уехал. – Отбей-ка Леночке телеграмму такого содержания: «Лена, поздравляем тебя с сыночком. Назови его именем деда – Иваном».

На автобусную остановку у Косарёвки мы с папой летели, как на крыльях. Вот, оказывается, о чём кричала косуля. И детский плач её не плач был, а голос откуда-то. Такое событие, такой знак природы.

И всё на посёлке в порядке, все так же, как и всегда. Только теперь на то лето будет в Синяевском на одного дачника больше.

ЗАЯЦ ПИШЕТ, А ЛИСА ЧИТАЕТ

В последний раз в этом году мы поехали на дачу не в конце октября, а в начале зимы. Дорога на Синяевский была уж вся в белом. В белом, белом снегу. И Синяевский был белый-белый. И огород наш белый. И тут под

берёзами мы увидели заячью лёжку. Примятый снег и за ним следы. Заячьи и возле чьи-то ещё, наверно, собачьи. А, скорее всего, лисьи.

И вся картина у нас с папой, как на ладони. Увидел заяц лису и пустился бежать в белое, чистое поле. А лиса за ним, вот-вот настигнет, схватит за пятки. Зайцы – трусливый народ. Поддаёт и поддаёт заяц ходу, лиса твякнет от злости и давай за ним гнаться.

У зайцев всё несоразмерно: не только уши длинные, но и задние ноги длиннее передних. Причём правая задняя толще и сильнее левой. И, когда заяц разгонится где-нибудь в поле, у него получается круг. Гонит заяц и гонит, уж не помнит себя, сколько кругов он сделал и ещё может сделать по ровному белому снегу.

Зимой заяц пытается слиться со снегом в своей белой одежке. Труслив заяц, но и хитёр, а лисица ещё хитрее, да не совсем. Шуба у неё ярко-жёлтая, со снегом никак не сливается.

Конечно, коварная лиса сразу поймала бы зайца. Но вот что проявляется в решительный момент у трусливого зайца. Сделает заяц круг и на второй пошёл – чешет и чешет вперёд, у страха глаза велики. Пишет и пишет заяц-беляк по белому снегу свои письмена. А лиса мчится за зайцем и следы его как бы читает, но бегло, не прочитывает до конца.

Смотрим мы с папой на все эти зимние олимпийские игры и что видим? Уже не только второй круг сделал заяц, а лиса гонится и гонится за ним – холериком, за ним – спринтером и никак не угонится. Куда ей, специалисту по средним дистанциям, гоняться за длинноногим зайцем. Может, среди зайцев он ещё и чемпион?

Сделала рыжая лиса два круга следом за зайцем, но он может сделать кругов, сколько угодно, не сосчитать. Присела рыжая перед четвёртым кругом на кочерыжку

Игорь Золотарёв

капустную, поджала под себя огненный хвост, призадумалась. И, хотя она сыр во рту не держала, а заяц не похож цветом шубки своей на лисью, лиса зайца всё-таки не догнала. И думает лиса: «Что же я так оплошала. Надо хитрость применить. Что за ним гнаться-то следом? Так можно сделать сколько угодно кругов! Заяц из трусости никого не подпустит к себе на близкое расстояние. Так и будет держать дистанцию».

А следы заячьи шли, петляя, далеко в поле. И заяц уже не мчался по кругу навстречу лисе, туда, где сидела и поджидала его лиса. И вот она придумала такой хитрый план: бежать не по прямой через круг, а наперерез зайцу.

Это мы с папой прочитали следы на снегу, как письма: заяц пишет, а лиса читает. Лиса проявила смекалку и хитрость, а заяц – труслив, и получилось то, что получилось.

Постояли мы, посмотрели на круг из заячьих и лисьих следов. И стало нам ясно, что хитрость есть хитрость, а трусость есть трусость. Лиса гоняет трусливого зайца, ходит в поле заяц кругами. Но стоит ему присесть, как в снегу его уже не видать. А лиса в своей огненной шубе торчит, как бельмо в глазу. Для чего лисе это надо? Лиса своя осенью в золотистых лесах, а заяц свой в снегах, в белоснежной степи. Вот и живет в снежном поле заяц-беляк в целостности и сохранности до конца своей жизни.

ВОЛЧИЙ ШЛЯХ

В Дубовике, где проводят свои хлебоборбские конференции учёные, председателем был Виталий Кузьмич. Жил он неподалёку от Дубовика, в малом городке, где имела у него, как и у всех жителей, усадьба с огородом, на

котором он ничего не делал. Боялся Виталий Кузьмич укуса пчелы, от этого он распухал опасно для жизни. За него на огороде жена работала, сам Виталий Кузьмич целиком был занят дубовицким хозяйством. Гречихи он не сеял, не хотел, чтобы летали сюда пчелы из города, где пчеловодов было превеликое множество. А из охотников на волка был только один Лисицын, фотограф. Но не с фоторужьём, а с настоящим, охотничьим, заряженным пулей.

Поскольку гречиху Виталий Кузьмич не принимал в расчёт, пришлось ему сосредоточиться на зерновых, а именно, на озимой пшенице. И на животноводстве, а именно, на овцеводстве. И была у него в Дубовике овцеферма. Но не было на овцеферме технологии сохранения общественного поголовья.

Пронюхал про это волк, живущий в соседних лесах и перелесках, в окрестностях Онегинского посёлка и стал наведываться на Дубовицкую овцеферму. Как нанесёт визит сюда волк, так с десятков овец зарежет и только одну возьмёт и утащит. Ну, сколько можно терпеть этот разбой? Появился охотник Лисицын.

– Фамилия у меня такая, от животного мира, – сказал он Виталию Кузьмичу. – Но охочусь я на крупного зверя – на волка. Могу предложить свои услуги, если не возражаете.

– Конечно, не возражаем, – живо ответил ему председатель со своим интеллигентным именем, доведенный волком до крайности. – Опять этот хищник зарезал одиннадцать с половиной овец.

– Как «с половиной»? – удивился Лисицын. – Как это можно?

– А так, – сокрушенно сказал Виталий Кузьмич. – Одна осталась живой, недорезанной. Тут некоторые предлагают, – пошутил горько дубовицкий председатель, – отвести её в город, к хирургу районной больницы.

Царь Золотарёв

– К ветеринару надо, – не понял юмора охотник Лисицын.

И, с согласия Виталия Кузьмича, засел на ночь на дороге из Дубовика в сторону Онегинского поселка, по которой ходил ночью туда и обратно волк, оттуда – с овцой на спине. В связи с этим дорога на Дубовик получила в народе название Волчий шлях.

Волк матёр и хитёр. Туда идёт по асфальту и оттуда идёт по асфальту, след в след. Аккуратно ногу свою ставит там, где машины ходят, отбивают запахом бензина волчий запах.

И вот сделал Лисицын засаду. Сидит среди всех этих запахов в глухую ночь, без луны. Сидит и молит Бога, чтобы луна не вынырнула из-за туч раньше времени. Но и волк не дурак. Идёт, стелется по асфальту туда – пустой, а оттуда, как всегда, с овцой на спине.

Ничего не вышло у Лисицына с волком в первую ночь. Опять зарезал волк десять овец и унёс одну.

Засел Лисицын на вторую ночь. Увидеть бы только очертания волка. Не до дрёмы. Вспомнил Лисицын про братьев волчьих Ромула и Рема, основавших вечный город Рим, вспомнил про разведку боем на прошлой войне. Волк прошёл мимо Лисицына не справа, а слева, когда Лисицын уснул. И опять волк сделал свое чёрное дело в Дубовике.

На третью ночь засел Лисицын на том же месте, с ещё большим рвением поддержать свой пошатнувшийся авторитет. Что же он профессионал, а с одним-единственным волком не справится?

Блеснула луна, и Лисицын, наконец-то, увидел волка. Но нервы у Лисицына были уже не те. «Бах!» – раздалось из одного ствола, а второй он никогда не заряжал. Не нужно ему было второго выстрела, с одного он бил наповал. Но тут волк, как показалось Лисицыну, оскалил

зубы, бросил овцу и исчез в темноте, во всех этих лесах, перелесках, окрестностях Онегинского посёлка. Лисицын подобрал овцу и потащил в Дубовик.

– Вот, – швырнул Лисицын к ногам Виталия Кузьмича овцу в качестве вещественного доказательства.

Председатель велел передать трофей в столовую. В обед механизаторы ели наваристый борщ с бараниной и, смеясь, похваливали волка.

Аппетит волчий что у него, что у них. Непрочь бы они таких щей похлебать и завтра. Но назавтра волк уже не появился. Говорили, что ушёл он от греха подальше – неподалёку тут, в другую область.

Через какое-то время Виталий Кузьмич был включён в делегацию для поездки в Канаду. Одним из вопросов стояло: организовать за рубежом покупку волков как санитаров животного мира, чтобы выпустить их тут у нас, в Серединной России. К сожалению, Виталия Кузьмича ужалила пчела, из-за его болезни договор не был подписан, волки так и остались в Канаде.

БАРИТОН СЕРОГО ВОЛКА

В окно постучали. Сергей Алексеевич подумал: «Должно быть, зовут к телефону? Прибежали из сельсовета». Сергей Алексеевич был в Подбелевце председателем муниципального поселения, но по привычке звал его «сельсоветом». Оказывается, принесли кутёнка. Кутёнок был такой хорошенький, кругленький, увалистый, серый с тёмным носом, похож на овчарку. А может, это волчонок? Знали, кому приносить. Горазд Сергей Алексеевич на всякие выдумки: то привьёт грушу к яблоне, то разведёт индюток, ондатр, которых после возьмёт и выпустит в речку.

Царь Золотарёв

И стал жить у него этот кутёнок. Сергей Алексеевич приглядывается к нему и не поймёт, собачонка это растёт у него или волчонок? Подрос его питомец, больше стал похож на волчонка. На всякий случай Сергей Алексеевич днём начал сажать его на цепь, а на ночь иногда отпускал: пусть побегаёт. Неизвестно всё же, волчонок это или молодая овчарка? По Подбелевцу поползли слухи: волк у Горбатова появился. То тут курицу стянет, то в другом конце села собаку придушит. Пришла к Сергею Алексеевичу целая манифестация.

– Волка держишь, всю округу терроризируешь, а ещё председатель. Сам пристрели или отдай охотникам, пусть пристрелят.

Молодой волк сидит на цепи. Когда на день, когда на ночь посажен на цепь, лишён воли. И люди, что заходят сюда во двор, как увидят волка, то швырнут в него комком, то запустят матерком. В общем, чует он к себе тут на селе враждебное отношение. И только хозяин относится к нему по-человечески: и кормит, и с цепи спускает, и иной раз ладонью проведёт по спине.

– Как же тебя назвать-то? – говорит он молодому волку. – Назовём Вервольф. Ставка под таким названием в войну была у Гитлера, где-то под Винницей. Что значит «Волчье логово».

– Вервольф? Ко мне! – кричит Сергей Алексеевич и кидает ему половину индоутки. – Ешь, ешь, обормот. Скоро тебе и целой утки на день не будет хватать. Была бы собака, хвостом бы виляла в знак благодарности, а ты только зубы скалишь по-волчьи и повизгиваешь по-собачьи.

Совсем взрослым сделался этот Вервольф. Больше корма стало требоваться, больше давай ему воли. А где эта воля тут у нас в Подбелевце? Где вы её видали? Натянет Вервольф цепь что есть силы, так и стоит, тянется к лесу, виднеющемуся со двора.

Приходит как-то Сергей Алексеевич домой, глянул на будку, а цепь пуста, нет волка. Оборвал ошейник и убежал со двора. Убежал этот Вервольф неизвестно куда.

– Вервольф! Верво-о-льффф! – крикнул Сергей Алексеевич в сторону леса.

– Оо-ууу, – отозвалось, как показалось ему, из орешника.

Неподалёку поселился этот Вервольф от Подбелевца, от дома Сергея Алексеевича, от своей будки. В осиннике, где грибы лисички водятся, выбрал самое тёмное, глуховатое место. Вырыл яму себе в вымоине под шумящей осинкой. Пока тут ему нравится: и по воле походит, по окрестным деревням, и домой к себе, к своей будке, к Сергею Алексеевичу, сходит. Всю ночь напролёт сидит он перед окнами, ожидает, когда на порог выйдет Сергей Алексеевич и швырнёт ему ондатру или индоутку, а то просто погладит его по спине.

А живность в округе пропадает и пропадает. Собрались подбелевские мужики, позвали охотников. Целый день лазали они по лесам и перелескам. Кричали всё, грохали в пустые кастрюли и вёдра, выгоняли волка на охотников с ружьями, стоящих на «номерах».

«Шутки плохи», – подумал Вервольф и решил отсюда переселиться, куда подальше, в другое местечко.

И поселился он в устье Алёшни, впадающей в Зушу. Глухомань. Ни кола ни двора поблизости. Никого. И завыл как-то волк тут по-волчьи. Вот выл, разорвался, плакал вроде бы по судьбе своей, по одиночеству. Получалось протяжно и гулко. И летел, летел его голос по речке Алёшне, вверх до посёлка Синяевский. Тут-то его и услышал Иван Андреевич, сказал жене своей Нюре:

– Это волк воет. Сто лет уже не было волков в наших краях и нате вам, появился.

Игорь Золотарёв

– Голос какой красивый, – ответила Нюра. – Прямо как в телевизоре. Баритон из Большого театра.

– Баритон – это такой голос, «красивый», – прислушался Иван Андреевич. – Это в устье где-то, волк подбелевский, должно быть от Сергея Алексеевича.

Каждый вечер садились на лавку Иван Андреевич со своей женой Нюрой и слушали волка. Выходили из дому сюда к ёлке, как на концерт. Совсем забыли, что это волк, что он плачет по воле своей, по одинокой судьбе. Они слушали его и говорили, какой у него то высокий, то низкий, красивый голос.

– Баритон называется, – говорил Иван Андреевич.

– Как в Большом театре сидим, – отвечала жена ему Нюра.

Они думали, что он поёт просто так, а он пел о свободе в тоске и одиночестве, плакал по своей волчьей безотрадной судьбе, про свои сто лет одиночества.

– Подбелевский волк, – заметила Нюра. – Зовёт, зовёт кого-то... подругу ищет себе где-то в лесах и степи.

– Подрос этот волк, – сказал Иван Андреевич. – Не может уже жить без радости и без семьи.

С тем теперь и уходили они домой, на ночь глядя, однако у двери в сарай с овечками Иван на всякий случай вешал ружьё.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОБАЧЬЕЙ СТАИ

К зиме в городе кто-то выбросит собаку, кто-то сам умрёт, собака окажется брошенной. А ещё есть и служба, которая отлавливает и отстреливает собак. Почуяли собаки опасность и стали уходить из города, прибаваться к людям по деревням. Но и в деревнях кому

городские собаки нужны, своих девать некуда. И стали собаки сбиваться в стаи и бродить стаями вокруг деревень и посёлков. И вот такая стая появилась в устье речки Алёшни, впадающей в Зушу, во владеньях подбелевского волка.

Сначала волк ощерился на собак, а потом подумал: «А чего мне коротать жизнь в одиночестве? В стае как-то легче: и жить, и кормиться». И примкнул к собачье своре, тем более, что, кроме плюгавых шпицев, были в ней также овчарки волчьей породы.

Волк стал большой, сильный и умный. Всё же волк. Лучше приспособлен к дикой природе, к этим лесистым местам. Имеет жизненный опыт, может объяснить, как опасны люди с ружьями, что не надо приближаться к ним на расстояние выстрела. И собачья свора признала его вожак.

Волк выбрал себе в подруги молодую овчарку. С подругой жить интереснее. Собачья стая проверяла окрестные деревни, посёлки, и волк водил их по протоптанным тропам. Добрались они и до Синяевского.

Появилась стая на синяевском лугу неожиданно, когда мирно паслись тут овцы. Стая налетела на них, овцы бросились в речку. Собаки следом перемахнули через протоку и погнали овец по посёлку.

Крики овец, визги собак! Собаки резали овец, шкура овечья клоками летела на окровавленную траву. Иван Андреевич бросился в дом за ружьём. Собаки вихрем пронеслись из одного конца посёлка в другой. Когда Иван Андреевич выскочил на дорогу, стаи во главе с волком уже и след простыл. Три овцы валялись на траве, четвертую свора утащила с собой. Каково было видеть жалкую кучку овец, дрожащих от страха?

Собаки жили когда-то среди людей, они знали городские повадки и потому были хитры, изворотливы. И волк, их вожак, тоже знал людей, тоже был хитёр, но

Игорь Золотарёв

ещё обладал и здешним жизненным опытом. Знал, что люди бывают всякие. Не обязательно такие, какими считают их собаки, сбившиеся в эту стаю. Волк помнил ошейник, но и помнил, как снимали с него в Подбелёвце этот ошейник, давали свободу.

«Мне вчера дали свободу, – гремел на свою округу голос Высоцкого в посёлке Синяевском, – что я с ней делать буду?»

Овчарка подошла к волку, потёрлась боком о его переднюю ногу, оскалила зубы:

– Вожак! Идём в город, налетим на хозяев, которые прогнали меня от себя? Отомстим?

Волк слушал громкую музыку, долетающую к ним сюда из посёлка.

– Не надо, – сказал он собачьей стае. – Не надо мстить. Не то люди придут сюда, найдут нас тут и перестреляют. Не командуйте мной, собаки.

Слушайте, слушайте, слушайте меня, волки!

У людей имеются ружья, капканы. Они придут сюда в устье и погонят нас на флажки. И тогда померкнет у нас и жизнь, и это сладкое слово «свобода».

Съев баранины, стая расселась вокруг вожака, повизгивая и принюхиваясь друг к другу. «Главное – бег, а в беге не отстать от других, главное – выжить в стае». Так думали собаки, и совсем не так думал волк.

Охотник Лисицын в заготконтору райпотребсоюза притащил в мешке волчий выводок – семерых волчат. Директор заготконторы принял волчат и заплатил за них, как за взрослых волков. Так было предусмотрено законом, чтобы волки в районе не размножались.

Сначала волчат разместили в загоне. Они были пушистые, кругленькие, катались по травке, играли между собой, как дети. Директор собирался отправить их за границу района, но не в Америку же и не в Канаду, где будем платить за них потом живые деньги.

Однако денёк у директора прошёл в хлопотах по основной работе, и волчата остались в загоне. Квартира директора была тут же при заготконторе. Ночью что-то его обеспокоило. Поднялся он, заглянул в окно и видит под луной волчица сидит и смотрит молча сюда, прямо ему в глаза.

Утром директор запер волчат в сарае. Навесил на дверь огромный замчище. Пусть посидают, пока он не отправит их, куда надо, где их утилизируют.

На следующую ночь директор опять почувствовал в себе что-то неладное. Во дворе послышался шорох, но на улицу директор не вышел. Утром, чуть свет, решил заглянуть он в сарай, снял замок, открыл дверь – нет волчат. Оказывается, волчица за ночь сделала подкоп под стенкой сарая и увела волчат. Пошёл директор к охотнику Лисицыну и говорит:

– Ротозей мы с тобой! Волчица подкопала под сараем и увела волчат. Надо найти всю эту братву.

Отправился Лисицын на то место, где взял выводок, но там его, естественно, не оказалось. Не такая дура эта волчица, не глупее Лисицына. Она увела волчат, как говорится, на запасной аэродром. Подумал, подумал охотник, где ещё могут быть волки и догадался. Пошёл он по известной ему тропе в другое место, где приготовлено было волчицей ещё одно логово, и поставил капкан.

Попала в капкан волчица, не ожидала такого коварства. Не знала, что для таких, как она, люди ставят ещё и капканы. Хотела волчица с досады даже отгрызть себе лапу, но пришёл волк. Стал с ней прощаться, а она принялась рассказывать ему, чем кормить волчат и где брать для них корм. Волк слушал её, и крупная капля сбегала у него по скуле.

Потом волк привёл к ней волчат. Волчица знала, что, раз она попала в капкан, пощады не будет. Лисицын знал, что в капкан она всё равно когда-нибудь по-

Царь Золотарёв

падёт. Собрался он и вот уже идёт сюда проверять свой капкан. Волчица подёргала, подёргала прищемлённую лапу и стала спокойно ждать своей участи. И тут подошёл к ней волчонок. Со звёздочкой во лбу. Самый любимый. Сердце волчицы оборвалось, сжалось от страха за него. Она отгрызла себе лапу и ушла. Увела с собой белолобого из-под носа Лисицына, на трёх своих целых ногах.

Привезли в малый город на снегоходе убитого волка и сбросили возле ресторана. Язык у него вывалился, весь в иголках. Носились за ним по полям, по буграм на снегоходе «Буране», как на вертолёте. Спасаясь, волк забежал в хвойный лес, в ёлках его и прикончили. Проволокли по ельнику, вот иголки на язык ему и нацеплялись.

Так мне в памяти волк и врезался. Язык его вываленный, иголки зелёные на языке. И тут мы в школе как раз изучать стали диких хищных животных. Я выбрал тему про волка. А чтоб рассказать на уроке получше, захотелось мне прежде посмотреть на места, откуда привезли убитого волка. Сел я в автобус и поехал по маршруту в Костинский лес. После Орлянки надо проехать ещё километра четыре, потом километра два по полю пройти до Упалого. «Дай, – думаю, – фотографию церкви заодно сделаю». В Упалом церковь только принялись восстанавливать.

Иду я полями, разглядываю эти места. В Гнилой Плоте ферма брошена, в У палом колокол недавно навесили. «Не надо, – думаю, – называть так селения. А тут Гнилая Плота, У палое, так и тянет к плохому, глухому, к волчьему». И заблудился я. Чувствую, в соседний район попал, даже в соседнюю область.

Хожу, хожу, дороги не нахожу. Слева – поля по краю с кругами автомобильными, справа – лес. «Ну, – думаю, – тут, скорее всего, последнего волка и взяли». И страх в меня стал входить, поселяться.

Уже вечереет, а я всё в глуши, где в лесу, скорее всего, волчьи ямы. Удар колокола за лесом послышался. «Ага, – думаю, – вот для чего эти церкви, в колокола бьют, чтобы люди в степи не блудили».

Гляжу, вроде волк. Или, может, собака? Пробежала вдоль леса и подалась в другую сторону. В самом деле, волчьи места, лес этот Костинский. Тут было последнее логово убитого волка. Высокие ёлки, зелёные иголки. Сумрачно. Спасибо, колокол даёт понять, куда идти. Скоро я вышел к Орлянке, по которой ходят автобусы.

В обратную сторону автобус давно прошёл. Стою я у школы, тут же дом учительский. Вижу – двое. Видно, учителя. И тут же «Жигули» – отечественная машина. Вечереет уже, а я так устал. И идти до малого города ещё восемнадцать километров. Женщина, стоящая тут, меня поняла.

– Подвези паренька, – сказала она мужу.

Он повернулся молча и пошёл, куда ему надо. «А ещё, наверно, учитель, – подумал я. – Человек человеку – кто?»

Едва дотащился я от Орлянки до малого города, шёл до ночи и всё считал пройденное расстояние. Сколько протопал я, чтобы увидеть эту последнюю оставшуюся в живых церковь, последнее пристанище волка.

На другой день, когда я стал готовиться к уроку биологии, я задумался о том человеке у школы и о волке в урочище. «Конечно, волк есть волк, что с него взять?»

А в памяти всё бьёт колокол где-то в Упалом, выводит меня на дорогу. И волк на снегу с языком в зелёных хвойных иголках. Пал Упаловский колокол, а подняли, навесили – звонит, не дает заблудиться человеку в пустых белоснежных полях.

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

За посёлком, посреди поля, зеленеет осколок леса. Механизаторы, когда сеют, всегда опахивали и опахивают этот кустарник, возникший тут из занесённых ветром семян. Березнячок этот зовут «околок». А с тех пор, как лось останавливается тут и стоит в тенёчке, «околок» получил название Лосиный остров.

Лосиный остров служит лосю пристанищем, когда он переходит из перелеска в перелесок, а тут делает остановку. Лосю тут хорошо, просто замечательно. На ветках поют всякие птицы, а под ногами цветы. Васильки – от поля, а от леса – майские ландыши. Под копытами лося могут оказаться даже грибы, в большинстве подберёзовики.

Сам лось большой, высокий, уже взрослый зверь рыжеватого цвета. С оттопыренной нижней губой и ветвистыми рогами, похожими на корону. Однако зверем его тут никто не считает. Какой это зверь? Воспитанник здешней округи. В Подбелевце он вырос у одного мужика – в сарае, вместе с коровой.

Мать у лосёнка застрелил браконьер, его подобрал подбелевский этот мужик, выкормил, воспитал.

Вырос лось и стал крупным, просто огромным, в сарай уже не влезал. Мужик отвёз его в лес и ставил там. Но лось-то не дикий, а с человеческим воспитанием, вспоен на коровьем молоке. Не умеет в природе корм себе добывать. Подойдёт к селу и стоит, ждёт, когда ему кто-либо что-либо даст. Увидит своего бывшего хозяина, подойдёт, положит голову ему на плечо, а пальцы его своими губами мягкими, толстыми перебирает. Это он хлебца так просит.

Вот и сейчас стоит лось, прислушивается, как над ним берёзы шумят, грибы скрипят – лезут из-под копыт.

Ноги у него высокие, но шаткие, не могут держать его; рога, как корона, плашмя лежат на голове. Смотрю я на него и не боюсь подойти, подхожу. Лось тянется ко мне головой, оттопыривает свои толстые, мягкие губы, я кладу на них ломтик, взятый с собой на дорожку.

– Ну что, – говорю я, – лось, любишь хлебушек? Что тебе, такому большому, кусочек? Р-раз – и нету. Я тебе куплю в Подбелевце целую буханку. – Подожди меня тут, принесу...

Говорю я ему, как помягче, почеловечнее, а он кивает мне головой. Такой доверчивый и такой высокий, огромный. Едва влезает в свой Лосиный остров. И пошёл я дальше своей дорогой на Подбелевец, а он всё смотрел мне вслед и кивал головой, и кивал. Добрый лось, очеловеченный.

Дорога неблизкая, километра три полем. Наконец, я пришёл в магазин, купил, что мне надо, а особо буханку хлеба, обещанную лосю. Стоит, небось, в «околке», поджидает меня, губу нижнюю свою оттопырил.

Подхожу я к Лосиному острову, а он весь насквозь светится. Значит, в нём нет никого. Видно, постоял, постоял лось, подождал, подождал меня да и пошёл своей дорогой к Бай дину лесу.

Положил я буханку хлеба на траву, на след от копыт.

– Вернётся лось, – сказал я «околку», – это его хлеб, я принёс ему из Подбелевца, как и обещал.

Так теперь и норовлю сходить за чем-нибудь в Подбелевец. Каждый раз стараюсь пройти мимо Лосиного острова, а на обратном пути оставить лосю хлеба побольше и даже любимых моих мятных пряников. Настоящий пир хочу закатить я ему, этому лосю.

Вот он – Лосиный остров. Тут мы стояли с ним в тени под берёзой. И лось положил голову мне на плечо. Брат мой меньший, в природу окно.

Царь Золотарёв

А на днях, сказали мне, лисички появились в осиннике. Осинник – это самый густой перелесок в округе. Вглядываюсь вдаль, не засветятся ли в сумраке эти грибы лисички? И что вижу я? Лося. Увидел он меня и как пошёл-пошёл по осиннику, набирая скорость и перебирая ногами. Как пошёл-пошёл, огибая телом густые осинки, и всё вокруг меня, всё полукругом, дугой. Остановится, фыркнет губой.

– Лось! – кричу я на весь осинник. – Значит, встал ты на ноги, вон как бегаешь! Назначаю тебе завтра встречу на Лосином острове. До скорого, до скорого, лось!

ШМЕЛЬ – ФИНАНСИСТ

Была у нас такая собачка – маленькая, но с большими возможностями, пинчер по имени Шмель. Едва возьмёшься за поводок, как он тут же делает стойку и суёт голову в ошейник. Знает, что едем на дачу, и ему хочется с нами. Возьмёшь его на правую руку, прижмётся он бочком к тебе и – вперёд. Хоть на край света, не то, что в посёлок Синяевский.

Многофункциональная собака, но главная её функция – охранять. На постель ляжешь, пинчер тут же в ноги мне, уши топориком. Если в квартире, то у двери ляжет, никого не пропустит. А на усадьбе – сразу берёт под охрану всю территорию. Вот туда, в наш Синяевский дом, бывало, и стремится он, едва с гвоздика снимешь ошейник.

Все знали нас по нашей собачке. Пассажиры в автобусе, на автостанции, даже билетный кассир всех сельских маршрутов не брал за него с нас деньги и улыбался нам из своего зарешёченного окна.

Едва мы приехали в Синяевский, как Шмель давай исполнять свои функции. И в ногах у меня, едва я прилёт

отдохнуть, сделал уши топориком. И порог дома взял под охрану. И территорию всей усадьбы от калитки до двух одиноких берёз за огородом принял под своё неусыпное наблюдение. Вот такой пёсик, сторожевая собака!

Едва поднялся я с постели, как Шмель в зубах уж несёт мне мои тапочки. Так приучен носить каждому тапочки. Собираюсь я в лес по грибы, Шмель голову в ошейник уже не суёт, тут свобода, не нужен ошейник. Однажды, помню, он бросился в лесу на сохатого – огромного такого, рогатого зверя, не побоялся. А в этот раз произошёл еще один случай.

Иду я со Шмелем по орешнику, собираю опять – первые летние, быстро сходят. Перекинул я взгляд с грибов на орешник: «Какой урожай будет сегодняшней осенью?» И вдруг за спиной Шмель твякнул, потом ещё и ещё, подавая знак. Я обернулся и замер: Шмель сделал стойку, а перед ним – змея. Подняла голову передо мной и качается, покачивается. Натянута, как тетива. Глаза горят змеиным воинственным блеском. А Шмель между нами стоит, скалит зубы. Змея покачалась, покачалась и, как камера от велосипеда, испустила дух, осела в траву.

Мы поспешили отсюда, из этих, скорее всего, владений змеи.

На краю Синяевского встретила нас тётя Нюра.

– Молочка вам домой принесла, – сказала она. – Бидон поставила возле вёдер на лавку.

Подошла наша мама.

– А деньги взяла?

– А где? – пожала плечами тётя Нюра.

– Как где? – сказала мама. – Где и всегда: на лавке возле окна.

– Да нет там никаких денег, – ответила тётя Нюра.

– Шмель твой, что ли, стянул? – обернулась мама ко мне.

Царь Золотарёв

– А кто же ещё, – повернулся я к своему многофункциональному пинчеру. – Шмель, наверное. Он мне носит не только тапки, но и деньги. Кладёт возле тапочек, а я отношу их на место.

– Ого, – засмеялась тётя Нюра. – Да что он у вас – финансист?

– А кто же? – улыбнулся я Шмелю и потрепал его по ушам.

– Финансист и ещё какой! Берёт деньги и носит. Какие побольше в одну кучку складывает, какие поменьше – в другую.

– Что – счёт знает? – удивилась тётя Нюра. – Какой молодец! Что же, если я поменьше молока вам налью, он и денег мне положит поменьше?

– Ну, а как же, – подмигнул я своему пинчерёнку. – Да, Шмель? Поменьше положишь тёте Нюре бумажку?

– Конечно, поменьше, – сказала теперь уже мама. – Он у нас финансист серьёзный. Работает, как в аптеке. Ни грамма меньше, ни грамма больше. Вот так!

– В первый раз слышу такое, – погладила тётя Нюра моего пинчерёнка. – Нет такого, наверное, ни у кого.

– Многофункциональная собака, – сказал я, гордясь, тёте Нюре. – Охраняет дом, носит тапочки, деньги умеет считать.

Может, и в самом деле, Шмель наш – чудо природы, с врождёнными человеческими способностями? Вот бы научить его ещё и книжки читать.

БОБЁР – СТРОИТЕЛЬ ПЛОТИН

Внизу у нас по речке Алёшне бобры водятся. И откуда взялись? Слышали мы, что раньше они жили по речке

Черни. Стало быть, вверх оттуда пошли, против течения Зуши, и появились тут у нас, на Алёшне. Увидели мы подточенное со всех сторон дерево на берегу.

– Кто это? – спросил я.

– Бобёр, – ответил мне папа.

Дерево было подточено с такой стороны, что непременно упало бы через речку на другой берег. Оценили мы труд бобра и ушли. А через недельку пришли сюда, а дерево уже макушкой на том берегу, а от ствола, что от корня, на этом. Получается мост, плотина. Инженерное сооружение. По мосту ходи на ту сторону речки, а плотины нужна бобру для подпора воды. Подопрёт бобёр воду плотиной, получается столько воды. Нырять бобёр в глубину, там под водой у него нора, жилище бобров. Ход подземный у него ведёт наверх, к гнезду.

С интересом смотрели мы в воду: «И где это там у него вход в нору, в каком именно месте?» И бобёр из-под ствола, лежащего на воде, смотрел на нас с любопытством: «Что за люди, чего им надо?»

Туда-сюда проплыл бобёр по воде, себя показал. Зубы крупные, валит любое дерево. Плоский хвост, как лопата. Пальцы передние, как на руках человека.

– Вот какое сооружение, – рассматривает папа дело рук бобровых – эту плотину. – Каков голубчик ты, хитрюга каков! Как скрываешь вход в жилище своё от врагов, всяких хищников.

Сидит себе в нём бобёр, летом думает о зиме, делает на зиму для бобряток заготовки из травы, коры, насекомых, а зимой – вспоминает о лете, когда всего вдоволь бывает.

– Чему радуетесь? – сказала нам мама. – Смотрите, скоро воды в Алёшне наберётся столько, что закроет нам ключ, из которого мы берём воду, и я суп варю.

В самом деле, через неделю, другую бобровая плотина сделала своё дело. Ключ, из которого брали мы воду,

Игорь Золотарёв

ушёл на дно Алёшни. Вот их столько на дне тут, всяких ключей. Из-за них вода ледяная, ходим мы на Зушу купаться, тут невозможно.

«Что делать? – думаю я. – Как быть без ключа, без воды?»

– Искать воду надо в другом месте, – говорит папа. – Где-то там, на проказинском берегу. Спасибо бобру, что мост построил, есть по чему перейти на тот берег. Там, по краю проказинского леса, наберём ещё и грибов. Прошлым летом переплыл я Алёшню и набрал там, помню, лисичек с ведро.

– Вот спасибо бобру, – поддержал я папу. – И за грибами можно ходить, и за родниковой водой, и просто так, когда надо в Проказинку. Переходи в любой час через речку.

Так по дереву наловчился я переправляться, что переправа для меня теперь не составляет труда.

Сидим мы вечером на крылечке, пьём чай. Всё на посёлке Синяевском, натрудившись за день, отходит ко сну. Иногда слышится снизу, от речки, плеск плавающего бобра. Слышу я, как бобёр обрывает с берега и поедает траву или обламывает с ракиты кору. И думаю о живой природе, о мире животных. Живи, бобёр, тут у нас, на Алёшне! Живи, приживайся! Живи, инженер от природы, мудрый строитель плотин.

ЛОШАДЬ ПО ИМЕНИ ВЕРБА

Собрались мы за сахаром в магазин. Но не в Подбелевец, а в Лыково. Надо было варенье варить, требовался сахар. Тётя Нюра попросила и ей купить с полмешочка. Сказала дяде Ване, чтобы лошадь запряг, на которой они ездят в Прилепы на дойку и с дойки.

Лошадь по имени Верба была смиренная, уже старенькая, но продолжала работать на ферме, служить людям, за что получила ещё и такое имя «Слуга народа».

Дядя Ваня запрягал её, а мы с папой смотрели, как он это делает. Как заводит хомут через голову, подтягивает гужи, набрасывает чересседельник, поднимает оглобли.

– Смотрите, как я это делаю, – говорил он папе. – Когда-нибудь пригодится.

«Слуга народа» переступала с ноги на ногу и сама заходила в оглобли.

– Вот вам бразды правления, – сказал дядя Ваня, вручая моему папе вожжи. – Руководи.

Поехали мы в Лыково верхней, «дяди Ваниной» дорогой. С высоты вид на Зушу открывался – широкий, просторный. Смотрелось далеко, далеко. Остров на Зуше, устье Алёшни, «колыма» в дымке, а тут по бугру растут полянами всякие травы: синие – от шалфея, белые – от ромашки, золотистые – от зверобоя. Среди них торчат колючки татарника, дурман и конский щавель.

– Красота какая, – сказал я папе, сидевшему впереди с вожжами в руках.

– Русь-матушка, – понукал он Вербу, чтобы она шла пошустрее.

Приехали мы в Лыково, перешли на ту сторону, через узкий мостик, и оказались в магазине. Купили сахару и потащили мешок к телеге.

Возвращались мы той же дорогой. Сначала надо было подняться на бугор. Телега ехала медленно, поскрипывали колёса. И вдруг лошадь стала. Оглобли упали. Верба стояла, не шелохнувшись.

– Распряглась, – сказал папа с досадой. – Что же нам теперь делать?

– Запрягать, – сказал я папе не очень уверенно.

Игорь Золотарёв

– Ясное дело, запрягать надо.

– Ага, – сказал папа. – Думаешь, это так просто?

– Но ты же видел, как дядя Ваня запрягал, – подбодрил я папу, хотя и сам порядочно растерялся.

Возился, возился папа, запрягал, запрягал «Слугу народа». Раз десять оглобли падали наземь, а вожжи путались в лошадиных ногах. Наконец, папа смахнул ладонью пот со лба и сказал:

– Всё! Давай-ка передохнём. Пойдем ягоды искать.

– Да вон их сколько тут – пропасть! – обрадовался я ягодным местам. – Гляди, тут и там. Собирай и ешь, сколько хочешь.

Мы собирали луговую клубнику сначала в ладошку, а из ладошки сыпали в рот. Очень вкусно. Рекомендую, когда едешь на Вербе в Лыково, а оттуда въезжаешь с трудом на бугор, чтобы лошадь сама собой распрягалась. А после собираешь в траве луговую клубнику в ладошку и ешь её просто так, без всякого сахара, так даже вкуснее.

Наконец, мы запрягли Вербу. Оказывается, надо уметь делать всякое дело. Сначала подумаешь, зачем тебе это, а глядишь, пригодилось. Всякое может случиться, особенно если ехать на старой, скрипучей телеге. Приехали мы в Синяевский.

– Где же вы были, голубчики? – спросила нас Нюра. – Ехали три с половиной часа, когда тут езды меньше часа.

– Лошадь у нас распряглась, – сказал я ей весело, бодро.

– А что, этому надо смеяться? – удивилась она.

– Ягоды собирали мы, – радовался я, что мы и лошадь запрягли сами, и сахару привезли, и наелись клубники.

Отдали мы сахар тётке Нюре, отнесли сахар домой маме, и тут же я схватил стеклянную трёхлитровую банку и побежал «дяди Ваниной» дорогой к тому месту, где на поляне столько полевой клубники, которую мы толь-

ко что ели горстями. Спасибо, Верба, что распряглась, что показала нам ягодные места, что научила нас запрягать и распрягать тебя, когда надо.

Через какое-то время бежит дядя Ваня и кричит нам ещё вон откуда, с дороги:

– Вербу не видали? Ушла куда-то, наверно, на ферму.

– Не туда бежишь, – засмеялся я дяде Ване, – в другую сторону надо.

– И в какую?

– А в такую! Где ягодные места, луговая клубника. Где распряглась она и стояла, смотрела, рассматривала эти ягодные места.

Дядя Ваня нашёл её именно там. И обратно вёл под уздцы на посёлок.

– Ну, и лошадь, – потрепал по гриве её дядя Ваня. – Слуга народа! Любит, когда мы с Нюрой ездим в гости, где и её угощают. А так смиренная, на ней возить только детей. Кобылёнке уже лет двадцать, на ферме она день и ночь, от звонка до звонка.

Вот такая лошадь. Трудяга. Согласилась нести на себе хомут, даёт запрячь себя и идёт по дороге, везёт груз и человека. И хитрая. Если надо, возьмёт вдруг и распряжётся. Такая лошадь эта по имени Верба.

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН?

Вбежал я в дом и кричу:

– Змей вполз под крыльцо! В доме жить нельзя. У нас в посёлке Синяевский змеи водятся.

– А какой же он из себя, этот змей? – спрашивает папа. – Серый, с жёлтыми ушами?

– Да, – отвечаю. – Серый, с жёлтыми ушами.

Царь Золотарёв

– Это уж. Он полезный, охотится на мышей.

– Тем более, – говорит мама, успокаивая меня. – Год этот, по восточному календарю, объявлен годом Змеи.

– Не надо, сынок, его опасаться, – продолжает папа. – Это тебе не медянка... Ну такая острая, медная, цвета меди... Это тебе не чёрная, тонкая гадюка. Живёт тут поблизости, в нашем овраге. Вот туда не ходи... ни в коем случае. Тёмных, глухих мест опасайся. А у нас, видишь, дома светло, уютно. Если холодно, русскую печь затопим, чтобы стало тепло.

– А вчера я видел, как речку змей переплывал, – стал я потихонечку успокаиваться. – Тоже с жёлтыми ушами, но посветлей. Серый, длинный такой, как верёвка.

– Тоже уж, – сказал папа мне, чтобы я совсем успокоился.

– Что же это – везде, что ль, ужи? На земле и в водной среде? – допытываюсь я. – А то стою я в городе на остановке, слышу, люди разговаривают. Уж, мол, всех тут передушил, уж злопамятный. А ты говоришь, что уж добрый, папа. Что же это, память есть у ужей?

– Память? Добрый уж? – задумался папа. – Не знаю. Ну, скажем так: уж, скорее всего, не самый злой из этой породы. А если живёт у нас под крыльцом, то, значит, полезный. Он тут хозяин.

Побежал я к дяде Ване и спрашиваю:

– Кто хозяин в доме у вас?

– Кто хозяин? – удивился дядя Ваня. – Ну, наверное, я. Командир в доме я, а Нюра «начальник штаба».

– А змеи под крыльцом у вас водятся? – всё допытываюсь я у дяди Вани.

– Нет, не водятся, – говорит он уже окончательно. – Что им делать тут? Мы с Нюрой пока что с хозяйством справляемся. Вот в бутылке отравы у нас от грызунов. Будьте спокойны, у нас что с ужами, что без ужей, всяким тварям всё равно нет никакого житья.

Асташкин дом

Пришёл я домой и вижу, мама в город собирается. Лето кончилось, скоро мне в школу, на учёбу запрягаться до следующих каникул. Закрываем мы дверь на замок. Мама и говорит:

– Ключ-то, может, Нюре отнести?

– А зачем? – отвечает папа. – С собой возьмём.

– Под камешек положи, – говорю я маме. – Вот сюда, возле крыльца, где уж живет. Пусть присматривает.

– Хоть и ползает уж, – улыбнулся глубокомысленно папа, – а не полоз. Не задушит даже того, кто плохо о нём говорит. Говорить об ужах, о мире природы, о малой родине, сын, несмотря ни на что, надо только хорошее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОЯ СЕМЬЯ

СМОТРЮ В ОКНО

Смотрю в окно на берёзу. Она такая большая, красивая – выше нашего четвёртого этажа, достаёт уже до седьмого. И вся одета в золото осени, уже октябрь, дело к тому, чтобы сбросить листву. Но пока берёза стоит, как царица, в золотых своих одеяниях. Подхожу к окну и смотрю на неё, так мне нравится видеть её ещё не опавшей, пышной, сказочно разодетой...

И вижу, кто-то смотрит на меня оттуда, с берёзы, сюда в распахнутое окно. Ну, кто же ещё? Сорока. Сорока-белобока. Любит прилетать сюда именно, на эту берёзу, которую когда-то мой папа посадил под нашим окном, давно уже, когда мы тут получили квартиру.

– Сорока, – говорю я ей, – почему ты белобока?

А она глазами кругленькими такими, стеклянными насмешливо упрётся в меня и хвостом дёргает.

– Тыррр-тыррр, – отвечает она. – Тебе-то какое дело?

Так вот мы с сорокой и разговариваем, когда никого дома нет, не с кем поговорить. А если надо с папой поговорить, так я телефон свой достаю и с папой разговариваю, когда он где-то тут в Орле, бродит по городу или когда в Малоархангельске. Пишет что-то или на огороде

работает. Мобильник у меня французский, называется «Алкатель», в ярком трёхцветном футляре цвета нашего национального флага. Мы купили этот футлярчик накануне Олимпийских игр в Сочи.

Любит смотреть на трёхцветный «Алкатель» сорока-белобока даже больше, чем на меня. Говорят, примечают сороки всё блестящее, яркое и таскают к себе в гнездо. Даже произведение такое есть «Сорока-воровка», кажется, у писателя Герцена.

– Слышь, – говорю, – сорока? У Герцена ты описана. А это у нас тут рядом, за речкой, улица существует такая, носит имя писателя.

– Тыр-тыррр, – отвечает сорока, – ну, и что? Вот если бы улица была про меня, про сороку-белобоку.

– Много чести, – говорю я, – чтобы улицу твоим именем называть. Не почётный гражданин города, не заслуженный строитель Орла.

И тут кто-то в дверь позвонил. Я, конечно, к двери туда из лоджии. Открывать надо: папа с мамой пришли. Папа насущного хлеба принёс, а мамочка, как коза-дереза, принесла в пакете молока масловского. Завтра будет овсяную кашу варить. Говорят, овсяную кашу едят англичане. А они мозги себе кашей чистят, полмиру прочистили, на ноги поставили. Я, конечно, этому не верю, но кашу овсяную ем. И не только с утра.

Голову себе я этим забил – разговором с папой и мамой. Да всё рассматривал на кухне, что они там купили, принесли из магазина. И совсем забыл про старушку, сороку-белобоку, с которой только что разговаривал. Возвращаюсь в лоджию, а старушки-то нет. Улетела по внукам, по своим неотложным делам. По городу она не мотается, а только по своему околотку, по кварталу нашему. А он у нас большой, как микрорайон, – девятиэтаж-

Царь Золотарёв

ками обставлен. В одну сторону до дороги с движением – улица Горького, в другую – до улицы с ещё большим движением – улица 60 лет Октября.

Значит, вернулся я в лоджию – окно настежь, старушки нет, мобильника нет. «Куда же это я его определил? – думаю. – Совсем, что ли, заплосал, память отшибло?»

Нет телефона, и всё. Как же это без телефона? Просто жить нельзя без телефона. В Москве даже мэр города детям раздаёт телефончики, на шею им вешает, чтобы они были как на привязи у родителей. Как японцы у власти, чтобы никуда не девались.

– Мама, – зову я свою палочку – выручалочку, – куда я дел телефон, не знаешь?

– Не знаю.

– Папа, а ты? Знаешь, куда я дел свой мобильник?

– Поищи, – говорит мама.

– Всё уже перерыл, – расстроился я. – Нет ни в кармане, ни даже в ящике.

– А ты поищи телефон с помощью телефона, – советует мама. – Из моего позвони.

Она у нас умная, догадливая на всякие такие дела. От неё чаще всего исходят дельные советы.

– Можешь и с моего позвонить, – всерьёз обеспокоился папа. – Мой телефон берёт лучше мамино, мой более совершенный.

И давай я названивать, и давай. То с мамино телефона, то с папиного. То с папиного, то с мамино. Глухо, как в подвале на даче у нас в Малоархангельске.

– Мамочка, не берёт что-то ни твой телефон, ни даже папин, более совершенный, – уже чуть не плачу я.

– Ничего, ничего, – подбадривает мама. – Утро вечера мудренее. Как – нибудь твой «Алкатель» сам найдётся.

Мастовкин дом

Дня через три пошла она на рынок (он у нас Рынок Выходного Дня называется), возвращается и говорит, пожимая плечами:

– Что это? Чудо какое-то, что ли, мне примерещилось. Иду мимо вон той берёзы, – показывает она в кухонное окно. – Вон та берёза, видишь?.. Иду мимо, и вроде бы мобильник где-то близко звонит. Прислушалась – вроде бы твой.

– Ой, мамочка? – аж подпрыгиваю я от радости. – Это же я звонил тут, а туда к тебе попадало.

– Смотрю вокруг, – говорит она, – ничего. Кроме листвы под берёзой. Покопалась в листве – ничего подобного...

– Ну, пошли, пошли с тобой, – беру маму я за руку. – Может, скорее вместе найдём?

Прошли полдвора, подошли к берёзе, стали вдвоём смотреть, копаться в опавшей листве – ничего, ничегошеньки.

– Папа, – вернулись домой мы. – Глухо, ничего не нашли.

Папа глянул в кухонное окно, пригляделся к берёзе, под которой мы только что копались, шевелили листву и говорит:

– Ну-ка, ну-ка, что видишь, браток, на берёзе?

– Гнездо сорочье. Не было, а сейчас есть.

– Не было? А сейчас есть? Листья упали, дерево обнажилось...

– Вот что! Дуй-ка швыдче туда к берёзе, а я тут из своего, более совершенного позвоню, лады?

– Лады, – и пулей я туда под ту, другую берёзу.

Стою под берёзой, а она там, наверху, голосом «Алкателя» моего звонит, вот названивает. Прибегаю домой и в лоджию, к распахнутому окну. А там сорока-белобока

Игорь Золотарёв

сидит на этой берёзе и в меня уставилась насмешливым взглядом.

– Сорока – воровка! – кричу я ей. – Скоро все мобильники с нашего квартала постащишь в гнездо к себе.

– Тыр, – тырррр! – кричит сорока – белобока. – Не стащу, это я только у тебя. У тебя одного он такой, яркий, трёхцветный.

На другой день приехала машина с длинной штучковиной, которая достаёт до самого верха столбов, что на нашей улице 8 Марта, со светодиодным освещением. Попросили мы ребят, которые там работали, чтобы они машину на момент к нам во двор перегнали к берёзе той, на которой сорочье гнездо.

Выручили ребята. Достали мой французский «Алкатель» из гнезда. Вот смеялись, как это сорока по-французски со мной свысока разговаривала.

Вот такая с моим мобильником получилась история.

ПУШКИН ПРИЕХАЛ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСК

Сначала в Орёл к нам приехал тульский поэт Валерий Ходулин. Отсюда мы с Ходулиным поехали в Малоархангельск. Ходулин вёз с собой из Белёва стихи свои про Пушкина, которые мы уже знали. Он присылал их моему папе в журнал «Русское поле», и они были опубликованы в первом номере. Их-то прошлым летом и читали школьники в Малоархангельске 6 июня, в День рождения поэта, у пьедестала памятника нашему национальному гению. Но всем захотелось увидеть самого автора, этого человека, которые сочинил такие вот строки.

По Белёву едет Пушкин

*Из Москвы поехал я на Калугу,
Белёв и Орёл...*

*А. С. Пушкин.
«Путешествие в Арзрум»*

*Златоглавы церквушки,
Колокольни, купола.
По Белёву едет Пушкин,...
Едет в сторону Орла.*

*Пастилою пахнет сладко,
Дружно тянут рысаки.
Треплет чёрную крылатку
Ветер, дующий с Оки.*

*Тают облачные тени
В зеркалах весенних луж.
Приготовились к цветенью
Ветки яблок, ветви груш.*

*За коляской скачут дети.
Луг цветёт. Гудит пчела.
– По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.*

** * **

*И приехал с нами Пушкин
В городок наш из Орла.
И привёз его Ходулин,
А с Ходулиным и я.*

– И дальше, папа, прозой давай рассказывай: про читателей малоархангельских, про Пушкина в Малоархан-

Царь Золотарёв

гельске, про поэта Ходулина и про нас с тобой, как мы выступаем каждый год тут перед Пушкиным, под памятником ему.

– Прежде всего, – говорю я, – расскажи, почему тут оказался Пушкин в 1829 году?

– Ехал тут Пушкин на юг, – объяснял юным читателям папа мой, – а другого пути просто не было. На Курск и далее на Арзрум. Даже царица Екатерина тут ехала, о чём свидетельствует то, что монастырскому селу Архангельскому ею было присвоено звание Малого Архангельска и подарен статус уездного города.

Так и ездили все тут. И Ермолов, и Пушкин. Ну, не всех встречали, как эту столичную «штучку» – Александра Сергеевича. С таким курьёзом, и такой «камуфлет», как папа говорит, тут вышел. Пушкина приняли за «ревизора» – высокую птицу из Петербурга, а Пушкин подарил сюжет Гоголю: у тебя, мол, Николай Васильевич, что-то лучше получится. И получилось. Ещё как! Когда ставили «всероссийскую пьесу», хохотал от души сам царь Николай I.

Ну, да ладно, всё это история. Сошло с внешними водами. А вот что ещё живо в памяти. Изваяли тут Пушкина, поставили на пьедестал. Между прочим, первый памятник ему на Орловщине. И приезжал сюда его отпрыск – от старшего сына Александра – Григорий Григорьевич Пушкин. И мы встречали его в нашем доме. Застолье было, друзья были из Малоархангельска и из Орла. И бабушка моя была жива ещё, носила к столу угощенья и всё удивлялась:

– Неужто это сам Пушкин?

Приглядывалась: похож. Вылитый Пушкин!

И, помню, я пел на стихи Пушкина самому Пушкину.

*Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Мастовкин дом

Теперь вот ещё один поэт явился сюда: Валерий Ходулин из Тулы. Уже звучало тут его имя, пусть ещё прозвучит. Папа мой читает стихи Ходулина.

*Сделав крюк многоверстовый,
Он по городу кружил,
Чтоб проехать по Ершовой,
Где Жуковский раньше жил.*

*Вот и дом. Крыльцо резное.
Под карниз вознесено
Необычное, большое,
Полукруглое окно.*

*Перед ним в мгновенья эти
Тень учителя прошла.
По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.*

К дому нашему мы с Ходулиным по городу идём, приближаемся. Вот он, дом, – низенький, как у Сергея Есенина, аккуратный такой.

– А доски отчего-то нет, – замечает Ходулин.

– Какой доски?

– Что тут Пушкин был. Семечко его родное – от сына старшего Александра...

Ходим с Валерием по нашему дому, показываю ему стол, за каким мы сидели тогда. Напротив среднего окна, тут сидел сам Григорий Григорьевич.

Из «Пушкинианы»

Времена года. Осень.

Опять октябрь. И цифра «19» –

Как девятнадцать отошедших лет.

Игорь Золотарёв

*Как молоды мы были с вами, братцы!
Как много было нас, и вот уж нет.
Век пролетел. Судьба перемешала
И «19», и «21».
Но жив Поэт. Не всё ещё пропало.
И клён живёт. И с ним я не один.
И тут душа моя как встрепенётся,
Как только Пушкин где-нибудь пройдёт.
А что ещё поэту остаётся?
Когда ж сюда к нам Пушкин соберётся?
Я жду. Когда сюда придёт?*

** * **

*– Что будем пить? – спросил меня Ходулин. –
Вино иль чай? Иль кофе, может быть?
Я положил на стол две груши-дули
И пожелал стихами освятить.
Прочти ещё, мой друг, теперь уж сам...
Провёл рукой по белым волосам.
– Читай, Валерий! Пушкин слышит нас.
Читай, показывай свой класс!
– Папа, говори прозой, – трогаю я его за рукав.
– Мне так легче, – отвечает отец.
– Читаю! – встаёт Ходулин. – Пушкину и вам с сыном.*

*Терема – дома. Светлицы.
Лица яркие девчат.
Озорницы – кружевницы
Там коклюшками стучат.
Смотрят барышни из окон,
Кличут барина на чай.
На челе его высоком
Вдохновения печать.*

*И не знают хохотушки,
С кем же их судьба свела.
По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.
Он влюблён, свободен, молод –
Жизнь прекрасна на земле.
Встретит Пушкина Ермолов
В славном городе Орле.*

– И вот, Валерий, – говорит мой папа, – я встречаю теперь тебя тут, в Малоархангельске. В глубинке, в Серединой Руси, где русский дух, где Русью пахнет. Где Пушкин привечает нас...

– Мама скажет, почему тут в рассказе у нас много стихов? – говорю я папе. – Что скажем ей, папа?

– Потому что всё это про Пушкина.

– А что скажет Ходулин Валерий Георгиевич? В друзьях мы с ним много лет, а это такая редкость в литературе. Завтра 6 июня – День рождения Пушкина. И мы придём к Пушкину туда, к его пьедесталу. И, как всегда, будем читать стихи. Мы повторили их сегодня, чтобы читать их и завтра, не забывать никогда. «Друзья мои, прекрасен наш союз».

ПИСАТЕЛИ ИЗ МОСКВЫ

Поехали мы в Москву все втроём. На день рождения тёти Лены – жены папиного двоюродного брата. Отметим дату у них в спальном районе, на Москворецкой улице. Тётя Лена и говорит:

– А теперь давайте отправимся в центр, например, на Тверской бульвар. К писателям. Там много всяких памятников, идут один за другим.

Игорь Золотарёв

Долго стояли мы перед Сергеем Есениным – справа, с самого края. И дальше двинулись. В одном месте Тверской бульвар переходит в Гоголевский. Тут памятник Гоголю во всю высь, стоя. «Где-то поблизости ещё есть», – сказали прохожие». А где? – неизвестно.

И всё – таки мы нашли ещё одного Гоголя поблизости, в каком – то дворе. Гоголя Николая Васильевича друтого, сидячего образа жизни.

– Видите, как сидит, – сказал папа. – Как птица какая-нибудь – цапля или дрофа с длинным клювом.

– Разве можно так про писателя говорить? – возмутилась мама. – Да ещё про великого.

– Можно, мне про Гоголя можно, – заявил решительно папа. – Потому что я люблю его, мне он как родственник.

– Как дядя Витя? – вмешался я в их разговор. – Твой двоюродный брат?

– Гоголь мне как родной, – ответил папа. – Очень близок по духу.

Мы спустились вниз по бульвару. Прошли очень близко тоже к близкому папе писателю, донскому казаку Михаилу Александровичу Шолохову с его «Тихим Доном». И только ступили под своды, как над нами ударили колокола. Звонил храм Спасителя.

– Знаешь, о чём колокола говорят? – спросил меня папа.

– О чём?

– Сергея Есенина мы увидели, – сказал задумчиво папа. – В центре. Великого, маститого поэта, национального достояние, а вот когда он только в Москву пришёл из своей рязанской деревни, из Константиново, такого памятника мы ещё не видели. А он ведь есть, существует где-то на окраине. Хочешь, покажу?

– Ну, конечно, хочу!

Каменный Есенин шёл по траве с пиджаком, перекинутым через плечо. Всё было взаправду. И земля под ним то рязанская, то московская, а то и наша, орловская. И вообще российская, русская наша земля. Такой поэт! Всех в одну кучку, в одну страну собирает.

Остановился папа, как – то по-особому подтянулся да и стал читать и Сергею Есенину молодому, и себе, и мне:

– Ну, и тогда,
Когда по всей планете,
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким Русь.

После того захотелось мне ещё какого-либо поэта увидеть, запечатлеть на фотографии. Вспомнили, что МГУ – Московский государственный университет – носит имя Ломоносова Михаила Васильевича. Поехали на метро туда к Ломоносову, на Воробьёвы горы. Постояли перед памятником, запечатлели помора – учёного, писавшего ещё и стихи силлабо – тоническим стихосложением. Хотели уже уходить, как справа увидели ещё одно изваяние. «И кого это, – думаем, – тут ещё изваяли?»

Подошли поближе, а тут трое стоят и о чём-то разговаривают.

– Что это за мужик? – подошёл поближе к ним папа. – Кого тут это ещё изваяли?

Перестали эти трое шептаться, смотрят на нас с удивлением. А папа как бы рассуждает вслух, сам с собой беседу ведёт:

– Видать, достойный человек, если памятник ему отгрохали. Если Ломоносов прямо перед университетом

Игорь Золотарёв

стоит – на фоне гармонии, симметрии, то этот человек, как отсюда глянуть на здания, на фоне его ассиметрии. Смотрите, слева здание короче, а справа во – он куда уходит и переходит за основным корпусом в шпиль... Кстати, – обращается папа к трём этим мужчинам, – что тут, в самом этом здании? Вы в курсе?

– В курсе, в курсе! – обрадовались чему-то все трое.
– Это тут размещается факультет физико-математических наук.

– А вы сами кто?

– Мы-то? – ответил самый младший из них, показывая на старшего. – Это академик... А это профессор, доктор наук. А я его аспирант...

– Да ну? – удивился папа. – Впервые в жизни вижу в глаза академика.

– А я, – подошёл поближе к нам сам академик, – впервые вижу простого, свободного человека, который так свободно говорит о гармонии. Интересно с вами поговорить. Может, зайдёте к нам сюда в деканат?

– У нас уж билет в кармане. Ехать надо в Орёл к себе, на Курский вокзал.

– Ах, в Орёл, – улыбнулся добрый такой академик. – Небось, писатель. Там у вас кузница кадров. Оттуда много великих писателей вышло...

– Мы тут по Москве на памятники писателям реагируем и фотографируем, – сказал мой папа. – Приехали сюда к Ломоносову.

– Так вас только русские писатели интересуют? – повернулся академик к профессору. – Только отечественные? Или, может, ещё и зарубежные, иностранного происхождения?

– А что, – лукаво взглянул папа на аспиранта, – можно и иностранного?

Мастовкин дом

– Так вот, – протянул академик руку прямо перед собой. – Пойдёте прямо, справа останется наш университетский стадион. Как закончится – заверните направо, тут и увидите ещё один памятник, посвящённый литературе.

– И кому же? – поинтересовался мой папа.

– А не скажу, догадайтесь, – засмеялся академик. – Кому из троих? Все трое американцы. Кому из них – поэту Уитмену, прозаикам Марку Твену или О’Генри?..

Попрощались мы за руку да и пошли по пути, указанному академиком. Завернули за угол – действительно, памятник. Действительно, кому – то из литературы. Кому же? Ни за что не догадаешься. Мы бы с папой выбрали Марка Твена или, в конечном счёте, О’Генри. А это – Уолту Уитмену! Это тот, который пишет стихи, свободные, замечательные стихи. Мы с папой их когда-то читали. Вот такие из «Листьев травы»:

«Одного я пою, всякую простую отдельную личность.

И всё демократическое слово твержу,

слово «En Masse»...

Жизнь безмерную в страсти, в биении, в силе,

Радостную, созданную чудесным законом

для самых свободных деяний,

Человека Новых Времён я пою».

Когда ставили этот памятник, сюда, говорят, присылали кого – то от правительства из самой Америки. Хоть Уитмен и поэт замечательный, а всё равно непонятно, почему это ему, Уолту, воздвигли тут у нас, в Москве, памятник, а не Марку Твену с его великолепными любимыми мною героями Томом Сойером и Гекльберри Финном?

В Орёл к себе мы привезли фотографии не только Голя, Сергея Есенина молодого и маститого, национальное достояние, но и американского поэта Уолта Уитмена.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КОРЕННУЮ, К ПАТРИАРХУ

Мы долго готовились к этому путешествию и с нетерпением ждали его. Наступил октябрь. Было ещё не холодно, дождя не обещали. Проснулись мы ночью, электричка на Курск отправлялась около пяти утра. Из дому вышли мы часа в четыре, в осенних лёгких куртках, с рюкзачками за спиной. Не раз бывали мы в Коренной – этом святом месте Руси, которое мы любим за чудесную ауру, красоту, покой, благодать. Обычно мы ездим туда летом из Малоархангельска, это близко: на электричке до Золотухино, затем автобусом полчаса до Коренной пустыни, а вечером тем же путём возвращаемся назад. Но сегодня поездка особенная. В Коренной будет освящение храма Рождества Богородицы, приедет сам Патриарх Кирилл – это большой праздник для христиан, для всех православных.

Мы вышли на станции Свобода, это близко от Курска, до монастыря километров пять, в такую рань никакого транспорта нет. Дорогу нашли сразу, было немало таких, как мы, все шли туда. Патриарх прибудет из Курска, служба начнётся в девять часов.

Пришли мы задолго до начала, народ стекался отовсюду, заполнял улицы, площадь перед монастырём, на которой мы увидели огромные телевизоры, чтобы транслировать всё, что будет происходить. Вход на территорию монастыря и в храм по пригласительным билетам. У нас их нет, но проходивший священник дал нашему папе свой билет, наш папа попадёт на богослужение. А мы останемся на площади смотреть и слушать перед экранами, всем хорошо видно и слышно.

Процессия началась ровно в девять, Патриарх Кирилл шёл впереди с иконой Божьей матери Знамения в руках. За ним шли священники, монахи в празднич-

ных одеждах. Они прошли мимо нас через людской коридор – в монастырь, к храму. Началась служба и её трансляция, всё было очень торжественно и красиво. Кирилл говорил понятно, доступно, проникновенно. Читались и пелись молитвы, мы тоже как бы присутствовали там. Люди вокруг крестились, как и те, что в церкви, читали хором «Отче наш», пели вместе с хором, все они верующие и сюда приезжают на все большие праздники, сегодня был великий праздник – освящение Патриархом нового храма Рождества Богородицы. Я впервые на таком торжестве, мне всё интересно, я взволнован. Мама берёт меня за руку, мы идём на территорию монастыря, служба закончилась, всем можно зайти внутрь, проходим, видим икону Знамения, установленную на возвышении на улице. Останавливаемся, кланяемся, затем идём к храму, папа ждёт нас, ведёт по храму. Его убранство поражает своей красотой и величием.

Из храма идём к Серафиму Саровскому – творению скульптора Вячеслава Клыкова, друга моего крёстного Валентина Чухаркина. Хорошие скульпторы, которых уже нет с нами. Мы долго стоим перед скульптурой Серафима Саровского (маминого покровителя, она по отцу Серафимовна), от святого исходит сияние, освящая всё вокруг. Осиянные, мы спускаемся по длинной лестнице вниз, к молодым вязам (моё дерево), посаженным здесь митрополитом Лавром из Америки. Затем проходим к многочисленным святым источникам вдоль реки Тускарь, пьём воду, которая снимает усталость, набираем водички с собой.

Начинаем восхождение наверх, через сады, где ещё висят яблоки, берём несколько штук, кладём в рюкзачок на дорожку, приходим к музею маршала Рокоссовского. Это любимый папин маршал, мы всегда заходим сюда поклониться великому полководцу, осво-

Царь Золотарёв

бодившему и наш маленький городок Малоархангельск. Музей в большом великолепном парке: красивые аллеи, бюст Рокоссовского, памятник солдату, катюша, танк.

Все втроем посидели мы на скамейке, отдохнули, прошли по улицам Коренского посёлка. Здесь всё восстановлено, как и было когда-то. Мы знаем, что здесь были знаменитые российские ярмарки, сейчас эта традиция возрождается, наш сосед каждый год весной ездит сюда на ярмарку. Коренная пустынь снова стала посещаемым местом, сюда со всей России приезжают паломники, туристы. Большой дом паломника, мимо которого мы проходим, когда приезжаем в Коренную, очень красивый, с прекрасной вокруг территорией. Спасибо, Коренная! За благодать и радость, которую мы увозим с собой. До новых встреч, до свидания!

В ОРЛЕ, НА ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ

Вернулись мы к себе в Орёл из Москвы с фотографиями отечественных и зарубежных писателей и задумались: «А что же у нас со своих, орловских, коренных писателях фотоальбома нет? Начнём с нашего великого земляка И.С. Тургенева. Он же ведь и орловский, в Орле родился, и человек мира. Полжизни прожил то во Франции, в Буживале, а то в Германии – в Баден-Бадене. Даже повести им об этом написаны «Вешние воды», «Ася»».

– «Вешние воды» папа? – говорю я. – Написаны Тургеневым про за границу? А про Орёл что написано?

– Так целый роман! Крупный жанр, – смеётся папа. – «Дворянское гнездо». Так и называется, позабыл, что ли?

– Я не забыл, – говорю. – Даже помню, что скоро День памяти Тургенева, в самом начале сентября, и мы с тобой собирались идти... Пойдём?

Ласточкин дом

– Ну, а как же, – сказал папа. – Как всегда ходим, каждый год, на это самое высочайшее, самое красивое место в Орле – на крутой откос, что над Орликом.

На этот раз мы с папой задумались... Как нам быть? Как и всем, прийти сюда к полудню, когда весь народ, со всего Орла, сюда стекается? Или, может, пораньше чуточку? А то чуть позже? Чтобы одним с Тургеневым побыть, поговорить по душам, наедине? Решили прийти немного пораньше. Когда тут нет ещё никого, и бродят между деревьями тени тургеневских героев, сидят в круглой белой ротонде над самой рекой, говорят о любви.

Присели и мы с папой в этой самой ротонде. И сейчас же к нам сюда откуда-то сверху стали спускаться призраки, тургеневские герои: Лемм со своей скрипкой, Лаврецкий и сама Лиза Калитина, дом которой стоит тут же – неприглядный такой, неухоженный. Не отпускают на ремонт средств, а без средств к существованию дом Лизы всё никак не встанет, не поднимется на ноги.

Но наших с папой фантазий это как-то не очень касается. Тургеневские герои всё равно интересны, красивы для нас, и он начал вслух читать для меня, для себя, для всего Дворянского гнезда свои стихи о Лизе Калитиной. Вот они.

*Встречу её на Дворянском гнезде.
В белом, как будто в тумане.
После по городу вижу везде –
облики, предначертанья.
Дом деревянный, а возле него
бедная, бедная Лиза.
Лиза Калитина из ничего,
в белых божественных ризах.
Оба мы с ней не из наших времён,
оба мы с нею оттуда.*

Игорь Золотарёв

*Кто-то тогда был в кого-то влюблён,
в нас продолжается чудо.
Лиза Калитина – вера в надеждах,
миг за калиткой, любовь.
Дом деревянный, и в белых одеждах
всё начинается вновь.*

Мы встали. Вышли из ротонды и подошли к бюсту Тургенева, на деревьях вокруг которого, такими же язычниками, как и мы с папой, были развешаны молодожёнами всякие цветные платки, висели длинные полосочки, лоскуточки, как когда-то на этом примечательном месте. Конечно, наши давние предки, ещё до княгини Ольги, тоже развешивали так свои лоскуточки, платочки.

К Дворянскому гнезду начал стекаться народ, и наши видения кончились. Заменялись чудесной реальностью. Приехали на автобусах студенты из орловских вузов, артисты из театра «Русский стиль», музыканты из музыкального колледжа. Началось представление. Звучали тексты из романа «Дворянское гнездо», перед нами проходили персонажи романа, одетые в костюмы той эпохи, актёры театра играли отрывки из романа. Устроители праздника очень постарались, чтобы мы почувствовали атмосферу жизни времён Лизы Калитиной, чувства героев, их переживания. Лаврецкий и Лиза были снова среди нас, мы разделяли их судьбу. После представления студенты раздали присутствующим цветы, чтобы возложить их к бюсту великого писателя. Настроение, воодушевление людей у памятника И.С. Тургеневу выражали надежду и уверенность в том, что всё здесь будет восстановлено, тем более, что благодаря усилиям многих дом Лизы Калитиной внесён в программу восстановления в рамках подготовки празднования 450-летия нашего славного города Орла. Люди уходили с праздника радостные и одухотворённые.

Папа мой наклонился ко мне и сказал на ухо, чтобы внести и свою лепту в гармонию праздника:

Кто мы такие? А гений от гения.

Кто мы такие в орловском краю?

Русские, русичи, дети Тургенева,

В каждом из них я себя узнаю.

ЯБЛОНЬКА ПО ИМЕНИ РАЯ

На плодово-ягодной станции мы познакомились с директором – доктором сельскохозяйственных наук Сергеем Дмитриевичем Князевым.

– Какая у вас звучная фамилия – Князев! – сказал мой папа ему, директору.

– Она и у вас не хуже, – ответил Князев. – Что я хотел вам сказать: это не плодово – ягодная станция, а ВНИИ (Всероссийский научно – исследовательский институт) селекции плодовых культур... Чего вы хотели?

– Да вот привёз вам три тома Докучаева, – подал я их в руки Князеву. – Наука! Видите, 1947-го года издания. Переиздано ещё с XIX века, когда статьи были написаны. Фотографии по томам, по возрасту. С женой – красивая такая! В девичестве Энгельгард, наверное, немка. Как Софья Андреевна – жена Льва Толстого...

– Интересно, и как тома к вам попали? – рассматривал Князев все три объёмных тома. – Вроде бы вы не учёный.

– Думаю, – ответил мой папа, – от того, что корень нашей семьи воронежский – Каменная степь. Это Таловский район, НИИ почвоведения имени Докучаева. Увидел, как в 80-е XX века «чистили» у нас библиотеки, ну и хотели выбросить. А я их пожалел, приютил. И лежали они у меня в Малоархангельске до поры до времени...

Царь Золотарёв

Собрался на «плодовку» за саженцами, думаю, дай-ка вам подарю...

Папа мой встал и стал рассказывать по кабинету. Приглядываясь к вазе с крупными зелёными яблоками на директорском большом и длинном столе.

- Орловский синап, - выбрал Князев мне самое крупное. - Сорт выведен в нашем институте.

- А портрет-то над вами, - сказал папа, - не кого-нибудь, а Вавилова Николая Ивановича. Кормилец наш, вывел такие сорта хлеба, что работают на весь мир и сейчас.

- Знаю, знаю, - внимательно посмотрел на портрет учёного Князев. - Уважаю, потому и над столом у меня.

- Хотите я прочту про него из «Шекспирианы»? - улыбнулся мой папа. - Хотя бы такой сонет.

- Читайте.

- Сонет из «Стихий земли».

*Да здравствует зелёная земля!
Росток - твой символ, дням потерян счёт.
Тот гномик пережил и короля,
Такусенький - и нас переживёт.*

*Пою тебя, мой карлик, мой цветок!
Твой злак - твой знак! Немного погода,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрёт, мой бог, в тюрьме, сам не едя.*

*На том и проверяются эпохи,
Науки, государства, самодержцы.
Коль урожая на ладошке, крохи,*

*Не жди добра, чернь выкинет коленце.
Да здравствуют такие короли,
Что обожают зелена Земли!*

– Приехал сюда к вам, на «плодовку», – сказал мой папа, – купить хочу у вас саженцы. Особенно антоновку. Очень люблю яблоки.

Князев вызвал по телефону сотрудника Диму, тот занимается саженцами. Дима посадил нас с папой в машину и отвёз на «карантинный» участок. Здесь и выращивают саженцы.

Бригадирша выбрала нам самый лучший саженец, самой лучшей антоновки.

– Вот какая кустистая, крепкая, – сказала она, заворачивая корни в пакет и подавая пакет моему папе.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Раиса Васильевна.

– Мы назовём яблоньку Рая.

– Урра-а! – закричал я, радуясь прибавлению в семье нашего молодого сада в Малоархангельске. – Мы назовём эту яблоню по имени Рая, урра-а!

– Так и назовём, – поддержал меня папа.

Проходит время. Летит лето за летом, осень за осенью, и яблонька по имени Рая растёт, встаёт на ноги, цветёт и уже начинает давать плоды. Наша мама полюбила её, эту яблоню по имени Рая. Что она ей напоминает? Сад, может, рай, где «раи» летают, а яблоки – райские яблоки. Стоит мама под этой яблоней, раскрыв руки, как крылья, как будто хочет взлететь над ней, над её первыми яблоками. Папа любит яблоки, особенно такие – антоновские, а мама – саму антоновку, яблоню в нашем молодом уже плодоносящем саду.

КРЫША

Мы были на даче в Малоархангельске. Однажды ночью я спал глубоким сном на своём диване, как вдруг услышал,

Игорь Золотарёв

что идёт сильный дождь. Я лежал, замерев, дождь не переставал. Потом шум дождя стал ровный, какой-то сплошной. И тут на руку мне капнуло, потом ещё и ещё. Утром я увидел, что стена у меня в спальне мокрая. Оказывается, крыша протекла, и на стене отвалилась штукатурка с обоями, как раз над моей головой. Я вскочил и побежал в другую комнату, где папа и мама уже пили чай.

На семейном совете было решено: надо крыть крышу. Непременно! Без крыши дом не дом, усадьба не усадьба, дача не дача. Началась подготовка к операции под названием «крыша». Мы с папой пошли в хозмаг смотреть стройматериалы. Всё, что связано с крышей. Продавщица показала нам кровельное железо самых различных сортов. Выбрали цвет шоколада, самый подходящий. Пришли домой, посчитали, стоя в саду, листы на крыше, сколько надо листов снизу до коника и сколько по конику с улицы до сарая. В бане разыскали почти новые железные отливы-желоба. Вытащили их оттуда и разложили по порядку, на первом дворе.

На следующий день мама пошла и узнала у своих подружек, кто в городке занимается крышами. Это были три брата, которые уже перекрывали крышу у одной знакомой, а у другой – положили на пол ламинат. Мама созвонилась со старшим, он у них за главного. Его зовут Роман. Рома явился, чтобы договориться обо всём, и сам тут же отправился в хозяйственный магазин. Вскоре все трое привезли на своей машине нужное железо, инструменты и стали резать листы по размерам.

Но тут случилась заминка: ребята хотели снять с крыши старое железо, с 1947 года, очень старое, присланное моей бабушке контейнером её сестрой Дусей из Львова. Но папа твёрдо сказал, надо положить новое железо на старое: профиль лёгкий (новое железо), так будет надёжнее, крепче! Ребята согласились. И работа закипела. Стар-

шие измеряли, резали, младший, лет двадцати, несмотря на жару в одних шортах, цепкий, мускулистый, сильный, легко передвигался по крыше с молотком; похожий на Геракла, он гнул и приколачивал старые швы. Грохот стоял невероятный. Солнце было уже высоко, время близилось к полудню, жара усиливалась, градусник в тени показывал 30 градусов по Цельсию. Дело было в июле, очень жарко, зато без дождей. Работа спорилась, ребята уже были на крыше, спускаясь по большой лестнице, чтобы взять новые листы и бутылки с негазированной холодной водой, которые мама приготовила для них накануне. Воды не хватило, и мама давала ребятам успевший остыть в подвале компот, сваренный рано утром из прошлогодних сушёных яблок.

Оставалось покрыть треугольник крыши со стороны сарая, где ребятам пришлось убрать старые листы и заменить несколько негодных стропил. Свистели саморезы, ввинчиваясь в новое железо, прижимая его к старому, к доскам под ними. А световой день между тем закончился. Братья умылись под умывальником, оставили инструменты, сели на свою чёрную «Волгу» и укатили домой до завтрашнего дня.

Следующий день был опять жаркий, без дождя, для работы хорош. Ребята доделали коник, оставались отливы. Делать отливы Роман остался один, другие отправились срочно на какой-то важный объект. Роман привёз пластмассовые отливы. стал работать в одиночку. За день он сделал их на стороне дома от соседей. Отливы заканчивались трубой, по которой дождевая вода должна стекать на улицу. Отливы у нас во дворе железные, их надо было выровнять, скрепить секции, чтобы между ними не текло. Роман их склеил специальным клеем. На этом всё закончилось.

Мама расплатилась с Романом, и он уехал, оставив у нас свою небольшую ловкую железную лестницу, на ко-

Игорь Золотарёв

торой было удобно работать с отливами (как будто чувствовал, что придётся вернуться).

В августе начались дожди. Мы с тревогой слышали, как в месте скрепления частей отлива закапало. Вода шлёпала тут о «завалинку», в трубу на улице не попадало ни капли.

Мы позвонили Роману, он приехал, скрепил желоб саморезами и уехал, довольный. Но в следующий дождь опять всё повторилось, вода лилась не в трубу, а во двор. Видно, надо было сварить электросваркой эти части отлива. А пока мозолит глаза у калитки лестница, ждёт своего хозяина – мастера по отливам. А его всё нет.

Мы же любимся крышей издали, из сада, и с улицы, когда подходим к своему дому. Мы рады, что теперь в доме сухо, обои на месте, не страшны дожди и даже ливни. А ведь этот дом папа тоже строил вместе со своей мамой и своим дедушкой: мальчишкой таскал вместе с ними брёвна от военных блиндажей за три километра аж из Мурашихи, месил глину во дворе, помогал обивать дранкой стены и потолок. Рады мы все втроём, что дом теперь постоит под сенью нашего цветущего тенистого сада. Крыша теперь надёжно укроет нас, наш дом от ненастья.

«А ВДРУГ НАЛЕТИТ УРАГАН?»

Помню, это было 11 августа, не помню, какого года. В полдень было солнечное затмение. Мы с папой к этому готовились: закоптили стёклышко, чтоб смотреть сквозь него на Солнце. Даже два стёклышка, каждому по стеклу. И когда затмение началось, Луной закрыло только половину Солнца. А что началось, что именно? Ветер откуда-то взялся. Тревога в нас поселилась. Страшно стало, а отчего – непонятно. Деревья в саду куда-то исчезли, дом

наш сделался вдруг чужим. Даже дверь с ручкой позади нас, за спиной, перестала быть привычной, хотя мы её открываем по сто раз на дню...

Это было ещё на другой даче – в посёлке Синяевском. Лишь потом мы узнали, что именно в этот день, 11 августа, в Малоархангельске умер папин друг, его учитель по рисованию Иван Алексеевич Семеновский – автор памятника Пушкину, у пьедестала которому мы с папой после будем читать стихи...

Что и говорить, страшное дело – ураган! Года два тому назад случился, так до сих пор ещё деревья по автобусной дороге из Орла в Малоархангельск стоят наполовину сломанные, особенно у поворота на Куракино и с краю Глазуновки. У нашего дома в Малоархангельске тоже стоит берёза Большая такая, с тремя развилками, с которых свисают длинные ветви, развесистые рукава. Плакучая берёза, как и ивы, какие тоже бывают с такими рукавами, плакучими. Сколько раз налетал на берёзу сильный ветер, почти ураган, сколько раз клонил нашу берёзу к земле.

– Плакучая берёза-то, – говорю я папе.

– Ну, и что, – отвечает мне папа.

– А то, а то! – говорю я взволнованно. – Как будто не понимаешь... А вдруг налетит ураган? Сломает берёзу, и повалится она нам на крышу. А мы крышу только что починили, вернее, заново накрыли «шоколадом»...

– Каким «шоколадом»? – смотрит отец на меня подозрительно.

– Ну, не «шоколадом», – отвечаю я папе. – А новым железом, железными листами шоколадного цвета.

– Выражайся точнее, – упрекает меня отец. – Русский язык требует точности.

– Русский язык требует ещё и образности. Это образно так говорить: крыша наша шоколадного цвета. В эпосе нашем, в «Слове о полку Игореве», говорится, что,

Игорь Золотарёв

когда князь Игорь собрался в поход на половцев, солнце было чёрным, чёрного цвета.

– Правильно, – говорит папа. – Было затмение, предвосхищало князю Игорю неудачу. Надо было отменить ему свой поход на половцев...

– Так его и не было, никакого похода, папочка, – вспыхиваю я. – Князь Игорь на половцев не ходил. Его в живых уже не было, древляне уже растянули его между двумя деревьями. Древлянский князь Мал это сделал. И Ярославна, жена князя Игоря, отомстила ему...

– Откуда ты всё это взял? – крайне удивился мой папа.

– Да у тебя же, папочка, у тебя всё и прочитал, – аж подпрыгиваю я на месте. – Вот она, книжка твоя, «Карнавал», а в ней твоя историческая драма в стихах «Великая псковитянка».

– Ну, ты даёшь, – уже значительно смягчается папа. – Любишь читать чужие книжки, пиши свои...

С утра пораньше встаём мы с папой и, как всегда, идём на огород. То окучить картошку, то помидоры подвязывать. Пока не жарко, чтоб голова не болела. Глянешь назад, на дом, – новая шоколадная крыша торчит между яблонь, берёза над крышей возвышается, а на макушке берёзы грачи. Сидят, нахохлившись, следят оттуда за нами, наблюдают. Какие дальнзоркие! И коварные. Ждут, когда мы домой уйдём.

– Как только уйдём, – замечает папа, – так они к нам на огород слетят. Всходы все, особенно огурцов, потаскают... Вчера было двадцать пять всходов, а сегодня уже девятнадцать. Хоть подсевай...

– Давай палки воткнём, – говорю я. – И пакеты на них повесим.

– Зачем?

– А как в прошлом году... Грачи будут думать, что мы где-то тут, и пролетят мимо, на чужие огороды.

– Ишь, сидят! – говорит с досадой отец. – Разведчики. Своим сообщают, всей стае, где мы и что делаем. Сейчас мы их шуганём... Ш-ш-ш-ш! – берёт папа длинную палку, что-то вроде ружья.

Грачи нехотя по одному слетают с макушки берёзы и перелетают к соседней липе. Смотрят оттуда, с соседской липы – такой же высокой, но менее развесистой.

– Надо берёзу подпилить...

– Папочка, – говорю я. – Это же всё равно, что человеку ноги подрезать, как он будет ходить?

– Не придумывай, – твёрдо стоит на своём папа. – Вон куда выбухала – до самого неба, под электролинию... Надо мэру Александру Сергеевичу сказать, чтобы приехали на машине, подрезали. А то каждый раз после сильного ветра только и знают, что по городу чинят крыши от поваленных деревьев...

Утром грачи, как штык, снова сидели на макушке берёзы. Ехидно смотрели на нас с папой, как мы трудимся тут у себя на огороде: тяпаем, поливаем, прорываем грядки, носим ботву.

– Семнадцать, – сказал папа. – На два меньше.

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! – нацелил я на грачей длинную палку, похожую на ружьё.

Грачи даже не шелохнулись. А солнце сияло над нами, свысока смотрело на нашу берёзу у крыши, на новую крышу, на нас. Урагана, даже сильного ветра на этих днях не предвиделось.

НАШ ДОМ СТАНОВИТСЯ МУЗЕЕМ

Прошлым летом у моего папы был юбилей. Приехали даже те, кто никогда не приезжал. Ну, может, в незапя-

Игорь Золотарёв

мятные времена когда он был подростком или даже ребёнком. Это папины двоюродные: дядя Витя из Москвы и тётя Аля из нижегородского Дзержинска. Как вошли в дом, так сразу же перекрестились: на ковровую Казанскую божью мать, висящую на стене, и на дедушку Герасима Макаровича прямо напротив. Над зеркалом во весь рост. Дедушка и их дедушка, как и наш: дядин Витин – отец отца его Максима Герасимовича, тётин Алин – отец её мамы, папиной тёти Дуся.

Перекрестились и мы с папой на дедушку Герасима. Не так давно, 9 Мая, мы с его портретом в Парк Героев ходили, в единственном числе мой папа изображал «бесмертный полк», который проходил в Год 70-летия Победы по всем городам России. Говорят, началось это в Томске, там живёт старшая двоюродная сестра папина тётя Лида. Она тоже должна была там нести фотографию дедушки или, может, отца своего Гавриила Герасимовича. Он ушёл на фронт отсюда, из Малоархангельска, в первый день войны и не вернулся. Как не вернулись, погибли уже в 41-м на главном, московском направлении все три дедушкины сына: Гавриил, Максим и Василий.

Вот мы с папой и носим дедушкин портрет к Вечному огню в Парке Героев. В День Победы, который, как поётся в главной песне о войне, эта победа у нас «со слезами на глазах».

– Какой красивый шкаф! – кивнул дядя Витя на шкаф бордового цвета, стоящий слева от входа в зальчик, возле окна.

– Дедушка сделал, – сказал, явно гордясь, мой папа. – Спасали его с дедушкой в сорок третьем году, когда немцы наступали. Уходили мы в Луковец за двадцать километров, тащили шкаф на себе. Везли на колёсиках... Особенно тяжело подниматься было в гору, на Мамошинский бугор, аж глаза на лоб вылезали...

Вечером, как садиться всем юбилеем за стол, стали раздвигать его, он раздвигается, делается длинным, всем места хватает, тётя Аля и говорит:

– Тоже дедушка делал?

– А кто же? – отвечает мой папа. – Вишь, какой! Дубовый, с крыльями, по обе стороны.

– Не дом, а живая история, – оглядываясь по сторонам, говорит дядя Витя, Виктор Максимович. – Прямо тебе музей семейный.

– Только семейный? – улыбается папа. – Здесь и Пушкин бывал. Праправнук поэта, Григорий Григорьевич, от старшего сына – Александра... Вот и сегодня сколько придёт сюда из нашего города, понаедут из других городов и весей. Даже из-за границы, вон мимо окна идёт Ольга Александрова, живёт в Роттердаме, Голландия...

– Можно к вам сюда, в ваш музей? – услышав конец разговора, ступает за порог папин ещё школьный друг, полковник в отставке Мозжухин Николай Кузьмич, приехал из Белгорода.

И обнимается с папой, протягивает книгу о Рокоссовском. Папа очень любит Рокоссовского, видел его во время войны, в 43-м, тут – во дворе старой школы.

– А у меня тоже такая-то, – смеётся дядя Коля. – Выписал тебе, Леонард, специально. Будешь свою эпопею об Орловско-Курской дуге писать, пригодится...

– Ещё бы! – улыбается другу мой папа.

– Ты у нас, Леонард, и прозаик, про зайцев пишешь, – как всегда, любит шутить дядя Коля. – И поэт, и певец, и на дуде игрец.

Надо же, лёгок на помине Садовский с баяном, Виктор Фёдорович, с которым они с папой поют иногда под баян в саду тут у нас на весь Малоархангельск. Втроём приехали на машине с Васичкиным и Ильиным из Глазунки. Все

Игорь Золотарёв

трое друзья папины, как он говорит, закадычные. В разное время познакомились, в одном месте сошлись.

– Садитесь, дорогие мои, где хотите, – стоит в дверях мой папа, встречает гостей.

А маме слова некогда сказать, они с тётей Алей над столом хлопочут.

Замечательно прошёл папин юбилей! Под баян Садовского, под казачьи и русские народные песни. Расходясь, весело все глядели на дом, говорили:

– Не дом, а музей какой-то, весь песнями, стихами набит.

– С четвёртого класса стихи пишу, – стоя у калитки, провожал гостей мой папа. – А песни с седьмого... А пою и не упомяну с каких времён...

Утром, за завтраком, папа и говорит:

– Говорили вчера про наш дом. Сейчас пойдём в город, я вам настоящий музей покажу. У соседки нашей Ларисы Семёновны Козелковой, в девичестве Рощиной. Учительницей в Воркуте была, так там чего только не собирала...

– А тут? – спрашивает дядя Витя.

– Тут? – пожимает плечами мой папа. – И тут хватает. Даже наших там, у неё, три самовара...

Зашли. Осмотрели заполярную, северную и нашу, среднерусскую флору и фауну. И дальше потопали.

На кладбище цветы в корзинках поставили дедушке и матери моей Марии Герасимовне.

В центре города стали рассматривать памятник Пушкину, бюсты героям под пушкой. У Вечного огня, где мы с папой не так давно, 9 Мая, с дедушкиным портретом изображали «бессмертный полк». Кстати, в Малоархангельске кто только не бывал: и Жуков, и Рокоссовский, и Екатерина Вторая, и даже Анатолий Дмитриевич Медведев, когда был президентом.

– А до войны, Витя, бывал и твой отец – дядя Максим, – сказал мой отец дяде Вите.

– Городок-то маленький, а история великая, – согласился дядя Витя. – Прямо музей тут какой-то, музейный городок.

– Мы любим свой город. – улыбнулись мы с папой. – 5 сентября, как и в Москве у нас тут отмечают День города. Прямо от нашего дома вечером видим в центре огромный, в полнеба, салют. Со всей округи съезжаются люди. Высота, красота!

Приезжайте и вы, дорогие родные! Мы ждём вас в наш тут «бессмертный полк» в Парке Героев. С портретом дедушкиным в руках.

ГРИБЫ ПОД ОКНОМ

Как мы в городе узнаём, что грибы появились? Идём с папой на угол, где бабушки всякое добро с огородов своих продают, и смотрим: есть грибы или нет? Есть! Только где-то в лесу появились, а они тут уже есть. Смело отправляйся в лес: грибы пошли...

А у нас в Малоархангельске грибы выросли прямо под окном. Под берёзой. Берёза большая, трёхствольная. Как герб у «незалэжной». Три ствола в разные стороны. Если спилить, вовсе станет похожей на герб...

Это я грибочки первый заметил. Иду по тротуару, глянул перед калиткой налево, а в траве что-то жёлтенькое. Пригляделся, ворохнул листья, а это грибы! Свинухи. Жарить на сковородке не жарят, а варить варят и солят. Да с перчиком, укропчиком, да с лучком или чесночком.

– Очень вкусно, – сказал папа. – Когда мама всё это нам приготовит.

Царь Золотарёв

Десять грибков под окном. Один в один. Точь в точь. Свинухи! Грибы хорошие, хоть и называются не так уж чтоб очень. Но ничего, можно есть, ни о чём плохом даже не думай. А думать надо только о хорошем. А хорошо уже это то, что по такому знаку у нас под окном мы узнали, что где то в лесу появились грибы.

С самого детства папа говорит, он ходил по грибы в Мурашиху. Это дубовая роща в трёх километрах отсюда. Слева, к Кокоревскому краю растёт дубовый крупняк, тут белые грибы обычно водились. А подосиновики – красноголовики – водились посередке, в мелком подлеске.

Раньше, после войны, из Мурашихи ещё и хворост носили. Сушняк. Печки топить. Соседка наша Анна Васильевна Колесникова, говорят, на всю зиму топлива себе на спине натаскивала... Это мне всё папа рассказывал. А сейчас хворост никто не собирает по лесу, не носит, зачем? Когда-то в город кузбассовский уголь завозили, а теперь Его Величество Газ! Вот сушняк в лесу и развёлся. А в сушняке перестали водиться грибы...

Но ведь грибы-то, грибочки пошли. А мой папа – грибник, а не рыболов, хотя прудов тут великое множество со всякой рыбой. Папа мой – охотник до грибов. «Третья охота» называется. Ходи, кому охота, по лесу и собирай грибок по грибку. Правда, у нас тут не брянские, не калужские леса, а наши степные подлески и перелески. Тут грибы косой не косят. Потрудиться надо, чтобы набрать лукошко. Но если повезёт, может и много попасться.

Пошла мама на базар, приходит и говорит:

– Тётки грибки продают. В самом деле, грибы появились.

– А где? – спрашивает папа.

– Сейчас узнаем, – говорит мама.

И набирает номер мобильного подружки своей, Манечки, Марии Тимофеевны Токмаковой. Та всё знает, что по городу и вокруг него делается.

– Манечка, – говорит наша мама в свой телефончик, – грибы появились. А где они тут у нас, в Малоархангельске, водятся? Как ты думаешь?

– На такси ездят в сторону Архарово, – отвечает Манечка. – Или в Орлянском лесу... А кому надо из спортивного интереса, так в посадки сосновые ходят. Совсем тут близко, за Танком...

– А-а, знаю, – обрадовался папа. – На бывшей «салотопке», от родника «из-под трубочки» вверх, на бугор... Собирайся, пошли...

Взяли мы плетёную корзинку, подаренную дядей Витей папе на юбилей, и отправились в лес. Пришли на этот край городка. Тут тебе и прудок с водой – хорошо гусей водить, и коровы пасутся с телятами, и машины одна за другой к роднику «из-под трубочки» за водой подъезжают. Куры, само собой, топчутся. Как у Салтыкова-Щедрина на острове, где один мужик двух генералов прокормил...

Смотрим, по буграм ещё пни торчат. Здесь был не так давно лес. От Мурашихи аж сюда через поле доходил. Папа говорит, немцы, когда пришли, так у них, на карте был обозначен лес ещё когда-то, в первую мировую. Готовились к войне.

Ну, и что? И пни тут, и даже остатки траншей – со стороны Глазуновки, немцев в сорок третьем ожидали, наши собирались Малоархангельск оборонять. Как погнали наши их тогда, так очутились в Берлине. А теперь тут Танк стоит, тоже горит Вечный огонь. И грибы поблизости должны быть, грибочки...

Такая радость для папы! Да и для меня.

Игорь Золотарёв

Первый гриб попался папе. Свинух. Хороший такой, крепкий. Щёлкнешь по ножке, аж звенит. Потом опять свинух. И опять папе. Потом белый. И опять папе.

– Грибы ко мне так и липнут! – смеётся папа. – Слово такое знаю. Захожу в лес, говорю: «Спасибо тебе, о, лес! Что добром встречаешь, что щедр ко мне! От души даришь свои дары»...

Потом белый гриб попался мне. И целых четыре вокруг него, по дорожке, один за другим. И все мне.

Папа аж оторопел. Как же так? Он лес благодарил, а лес одаривает не его? А потом успокоился: «Ничего, ничего! Корзинка-то у нас одна, общая. Сковородка дома будет одна. А ты ведь мой сын, а сыну мне ничего не жалко. Ты, Игорь, всегда во всём у меня на первом месте»...

Корова прошла близко. Потом ещё две коровы. И голос чей-то. Мужик возник:

– Идите туда вон в лошину, там грибов побольше.

– Ничего, ничего, ничего! – запели мы с папой и зашагали к лошине – туда, поближе к Танку, стоящему у сосен здесь высоко на пьедестале.

Домой мы возвращались с корзиной, полной грибов. Всяких. Свинухов, белых и даже жёлтых. Один такой мне попался. Зато моему папе попался белый. Самый большой. В сосёнках замелькали маслята – весёлые ребята. Все в листве и иголках. Мама такие не любит, чистить надо, плохо вычищаются. Зато вкусные.

Пришли по улице к своему дому. Вон откуда берёза видна. Подошли к ней, словно к целому лесу, сказали: «Спасибо тебе, о, Берёза! За то, что ты дала знак нам, что мы в лес сходили, что несём домой грибов корзинку целую. Спасибо, что мы побывали в лесу».

СЛИВА – ЧУДО

Расскажу историю о чудо – дереве в нашем саду, о сливе. У нас много слив, они растут от косточек всюду, их приходится удалять, чтобы они не засоряли сад. В основном это деревья с тёмными плодами, называются они чернослив: ягоды сладкие, средней величины, но в них не отделяется косточка, их трудно перерабатывать и даже неудобно есть. Другой сорт слив – тёмно-лиловые, с красноватым оттенком, с отделяющейся косточкой, хороши, но растут они на улице, под окном. Мы не раз пытались затащить их в сад, рассаживая косточками и черенками – никакого результата, косточки не всходят, кустики превращаются в колючки.

И вот решили мы купить сливу. На рынке молодой парень продавал саженцы из питомника: расхваливал их, говорил, что сливы и сладкие, и крупные, и косточка отделяется, и урожай начнут давать через пару лет. Купили мы крупный саженец не задёшево, посадили на хорошем месте, стали ждать. Год проходит – слива растёт; второй год – слива становится большой, ствол крепкий, ровный. Радует. Проходит третий год: видим весной, что стала наша слива красавицей: высокая, стройная, с пышной кроной. Зацвела, и ягоды появились. Но летом оказалось, что не держатся на ней ягоды: засыхают, опадают – урожая никакого, даже покушать не можем, что за слива.

На следующий год история повторяется, ягоды появляются, но не наливаются, не зреют, твёрдые, как камень, а потом засыхают и падают. Папа уж нервничает, хочет удалить сливу, заменить другой. Правда, мы на даче не жили всё лето, то приедем, то по делам уедем, бывает, нет нас по две недели, и даже больше. А в последнее лето получилось так, что дача не была и дня без нас: кто-нибудь всегда оставался, а чаще мы были тут все втроём.

Игорь Золотарёв

Начали мы к сливе приглядываться, жалко такую красавицу убирать из сада. А когда началась жара, поливая овощи, мы поливали и сливу. Она такая большая выросла, вон сколько слив на ней, её же поить нужно. Не пропускали ни одного дня. Видим, ягоды держатся, всё крупнее становятся, но август на носу, а они всё равно твёрдые-претвёрдые. Другие, обычные сливы начинают темнеть, созревать, а эта всё в одной поре: тёмная, чуть синеватая.

Прошло ещё какое-то время, и вдруг однажды утром увидели мы нашу красавицу, стройную, всю в голубом. На расстоянии она смотрелась как синее чудо: зрелище удивительное. Благодаря обилию ягод видно было только красивое, синее дерево, будто и не было зелёных листьев. Просто синева ягод заставляла забыть о зелёных ветвях. Ягоды не падали, но оставались несъедобными, никак не зрели. Так продолжалось до конца августа, нам пришлось уехать, и приехали мы недели через две. Когда не было той жары, прошли дожди, слива обошлась и без нас.

Приехав, мы тут же пошли в сад, бросились к сливе. Плоды висели красивые, крупные, сочные, попробовали – косточка легко отделялась. Слива созрела! И была такой сладкой, такой вкусной, необыкновенной. Мы собрали ягоды, угостили друзей, привезли полное ведёрко слив в город. Угощали родственников, приятелей, хотелось, чтобы они тоже отведали таких вкусных, больших, таких замечательных слив.

Оказывается, слива эта относится к поздним сортам. Летом надо о ней заботиться. Вот такая история вышла у нас с красавицей-сливой в нашем славном гефсиманском саду.

КУСТ ХРИЗАНТЕМ

Накануне маминого дня рождения мы отправились на Рынок Выходного Дня, чтобы купить продукты и цветы для мамы. Мама родилась 19 октября и очень любит осенние цветы хризантемы. Их тут великое множество, всех цветов и размеров, выбор огромный. В этот раз мы сначала купили творогу, мяса, яблок, затем подошли к цветам. Мы любовались всякими цветами: жёлтыми, белыми, фиолетовыми, синеватыми. И вдруг остановились, как вкопанные, перед огромным букетом некрупных хризантем удивительного малинового цвета, они горели так ярко, просто светились, сияли все изнутри. Это была такая красота – невозможно оторвать глаз. Мы бросились к этому букету, огромная охапка цветов, которую надо было нести перед собой двумя руками. Женщина, продававшая цветы, попыталась охладить наш пыл, сказав, что этот букет не для вазы, а для посадки, он с корешками, и этот образец она не продаёт. Мы стали её уговаривать, она согласилась, наконец, но повысила цену, что не смутило нас, папа сказал, за красоту надо платить.

Довольные, мы вернулись домой и поставили цветы в вазу вместе с корешками, завернутыми в бумагу. Два следующих дня, до маминого праздника, мы начинали утро с того, что, заходили в комнату, где стоял наш удивительный букет и заряжались энергией на весь день.

День рождения прошёл весело. Приходила мамина кузина с внуком Мишей. После обеда мы пили чай с маминым яблочным пирогом, Мишина бабушка Рая называет его фирменным, наверное, потому, он всегда получается вкусным. Папа спел романсы «В том саду, где мы с вами встретились, мой любимый куст хризантем расцвёл», а затем «Уж давно отцвели хри-

Царь Золотарёв

зантемы в саду». Так наш букет стал участником праздника. А Рая вдруг предложила нам посадить этот куст на нашей даче в Малоархангельске. Всем ужасно понравилась эта идея. Мама сразу оценила Раино предложение и сказала, где именно нужно посадить хризантемы в саду: под яблоней, где большой стол и где мы обычно сажаем герани. Куст этот впишется в ландшафт, и каждый день, проходя по дорожке, можно будет смотреть на него, здороваться с ним и видеть, всё ли в порядке. Конечно, мы будем ухаживать за ним.

В первую же субботу после Дня рождения мы поехали на дачу, благо, что на улице было тепло, светило солнце, осень в этом году необычная: много тёплых солнечных дней, самое время сажать хризантемы. Мы с папой отвезли наш куст в Малоархангельск, посадили на выбранном месте, хорошенько полили, подкормили, пожелали ему хорошо перезимовать и ожидать нас весной. В нашем саду много цветов: есть тюльпаны, нарциссы, роскошные пионы, любимые нами ландыши – «светлого мая привет». С середины лета до самой осени у нас тут цветут флоксы, а вот осенних цветов, сетует мама, нет. Теперь куст хризантем будет радовать глаз и в сентябре, и в октябре, на Покров. А это очень большой праздник, мама никогда не забывает его. Чуть позже, 19 октября, у неё День рождения. Этому дню Пушкин посвятил одно из лучших своих стихотворений «19 октября», где есть такие слова «Друзья мои, прекрасен наш союз, он как душа неразделим и вечен», обращённые к своим друзьям по лицу. Это стихотворение читается у нас в семье каждый год и именно 19 октября. Теперь в России этот день стал Днём Лицея.

Домой мы вернулись радостные, украсив наш сад необыкновенно красивым кустом хризантем. Теперь, когда осенью деревья надевают свои лучшие наряды, мы каждый год приезжаем сюда, чтобы увидеть красные гроз-

дья рябины, которой, как в народной песне, всё никак не удаётся перебраться к жёлто-зелёному дубу, оказавшемуся в нашем саду от неё на расстоянии. Не устаём любоваться одетой в золото берёзой перед нашим окном, любимыми мамиными клёнами, одетыми в багрец и золото (по календарю друидов клён – мамино дерево). Ну, а куст хризантем, по словам мамы, как аленький цветок, будет гореть теперь днём и ночью в нашем осеннем саду.

ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО

По Орловскому телевидению передали, что у нас в городе проходит Праздник хлеба, посвящённый хлебопекарной промышленности. К нам приехали гости из многих регионов России (Курск, Брянск, Владимир, Самара, Майкоп и другие). И всё это происходит где-то на окраине Орла, в Мега-Гринне – самом большом торговом центре города, где мы ещё ни разу не бывали.

– Надо съездить, – сказал папа. – Посетить, глянуть масштабно на хлеб наш насыщенный.

– Ну, конечно, съездим, – поддержал я папу за завтраком.

А мама молчала, она уже там побывала. Её очень заинтересовал белый мёд из Адыгеи, который там продавался.

На маршрутке в 909-й квартал, которая ходит туда, за «Ботанику», почти до железной дороги на Брянск, мы домчались быстро. А дальше надо или трамвайчиком, или пешком. Поднырнули мы под мост, к первому трамвайному кольцу у завода «Дормаш», глянули вперёд: вот это да! Чего только тут ни понастроено в последнее время! Папа даже не подозревал.

Царь Золотарёв

– Помните? Мы жили там, ещё дальше, – сказал он. – В одном из трёх домов, в среднем, в общежитии завода «Химмаш». И оттуда трамвайчиком ездили в город... Так на этом месте был огромный пустырь, а теперь, глядите, целый квартал современных зданий...

Много чего интересного увидели мы в Мега-Гринне: комплекс из магазинов, ресторанов, гостиниц, огромный концертный зал, спортивные сооружения. Перед центральным зданием – аллея орловских писателей-классиков, тут же железная дорога, на ней локомотив и поезд «Орёл – Париж»... Но мы же приехали на хлебную выставку! Со своей продукцией здесь были даже армяне, даже афганцы, у которых мы попробовали чипсы «слоновье ухо».

Конечно, интересно было посмотреть наш регион. Особенно понравилось «Хлебное дерево» из Глазуновского района, хорошо была представлена продукция Малоархангельского хлебокомбината. Всюду проходили дегустации, что-то можно было купить. Мама купила мёду, который присмотрела накануне, вкусные московские кексы, которые положили ей в симпатичные пакеты. Наши земляки из Малоархангельска угостили нас вкусным гречневым хлебом. От праздника мы получили огромное удовольствие! Всё это забылось бы со временем, осталось бы лишь на фото. Оказалось, что праздник имел продолжение благодаря ближней к нам Ярмарке Выходного Дня по субботам и воскресеньям.

Приходит наша мама как-то в субботу с ярмарки, тащит целую сумку всякой еды. Поставила на своё деревянное кресло белорусского производства и говорит:

– Всё! Больше одна на рынок ходить не буду!.. Федечка, будешь брать сумку на колёсиках и возить в ней отдельно малоархангельский хлеб.

– Малоархангельский? Хлеб? – удивились мы с папой.

Папа больше всех у нас ест всякое хлебное из «Буланжери» (мама приучила нас называть эту булочную по-французски). Тут мы покупали ржаные лепёшки, заварной хлеб, «бородинский». Белого папа не ест.

– Ну-ка, ну-ка, – первым, как всегда. полез папа в сумку с хлебными изделиями. – Ничего себе!.. Ржаные лепёшки по две в упаковке, пирожки с яблоками, как пироги, кулебяка из капусты по цене пирожка в нашей «Буланжери», сочники с творогом, а не с творожным продуктом, гречневый батон и большой кирпич настоящего «бородинского» хлеба с тмином, хорошо пропечённого.

– Почти на двести рублей, – сказала мама.

– Что это с ними случилось? – удивился папа. – Непонятное что-то. То летом мы в Малоархангельске не едим местный хлеб, покупаем курский, а тут накупила на всю неделю.

И мы не ошиблись. Всё было отличного качества, всё было вкусно.

В следующую субботу мы все втроём пошли на рынок, взяли с собой сумку на колёсиках. В этот раз купили всё, что и в прошлую субботу, прибавив фитнес – булочку и упаковку хлебных пирамидок.

– Ну, что, Галя, покупают у вас хлеб? – спросил папа знакомую продавщицу из хлебного магазина в Малоархангельске.

– Ещё как, – разулыбалась Галя. – Хорошо, что вы рано пришли, а чуть позже гречневых батонов уж не было бы. Через пару часов всё сметут, можно будет возвращаться домой.

– Вот какое чудо! – сказал я. – То приходили – никого, а то очередь. С чего бы это? Малоархангельских, что ли, много сюда переселилось?

– Всё дело в качестве, – похлопал по плечу меня папа. – Продаётся многое, а раскупается лучшее. Рынок – это место, где всё узнаётся быстро даже без особой рекламы.

Царь Золотарёв

– А почему всё у них стало вкусным? – снова спрашиваю я.

– А помнишь Праздник хлеба, «хлебное» дерево? Вот, где всё началось. Очень полезны такие праздники-конкурсы. Они показывают, куда нужно двигаться, как зарабатывать через повышение качества. В общем, как печь вкусные пирожки.

Позвонила мама своей подруге Манечке, Марии Тимофеевне в Малоархангельск и стала рассказывать ей, что мы покупаем здесь на рынке, какие малоархангельские хлебные изделия и какие они вкусные. Мария Тимофеевна удивилась: гречневых батончиков, хлебных пирамидок у них в магазине пока что нет. Мама сказала, что, конечно, всё и у них будет, как и у нас. А пока накануне Нового года мама передала пакет своим подругам, положила в него откидные новогодние календари с обезьянками (2016-й – год огненной обезьяны), не забыла положить им туда и гречневого хлеба. Вкусно! Полезно! Пусть наш Малый город кормит своим хлебом областной Орёл. Пусть везде будет вкусный хлеб. С хлеба, с Русского поля начинается Родина.

АНДРЕЕВСКИЙ КОЛОДЕЦ

У папы среди друзей есть журналистка Марина Карлова, она работает в районной газете в Колпне, пишет хорошие стихи, и они общаются с папой. Однажды Марина привезла папе рукопись, сказала:

– Вячеслав Гаврилин, почитайте.

– Где живёт он? – спросил папа.

– В Андреевке, – ответила Марина. – Мичман в отставке.

На какое-то время папа забыл о рукописи. Я напомнил ему о ней. Решили почитать вместе. Рукопись из Андреевки, а все мы знаем, что там Андреевский колодец, святая вода.

Наше занятие прервал телефонный звонок, междугородный. Оказалось, из Западной Сибири. От тётки Лиды, папиной двоюродной сестры. Мы друг про друга всё знаем. Папа с ней вместе прожили всю жизнь, а сейчас тётка Лида живёт в Томске, у своей дочери Оли.

В папиной семье, начиная с его мамы, моей бабушки, чудесная закономерность: разница в возрасте восемь лет. Старшая у них – папина мама, моя бабушка, она была с 1911 года, её сестра Дуся – с 1918, тётка Лида – с 1927 и так до папы (1935). В 1943, когда Малоархангельск освободили от немцев, тётке Лиде было 16 лет, теперь она уже в почтенном возрасте. Звонила она в свой День рождения, седьмого декабря. Папа сказал, что он не забыл в этот раз её День рождения, перенося его по ассоциации с её годом рождения на 27 декабря. Просто она его опередила своим звонком. Папа поздравил свою любимую сестру, передал поздравления от нас, приветы Коле, её мужу, дочери Оле, всем сидящим там у них, за столом. Потом папа позвал меня к себе и говорит:

– Давай я тебе расскажу историю одну, связанную и с Лидой, сестрицей моей двоюродной, и с Андреевским колодцем, со святой водой...

– Давай, рассказывай, – присел я к нему поближе.

– Так вот, в сорок третьем, где-то в сентябре, когда мне было восемь лет, я пошёл в первый класс, в школу. Война уже далеко, за Глазуновкой. И тут я подхватил скарлатину. Болезнь вроде ангины, горло болит, только гораздо опаснее... Я-то маленький, мне ещё ничего, а для подростков, взрослых она куда страшнее, можно и умереть. Лиде было шестнадцать, все мы находились

Царь Золотарёв

в комнате вместе, не было никакой изоляции. Передо мной на стуле была еда, хорошая еда, которой всем тогда не хватало. Я не мог есть, больно глотать, а Лида рядом, что-то схватила у меня со стула и заразилась. Конечно, скарлатиной.

Я уже на поправку пошёл, уже сам на улицу в туалет выходил, а Лида впала в беспамятство. Ночь напролёт вскакивает, всё куда-то бежать ей надо, за какой-то святой водой. Дедушка наш Герасим Макарыч пиджачок подле её постели бросил и прилёг, чтобы Лида через него не переступила, никуда не ушла. Приходила медсестра с соседней улицы, уколы делала, красный стрептоцид приносила, как раз для фронта, для раненых, его стали изготавливать. Так она стрептоцид давала Лиде. А Лида своё:

– Пить, пить!.. Святой воды мне... Из Андреевского колодца...Из колодца Андреевского...

Наутро, чуть свет, дедушка собрался и ушёл в Андреевку. Это как раз на полдороге между Малоархангельском и Колпной. Метров в трёхстах от границы районов, направо, в лощине, где лоза и ракиты. Из Малоархангельска туда и обратно километров сорок, ну, может, и больше.

Ждём мы дедушку, как Бога. До самого вечера.

Вот и он! Лида схватила бутылку и давай пить жадно, крупными глотками.

– Ну вот, – вздохнула она. – Теперь буду жить.

И поставила бутылку обратно на стол.

Удивительно, правда, чудо какое. К вечеру Лида встала на ноги и сама вышла на улицу..

– Вот какое дело, сынок! – сказал мне папа. – Что такое Андреевский колодец, святая вода.

Набирает папа номер мобильного Александра Михайловича Польшкина, известного краеведа. Всё знает обо всех творческих людях, что живут на юго-востоке области, вокруг Малоархангельска.

– Александр Михайлович, дорогой, кто это там в Андреевке живёт? Какой-то мичман в отставке.

– А-а-а, – засмеялся Полынкин. – За Андреевским колодецем присматривает, написал даже книгу о нём.

– Молодец мичман! – говорит папа. – Надо почитать.

Взял папа тоненькую рукопись, что вручила ему Марина Карлова и с первого же абзаца, как закричит:

– Да ты глянь, как написано! Про Одессу и Севастополь, про Чёрное море... Как юнга севастопольский – Кирюша из Севастополя...

– Папа, – говорю я ему, – мичман и тут у нас в Колпне выбрал воду – Андреевский колодец, святая вода...

Быстро летит время, пулей. Вот уже и апрель. Вот-вот нам всей семьёй ехать на дачу – в наш Малоархангельск, к родному дому. Как приедем, так скорее на автобус «Малоархангельск – Колпна». И на полдороге, за Хмелевым, выйдем. И пойдём направо к святому Андреевскому колодцу.

Едем к мичману. Открытие ждёт читателей в очередном номере журнала «Русское поле»: публикация его рассказа про Одессу и Севастополь. Разве не чудо – талант? Андреевский колодец, святая вода. Мы с папой верим в чудеса, и с этой верой как-то легче живётся.

СУШЁНЫЕ ЯБЛОКИ

Наш сад – в маленьком городке, что в 70 километрах от Орла. Сад большой, но очень старый. Его сажали ещё после войны, когда моему отцу было лет восемь. Теперь деревья, по словам родителей, словно «эвкалипты», такие огромные, мы их опиливаем, окапываем, белим. Есть и молодые яблони, посаженные нами не так давно, но кормят нас яблоками всё ещё старые яблони.

Царь Золотарёв

В один год на них яблок больше, в другой – меньше, но нам хватает, на рынок летом не ходим. Сорты отличные: настоящая антоновка, осенью жёлтая; собранная лежит в ящике, запах на весь квартал. Бельфлёр – китайка долго не лежит (август да сентябрь), зато яблоки крупные бело – розовые, красивые, очень сладкие, есть у нас и «штрифель», коричневое полосатое, и другие сорта. Конечно, главные деревья в саду – это яблони. Мама считает, что сад – это роскошь, а возделывать сад – благородное дело, сад – это пространство, которое делает человека счастливым. И это правда.

В саду работать не так утомительно, можно сесть на скамейку и отдохнуть, а вечером сиди в саду и смотри на звёзды, здесь множество птиц, и все поют на разные голоса. Мы любим наш сад. Мама повторяет слова из Марины Цветаевой, её стихотворения «Сад».

*Пошли мне сад на старость лет,
Прохладный сад и сад в тиши
Для отпущения души.*

Я спрашиваю, что такое «отпущение», она отвечает, что это можно понимать, как утешение, радость. Радует в саду всё: начиная с любимой маминой малины, потом папины вишни, чёрная и белая смородина; а куст белой смородины, крупной и очень сладкой, я обожаю. После вишен наступает время слив. В последние годы, когда летом бывает жарко, всё созревает почти одновременно. Тогда у нас много работы. Мама варит малиновое варенье, мы с папой протираем смородину с сахаром, освобождаем вишни от косточек для конфитюра, но все у нас любят ещё и джем из слив. Папа просит сделать не очень сладкое повидло из яблок. Часто мы с ним помогаем маме резать яблоки, одной ей не справиться. А ещё в жару мы сушим яблоки, чтобы зимой на новый год не пить какой-

то лимонад, а очень вкусный и полезный компот, в который мама добавляет немного мёда.

Мы сушим яблоки ещё и для наших родных и друзей. Мама посылает их своей подруге в Санкт-Петербург, своей сестре на Урал, другой сестре – в Архангельск.

У папы есть любимая двоюродная сестра Лида, в детстве она жила вместе с ним в этом маленьком городе. Потом уехала учиться, выучилась и поехала на Алтай работать, но часто приезжала сюда, в свой родной дом, который строили все вместе, особенно дедушка, она помнит и любит и дом, и сад. Сейчас ей много лет, мы общаемся по телефону, посылаем друг другу подарки, но лучшим подарком для папиной сестры Лиды бывают сушёные яблоки и боярышник из родного сада.

Боярышник она заваривает и пьёт, он помогает ей от сердца, а сушёные яблоки она ест, как конфеты, и говорит по телефону, что они вкуснее всяких конфет. Мы их сушим в теньке, они высыхают за пару жарких дней: беленькие, сладкие или чуть с кислинкой, если из антоновских яблок.

В этот раз вместе с яблоками мы послали ей и сушёный боярышник, который не растёт в Сибири, теперь Лида живёт у дочери в Томске. Боярышник ей нужен, чтобы сделать лекарство. Нам приятно это делать для папиной сестры, а ей наши нехитрые подарки доставляют большую радость, вызывая в памяти воспоминания о детстве, о родном доме и нашем тенистом яблоневом саде.

КАК МЫ ЧИТАЛИ ТОЛСТОГО

В стране завершился Год литературы. Целых четыре дня в декабре днём и ночью по каналу «Культура» читали

Царь Золотарёв

«Войну и мир» Толстого. Решили и мы почитать, как и все, по странице, две минуты чтения каждому. Мама предложила читать из романа французский текст, по-французски. Дело в том, что все трое мы франкоговорящая семья: мама преподавала французский в университете, папа ещё в школе с пятого класса обучался французскому, ну, а меня в такой семье с детства учили тоже французскому.

Выбрали мы с мамой в квартире диван, кресло для папы и стали читать. Сначала, конечно, мама. Она у нас самая продвинутая, больше всех имеет дело с французским, с французами держит связь. Прочитала, Говорит про своё чтение: хорошо, но без тренировки, не очень, можно было бы лучше.

Стал читать и я. Тоже по-французски. Прочитал страницу. Послушали, подумали. Мама повторила: хорошо прочитал, но не очень, можно было бы и получше. А вот любителем поэзии Толстой не был. Из поэтов любил одного Фета. Сам же лично написал лишь «Солдатскую песню».

– Знаем, знаем, – не стал возражать ей папа. – Вот что сказал об этом Толстой: «Писать стихи – это всё равно что пахать и за сохою танцевать. Это прямо – таки неуважение к слову». А у самого Льва Николаевича было очень даже большое уважение к слову. Особенно к русскому... Вот я и буду читать свою страницу «Войны и мира» по-русски, на нашем великолепном русском языке, которым был написан роман Толстого «Война и мир»...

Не станем приводить тут, в этом рассказе, ту страницу, которую прочитал за свои две минуты мой папа, отец. Текст Толстого широко известен. Обратим внимание на то, что скоро нам идти в библиотеку имени Бунина и проводить презентацию журнала «Русское поле» №3, посвящённого Году литературы, где, между прочим, имеются тексты менее известные, зато про самого Льва Николаевича Толстого, написанные с большим чувством известным туляком поэтом Валерием Ходулиным.

Ласточкин дом

Пойдём в «Бунинку», возьмём и выберем что-нибудь из его стихов о Толстом, опубликованных в этом номере журнала. Рубрика так и называется «В гостях у Льва Толстого».

Друг Толстого

*Душану Маковицкому –
домашнему врачу и другу
Льва Толстого*

*Появился он в Ясной Поляне
В самый трудный и сложный момент,
И в его небольшом чемодане
Медицинский лежал инструмент.*

*Приглашённый графиней Толстою,
Говоривший по-русски с трудом,
Покорил он своей добротой
От велика до мала весь дом.*

*Только мир не кончается домом,
И для яснополянских крестьян
Скоро стало родным и знакомым
Необычное имя Душан.*

*И когда он по Ясной Поляне
Шёл, к большому ребёнку спеша,
Вслед ему говорили крестьяне:
– Человек, одним словом – душа.*

*Что искал он, по свету блуждая?
И зачем его поезд увёз
Из словацкого горного края
В это царство российских берёз?*

Царь Золотарёв

*За богатством приехал?
Едва ли...
Разве мог он богатство скопить,
Коль сердился,
Когда предлагали
За лечение ему заплатить?*

*И себя ощущая крылатым,
Понял он своим чувством шестым:
Можно быть лишь духовно богатым
Рядом с тем, кто зовётся Толстым.*

*Разве можно хватать чаевые?
Разве можно мусолить рубли,
Если вот она –
Совесть России,
Да, пожалуй, и целой земли.*

*Не жалея ни сил и ни знаний,
Не стараясь нажать барыши,
Был он лекарем тяжких страданий
Беспокойной толстовской души.*

*И когда нестерпимая рана
Омрачала страданием лик,
Не жену,
Не детей,
А Душана
Звал на помощь великий старик.*

– Вот это, – сказал мой папа, – я когда-нибудь и прочитаю в Бунинской библиотеке. Перед всеми. Не постесняюсь. Хоть перед самим Львом Толстым.

Мы приходим сюда и слушаем, как читают тут про писателей, про Толстого, да и не только про Толстого. Про всех тех мастеров русского слова, живого и гибкого, могучего и свободного, неподкупного, бесконечно родного русского Слова. Ну, а про Льва Толстого мы говорим по-особому, с гордостью за нашего светоча, кумира, национального гения.

Награда Льва Толстого

*Шёл пятый. Вовсю свистели плети.
По всей стране – кровавые следы.
Россия отмечала полстолетья
Великой севастиопольской страды.*

*Что ж, не дошла медалька – и не надо.
Она, небось, от крови солона.
Ему уж уготована награда-
Бессмертьем называется она.*

*Пускай Толстой награды не получит,
Он совести своей не замарал.
На бастионе –
Храбрый подпоручик,
В литературе –
Грозный генерал.*

ОЖИВАЮТ МАШИНЫ

Зима. Декабрь. Дело к Новому году, а на улице дождь. Температура бьёт все мыслимые и немыслимые рекорды. Задёрнул я плотной шторой окно в своей комнате, прилёг на диванчик, да и провалился в сон, как в глубокую яму.

Игорь Золотарёв

И снилось мне, как будто машины оживают вдруг, становятся живыми. Особенно легковушки, которых неисчислимое множество прямо у нас под окном. Утром они куда-то деваются, на работу уезжают, а вечером, к ночи, откуда-то берутся, едут и едут, пока весь двор не забьют всякими своими марками – иномарками: «Нивы», «Шевроле», «Жуки», вездеходы, «Судзуки», «Роллс-Ройсы», «Москвичи», даже «Запорожцы», даже какие-то самодельные.

Машин в нашем городе больше даже, чем людей. По две-три штуки в семье на одного человека. Слава Богу, у нас ни одной. Некому ездить. Папа говорит:

– Я уже старенький, мама старенькая, а ты, Игорь, к машине так и не приохотился. И хорошо! «Гаишникам» в лапу не давать, в кювет свалиться опасаться не надо, дорожные законы не для нас пишутся и принимаются.

– Я вообще ненавижу автомобили! – заявила мама, а она у нас умная. – Хватает нам автобусов, троллейбусов, самолётов и кораблей. Автомобили – это какая-то дьявольщина. Скоро они весь земной шар загубят. Засорили газами всю атмосферу. Видали, какая за окном температура? Десять градусов, а ведь сегодня 19-е число, зимний Никола, покровитель Руси...

– Всё бы свалила на автомобили, – возразил ей папа. – Всё бы тебе автомобили, как будто заводы не копят, шахты атмосферу не засоряют...

В Париже по вопросам экологии недавно собирались руководители, кажется, ста восьмидесяти государств по вопросам климата, экологии, глобального потепления. Как наша мама, тоже готовы всё на автомобили свалить. А как с лесами? В Бразилии леса по Амазонке почти вырубил, а ведь где-то там образуется Гольфстрим – самое мощное тёплое течение на Атлантике. Течёт на Север до самой Гренландии, как паровое отопление влияет на потепление всей Европы, в том числе и на нас...

– Папа, – говорю я, – это мы знаем, а вот ты про Чижевского позабыл. Книжка есть у нас его «Эхо солнечных бурь». Учёные говорят, как на Солнце появляются пятна, так на Земле становится жарко, изменяется климат, пропадают урожаи, у людей начинаются войны и революции... Вот и сейчас что?

– Войны и революции, – подтверждает папа. – В начале прошлого века в Индонезии взорвался вулкан Кракатау, так он пылью закрыл полнеба, до самой Африки...

– Ну, хватит вам, хватит! – сказала мама. – Показывать тут свою ерундицию.

И выключила телевизор, постелила мне на диване постель.

– Всё, Игорь Леонардович, – взбила она попышнее подушку. – Приятных тебе сновидений...

И я тут же провалился куда-то в сны, как в глубокую яму. Со всеми картинками из телевизора и разговорчиками, которые мы вели о земном климате и глобальном потеплении и которые всех нас в последнее время заколебали.

Сны смешали во мне людей с машинами, а машины с людьми. Машины стали людьми, а люди – машинами. Как в Японии, где началась эра роботов. Японцы живут дольше всех, – до 88 лет, на них работают роботы...

Вот японский автомобиль «Судзуки», он стоит у меня под окном, он живой, я с ним разговариваю.

– Ты на трёх колёсах, – спрашиваю я его, – или на четырёх?

– Почему это на трёх? – обижается Судзуки. – Что я тебе, мотоцикл какой-нибудь или квадроцикл?

– Да потому что, – говорю я ему, – мой папа рассказывает, он в 1959 году был в Москве, в Сокольниках, на японской выставке они были на трёх колёсах.

– Когда это было? – аж кудахчет от смеха Судзуки, так его всего разбирает. – Теперь мы забили собой и амери-

Царь Золотарёв

канский рынок, и европейский. Даже к российскому на Дальнем Востоке подобались. К вам сюда вот, в Серединую Русь, прикатили... Мы как люди, только японцы...

- А Новый год бывает у вас, у японских машин? - спрашиваю я Судзуки. - А Деды Морозы?

- У нас всё бывает, - отвечает Судзуки. - Если нет - сделаем. Роботы у нас, они всё могут. Заменили ими рабочий класс, и теперь у нас нет и не может быть революций...

- И поэзии нет? - не выдерживает папа. - Стихи только люди пишут.

- Стихи пишут люди, - говорит Судзуки. - А вот поэзию делают у нас роботы... Всё, скорее спрашивай. А то бензин кончается...

- А что? Без бензина не можешь? - удивляюсь я во сне, не приходя в сознательное состояние.

- Могу, на электричестве.

- Без бензина, папа, они никуда, - говорю я папе.

- А, понятно теперь, почему претендуют они на Сахалин. Там же, на севере, где город Оха, нефть имеется, а из нефти делается бензин.

- Ну так будем мы Новый год встречать? - обращаюсь я к тому же Судзуки.

- Будем, - отвечает Судзуки.

- Вместе или врозь? У нас свой Дед Мороз, у вас - свой.

- Вместе.

- Как это вместе? - говорит мой папа. - У нас же разные календари.

- Зато этот год, - замечаю я, - у нас один талисман: обезьянка. Мама нам уж бананчиков купила для обезьянки... Дать тебе, Судзуки, бананчик, будешь?

- Бананов роботы не едят, - заскрипел всеми своими механизмами Судзуки. - С бананами японцы не проживут столько - до 88, 8 лет...

Проснулся я, лежу и думаю: «Приснилось мне всё это или это всё наяву?» Выглянул в окно – автомобиль «Судзуки» стоит, дышит в форточку. Приоткрыл холодильник – бананы, мама вчера принесла из магазина к Новому году. Вернулся я в постель свою, закрыл глаза и успокоился.

«БУДЕТ ЛИ У НАС ВОДА БЕЗ ЖЕЛЕЗА?»

Вода у нас в Орле нехорошая, может, даже плохая. Папа говорит, всегда пиво тут на пивзаводе не получалось. Ездили мужики пиво пить в Ливны, туда его привозили из Ельца. Елецкое пиво было замечательное. Почвы в Орле не те, камни на почве. Пили и такую воду, а что делать? Но вот пришло время, и стали воду очищать, продавать в будках на улице, в магазинах. Моё дело ходить с утра в масловский магазин, где обычно продают фрукты и овощи. Тут же и аппарат стоит, от Орловского хлебокомбината. Сюда, в масловский, я и хожу по утрам. Моё это дело – в руки по банке пятилитровой и айда за водой. Каждый день, это на дню сколько рублей? А если за месяц? А за год?..

Вот в Малоархангельске у нас воды хоть залейся. Во дворе – колонка. Из артезианской скважины. Через дорогу – колодец. Вода в нём хорошая, вкусная. Мы её пьём, варим всякое варево. И всё – таки хожу я на переулочек Адлера, к роднику, или ещё подальше – к роднику «из-под трубочки». Особенно, когда солим огурцы, помидоры... Ну, в общем, в Орле у нас тут плохая вода, а мы ведь к хорошей приучены.

И вот услышали мы по местному телевидению, что в Орле будут производить «обезжелезивание» воды, то

Царь Золотарёв

есть улучшать её качество. Все втроём мы, всей семьёй, обеспокоились: когда же это будет? Поскорее бы...

– Папа, – говорю я, – скажи, что хоть такое «обезжелезивание»? Что – железо в ведро кладут, а потом вынимают?

– Ну, ты даёшь! – смеётся отец. – Надо же придумать такое. По-моему, это вот что. Воду должны брать из речки Рыбницы, что начинается в Свердловском районе и впадает в Оку, хорошая вода. Так вот, Рыбницу эту должны где то там перепрудить, сделать запруду и чистить воду каким-то способом. «Обезжелезивание», называется.

– Папа, – говорю я, – мы были в Москве у дяди Вити, так там воду не чистят.

– Чистят, – смеётся отец. – Только не хлоркой, как у нас, примитивным способом, а кислородом насыщают, убирают тяжёлые металлы, потом охлаждают. Вода получается, что надо, аж язык пощипывает...

– Когда же у нас-то будет пощипывать? – пристаю я к отцу чуть ли не каждый день теперь. – Когда воду у нас «обезжелезят»?

– Слышал, что по местному телевидению сообщают? – хмурится папа. – Опять у них там какие-то финансовые беспорядки...

– Опять в карман себе, что ль, суют? – замечаю я. – Суют и суют. А я с сумками в магазин ходи и ходи. Народу уже не протолкнёшься, по двадцать бутылей берут. Даже на машинах приезжают... Вишь, пришёл поздно, аппарат опять поломался. Сколько можно? Аж посинел аппарат от натуги...

– Ходи пораньше, в числе первых. Пока машины не понаехали.

– Так теперь и буду делать, – говорю я, вынимая из сумок обе бутылки, и ставлю каждую на своё место. Одну на стол – у раковины, другую под стол – тоже у раковины. А в раковине ни звука, из крана ни капли. Кран мы включаем, как говорится, в редкую стёжку. Только когда фрук-

ты или овощи моем, посуду, ложки, вилки, тарелки. Коту Васе, когда был жив, мы тоже давали воду из магазина, он же у нас человек.

– Папа, а что бывает, – ставлю я, как обычно, одну бутыл с магазинной водой на стол, а другую – под стол, – что бывает, когда воду пьют из-под крана?

– У сестры моей, у тётки Лиды спроси, – говорит отец. – Она тебе скажет. Камни на почках. Вот что. Сколько лет она ездила в Трускавец, пила эту воду – «нафтусю».

– И что?

– Жива до сих пор.

– А сейчас ездит?

– Вряд ли.

– И почему?

– Да потому что в Томске, видно, вода хорошая.

– Чистят, что ль, как у нас в масловском магазине?

– Воруют поменьше, – засмеялся мой папа. – Давно уж, видно, «обезжелезили».

Вот такие дела у нас с этой водой. То, бывало, от книжек меня за уши не оттянешь, на местное телевидение, как говорится, я ноль внимания. Одни пожары там, автодорожные происшествия, реклама: какие-то шубы пятигорские во Дворце железнодорожников продаются по значительно сниженной цене. А зачем они нам, шубы-то? На улице уже третий год как тепло.

А теперь, я всё жду, когда скажут на телевидении про воду, про её «обезжелезивание». А они всё молчат. Кадры по воде, по её «обезжелезиванию» всё меняют и меняют. А я всё жду и жду. Весны ожидаю, апреля – месяца, когда, наконец, мы поедem на дачу – на свою малую родину, в Малоархангельск. Там воды всякой много, в том числе и хорошей, и очень хорошей. Например, родниковой с переулка Адлера. Чуть подальше – «из-под трубочки», из которой льётся вода днём и ночью ручьём толщиной в детскую руку. Льётся просто так, не за здорово живёшь.

Царь Золотарёв

А тут, в Орле у нас, кладу я в железный аппарат железные монеты. И жду этой самой воды за деньги «обезжелезенной».

– Куй железо, пока горячо, – говорю я отцу.

– Это ты про какое железо?

– А про такое, – смеюсь я, ставя банки около раковины. – Куй «железо», пока есть под Орлом вода пресная. Вон сколько её у нас в России. Целый Байкал.

НА ИНДЕЙСКОЙ ПИРОГЕ

Ходим мы с папой домой с центральной площади через горсад, в последние годы его стали называть Парком культуры. В конце Парка культуры аттракцион – «На индейской пироге». Интересный аттракцион! Остановился и смотри, как дети катаются по реке, по воде быстротекущей, между гор вперёдсмотрящих у вигвама золотого под серебряным туманом...

И мальчик маленький сидит в лодке – пироге индейской, а отец его стоит перед ним, улыбается и читает стихи. Прислушались мы – из «Песни о Гайавате» Лонгфелло в переводе Бунина.

*«Так он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, –
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шёл к добру и правде.»*

Плывёт мальчик по индейской реке в пироге индейской, в лодке – под голос отца своего, под дыхание ветра, по Парку культуры.

– Как хорошо! – говорит с восхищением мой папа. – Как нам с тобой тут хорошо! Видеть всё это, слышать всё это. И золотоголового мальчика, и тихий голос его отца, и этому индейскому эпосу внимать с его добром и красотой, незримо разлитыми в мире. Только то и увенчано, то священно, что делает народы благородней и свободней.

– Папа, – слушаю я его, отца своего и учителя, – как хороша эта «Песнь о Гайавате». Спасибо тебе...

– Это переведено Буниным, – говорит мой отец. – Я всегда гордился, что Иван Алексеевич Бунин жил в нашем городе, что именно тут, в Орле, он перевёл эту «Песнь» Лонгфелло, заставил её звучать по-русски так же, как и по-индейски, по-английски... Я всегда гордился тем, что работал в газете, где когда-то и Бунин, когда переводил этот чудесный эпос с его тихими радостями детства, красотой девственных лесов и прерий, чистотой первой любви...

– Папа, а я всегда гордился тобой, – говорю я, прижимаясь к отцу.

И читал отец мне и дальше, когда мы отсюда ушли.

*«Будьте братьями друг другу
И придёт Пророк на землю
И укажет путь к спасенью;
Он наставником вам будет...
Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня.
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!»
Так сказал Владыка Жизни.*

Царь Золотарёв

Мы проходили мимо Свято-Успенского монастыря. И тут ударили колокола, мелко рассыпались по Монастырке. «Какой это праздник сегодня?» – подумалось мне.

– Поэзии, русского слова? – сказал я уже вслух.

– Пресвятой Богородицы, – ответил отец. – Поэзия в нас разлита, русское слово. От веры они неотделимы...

«Стихов в каждом рассказе у меня многовато, – подумалось мне. – Так что? Если можно сюда стихи о Гайавате Лонгфелло, стихи Бунина о Лонгфелло, то можно и стихи моего отца о них, он тоже поэт»...

– Папа, – поймал я руку отца и крепко сжал его ладонь в своей неширокой ладони. – Кто ты – прозаик или поэт?

Отец замер на месте. Стоял, прислушиваясь к колокольным звонам у нас за стеной.

– Прозаик или поэт? – стоял он неподвижно. – Драма-тург или переводчик? Романист, музыкант, учитель...

– Кто ты? – сказал отец вслух.

– Кто я? – молчал я от неожиданности вопроса.

– Читатель! – сказал мой отец. – Хороший, знающий, добрый читатель. Без такого читателя не бывает писателя. А без писателя не бывает и книг.

*«Закопайте в землю луки,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!»
Так сказал Владыка Жизни.*

НА ПОКРОВ

В тот год к нам приезжали друзья – французы из Швейцарии: семья – родители и трое сыновей, старшему – двадцать, младшему – десять. Они путешествовали по

России, побывали в Петербурге, заехали к нам, затем отправились в Москву и оттуда домой, в Монтрё. Мама наша их сопровождала, так как они не знают русского языка.

В Орле мы показали им наш город, его достопримечательности, сходили в школу, где я учился, общались с нашими ребятами, рассказывали о себе, фотографировались. На другой день они захотели поехать в Малоархангельск, посмотреть на нашу дачу, наш осенний сад, место, где мы проводим лето.

Ранним утром после лёгкого завтрака мы отправились на автовокзал. Это был Покров (православный праздник), 14 октября. Народу на ранний рейс было немного, мы заняли почти пол-автобуса (нас восемь человек). Французских мальчишек очень забавляло, что они едут на таком маленьком автобусе («пазике»), они никогда таких не видели. Но путешествие наше было вполне комфортным, через пару часов мы уже были в нашем домике. День был не холодный (13-15 градусов выше нуля), но моросил мелкий дождь, временами он прекращался, затем принимался вновь; так как все были в куртках, обошлись без зонтиков.

Войдя в дом, где было прохладно, почти как на улице, мы вскипятили чайник, а заварка, варенье, мёд нашлись на даче, бутерброды и другую еду мы привезли с собой. Теперь это был плотный завтрак, поели, повеселели, пошли в сад. Деревья были пустыми, без листьев, но ещё всюду на огороде виднелась зелень, много петрушки, где-то забытая на грядках морковь, просто зеленела под ногами трава – было не скучно.

На одной из грядок стояли мощные зелёные листья от посаженной весной цветной капусты, которая так и не завязалась. Мама подошла к ним, чтобы сфотографироваться на фоне зелени и увидела в листе несколько крупных, белых, великолепных, похожих на

Царь Золотарёв

белую гортензию, кочанов капусты. Мы уехали с дачи в начале сентября, а они тут выросли и, как божья благодать, явились нам на Покров подарком небес. Мама очень обрадовалась, сказав, что это похоже на чудо, вечером в Орле у нас будет великолепный праздничный ужин.

В хорошем настроении мы отправились смотреть наш симпатичный городок, в это время уже немного потерявший свои краски, но вымытый дождём асфальт, нарядные крыши, ухоженные дома, приветливые соседи, с которыми мы здоровались, проходя по улице, вся атмосфера была спокойной и приятной.

Затем мы повели ребят в школу, отремонтированную этим летом, уроки уже кончились, но директор провёл нас по школе: очень современная, с компьютерными классами, с большим, прекрасно оборудованным гимнастическим залом, который очаровал французских мальчишек. Они все занимаются спортом: один теннисом, другой играет в футбол, а третий вообще выбрал спорт как своё будущее. У него спортивный класс баскетболистов, они уже команда и часто побеждают в соревнованиях.

Мы успели сходить в библиотеку, напротив которой стоит бюст нашего гения А.С. Пушкина, они знают этого поэта, особенно после Петербурга, там они видели Медного всадника, памятник Пушкину на площади перед Русским музеем, куда они ходили. Тибо (средний брат) пытается запоминать русские слова, повторяет «у лукоморья дуб зелёный», конечно, с французскими звуками («и» вместо «ы» и др).

Последним визитом было посещение администрации городка, где работают наши друзья. Нас там встретили очень радушно. Мы пили чай из очень красивых керамических чашек, взрослые распили бутылку шам-

панского, мэр города Александр Сергеевич (имя, как у Пушкина, и учился он в Царском селе) рассказывал о своём городке, задавал вопросы французам, мама переводила, всем было интересно общаться. Французы от приёма были в восторге, Александр Сергеевич дал свою машину, чтобы отвезти нас в Орёл.

Через два дня в Москве на Арбате французы купили книгу сказок Пушкина на французском языке. В благодарность за теплоту и радушие Натали (мама мальчишек) прислала к Новому году в администрацию городка красочный календарь на следующий год и коробку вкусного швейцарского шоколада.

КОТ ВАСЯ – ЗАЩИТНИК НАШЕЙ УСАДЬБЫ

Кота Васи нет уже почти год. Он попал к нам из рук моей бабушки, в руки отца, папы моего. Вася у нас прожил почти десять лет, а кажется, вечность. Всегда был с нами, как член семьи, как человек, который соединял нас с миром животных, миром природы. Вот кем был для нас наш Вася, проживший всего четырнадцать лет и лежащий сейчас в памятном месте, в молодом верхнем саду, на нашей усадьбе в Малоархангельске.

А ведь мог бы пожить и ещё. Иногда ему что-то было не по себе, я звонил ветврачу.

– Павел Иваныч, Вася наш приболел.

– Приноси. Осмотрим, как следует.

Осматривал, назначал лекарства, и всё сходило Васеньке с рук.

Вася вставал на ноги и продолжал жить. Но однажды Павла Иваныча не оказалось, и телефонную трубку взял

Игорь Золотарёв

какой-то другой ветврач по фамилии... называть не буду фамилии...Он сказал:

– Приноси своего кота.

У Васи была своя сумка с окошком, похожая на домик. Вася залезал в него, когда было надо. Особо охотно, когда мы отправлялись в Малоархангельск.

Этот врач Бесфамильный назначил ему лечение. Назвал приличную сумму, которую следовало заплатить. Для Васи нам ничего не было жалко.

– У кота диабет, – сказал он. – Сделаем ему... как бы переливание крови... капельницу...

И напихал ему в стеклянную банку уйму всяких таблеток, лекарств, в том числе и глюкозу. Я удивился: Павел Иваныч никогда так не делал. Тем более, говорит, что у Васи сахарный диабет, а вливает глюкозу, а это ведь сахар. Принёс я Васю домой к себе в его домике, а Вася скучный какой-то, сам не свой. «Что я наделал? – тут же подумалось мне. – Зачем не подождали Павла Иваныча?»

– Может, в Малоархангельск поедем? – сказал я папе. – На свежем воздухе Васе нашему будет легче?

Мы тут же собрались и поехали с Васей на его малую родину.

Наш Вася уже ничего не ел, только пил воду и уже никуда не ходил. Всё вздыхал и вздыхал. Мы с папой так расстроились, едва не плакали. И вот Вася пришёл к папе и лёг, как всегда, папе на грудь. Потом свалился с груди на постель. Потом свалился с постели на пол. Папа прилёг рядом с ним на пол. Вася с трудом взобрался опять папе на грудь. Папа обнял его... в последний раз Вася вскрикнул, обращаясь к нам, и замер...

– Умер, – заплакали мы с папой. – Вася наш умер...

Васю хоронили мы как человека, на третий день. Надели на него белый саван. Выкопали могилку в правом

верхнем углу усадьбы, за майскими цветущими вишнями. Перекрестили его, сказали:

– Земля тебе пухом, Васенька.

Долго стояли перед могилкой и вспоминали. А вспоминать было о чём. Вот что папа рассказывал. «Ещё бы. Вася ведь человек. И как он сядет, бывало, на стул между нами, сидит и смотрит телевизор и слушает музыку. Займёт, бывало, на комодке место такое: все три комнаты просматриваются: и зальчик, и передняя комната, и мой кабинет. А осенью, где-нибудь в октябре, когда мы начинаем топить печку, раздвинет Вася лапами щель в двери и с разбегу из двери прямо на шею ко мне. Сидит и мурлычет, и греет, и сам греется. А я пишу, напрягаюсь. Хоть ту же историческую драму в стихах про Зевса. Так я Васю вставил в историческую драму, Зевсу посадил на колени... не для смеха, а так, для истории»...

– Папа, – говорю я, – это Вася тебе помогал. Он всегда помогал нам.

– Огородник Вася, – вспоминаю я. – Копаем огород, а Вася, как всегда, рядом, на спине по грядке катается.

Но что самое замечательное, что всегда было в Васе, так это его храбрость, – заявил я. – Да, папа, смелый был Вася, ничего не боялся.

– Можно сказать, патриот, – поддержал меня папа.

– А что разве у котов патриотизм бывает? – выразил я сомнение.

– У других котов, может, и не бывает, – сказал мой папа решительно. – А у нашего Васи он был. Помнишь, как он сражался с теми, кто перелезал к нам сюда на усадьбу и сцеплялся с ним в драке. Однажды с чужим огромным чёрным котом сразился, раза в два кот был крупнее его, а Вася его буквально в землю вогнал...

– Зубы в сражениях потерял, да, папа? И добрый был наш Вася, да, папа?

Игорь Золотарёв

– Конечно, – кивнул головой утвердительно папа. – Молока ёжику оставлял. Был друг у него такой – ёжик Лёня.

– Оказалось, ежиха это, – улыбнулся я. – Помнишь, привела ежиха к банке с молоком своих детей – трёх ежат? А мы-то думали, что она ёжик Лёня...

– Ты, папа, когда-то стихи про Васю написал. Не забыл? Прочитай.

– Написал... Сбегай за книжкой, кажется, в сборнике поэзии «Духов день».

– Да, в этой книге, – говорю.

И сидим, читаем с папой стихи про кота Васю.

Европеец! Любимец наш кот.

Посмотрите, как важно идёт.

Как хвостом сам с собою играет.

На плече посидит, в телевизор глядит,

На столе у меня засыпает.

Настоящий хозяин в квартире, самый он независимый в мире.

И вот уже скоро с год, как Васи не стало. С нетерпением мы с папой ждём, когда весной отправимся на свою малую родину в Малоархангельск. Лежит наш Вася в правом верхнем углу усадьбы под вишнями. В мае они над ним расцветают, горят, как будто о Васе нам говорят.

«ПЕСНЬ О СОБАКЕ» ЕСЕНИНА

Пришли мы с папой к месту, где Ока-река начинается. Это близко тут, за станцией Малоархангельск. Постояли, сняв шапку, подержали стаканчик, в который течёт из трубочки неширокая струйка. А папа и говорит:

Ласточкин дом

- Прямо музыка какая-то в душе возникает.
– Какая? – спрашиваю я его. – Про кого музыка?
– Про Сергея Есенина, – отвечает папа. – Есенин всегда с интересом смотрел на верхнюю Оку со своей Оки широкой у себя в Константиново. Он, скорее всего, тут бывал.
– Ты так думаешь?
– Да, конечно, – говорит мне папа. – Его жена Зинаида Райх жила в Орле, а Орёл – на Оке... Конечно, Есенин был и тут, где Очки. Я так чувствую, музыка звучит во мне на его «Песнь о собаке»... Я пел эту песнь четыре раза в жизни...
– Папа, папочка, – прошу я его. – Умоляю тебя, спой ещё хоть разок. Ну, спой, спой! Слова, что ль, позабыл?
– Нет, слова Есенина помню твёрдо, – говорит мне отец. – Слова всегда звучат у меня где-то внутри, когда мне трудно, так трудно, что нечем дышать.
– Почитай, папочка, – сказал я ему тихо-тихо. – Почитай, ну, пожалуйста.
– Слушай, сынок, – ответил мне папа также тихо, вплетая голос в шум струйки в стакан. – **«Песнь о собаке».**

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.*

*До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком.
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.*

*А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.*

Царь Золотарёв

*По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго-долго дрожала
Воды незамёршей гладь.*

*А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.*

*В синюю высь звонко
Глядела она, скуля.
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.*

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег...
Золотыми звёздами в снег...*

– Именно эти две строчки, – сказал папа сквозь слёзы, – поразили меня, заставили взяться за перо. В четвёртом классе я стал писать стихи. Есенин позвал меня в поэзию, Сергей Есенин... Чувствуешь, как имя его звучит – поэтично, красиво? Сама поэзия в его имени.

– Чувствую, – говорю и я ему в тон, не дыша. – А всё стихи о собаке? А полностью если? Когда-нибудь споешь мне эту «Песнь о собаке»? Ведь это же песнь! Пе-е-еснь, а не просто стихи...

– Когда-нибудь, – глубоко вздохнул мой папа, думая, видно, о прожитом и пережитом. – Под настроение. Когда-нибудь, может быть, и спою. Пока ещё жив.

Я даже замер от таких его слов. Как это «пока жив»? Папа же вечный, как и мама, как мать – собака

Есенина, как сам Есенин, как эта Ока, как солнце, трава и слова...

– Четыре раза ты, папа, пел эту «Песнь о собаке» Есенина, расскажи мне о каждом, – просил я отца. – Все четыре с первого по четвёртый...

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.
Золотыми звёздами в снег.*

– Запомнил, да? – усмехнулся отец. – На всю жизнь?

– На всю! – вспыхнул я перед ним.

– Ну, вот, – сказал папа. – Ещё одного человека забрал к себе в «рекруты» Сергей Есенин.

*По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой толпой.*

– Так что было в первый-то, в первый раз было что? – как банный лист, приставал я к отцу.

– Приезжал в Орёл из Рязани поэт Анатолий Сенин, – начал отец раздумчиво. – Как звучит! А. Сенин, почти что Есенин... Потом я поехал туда в обмен, по Бюро пропаганды художественной литературы... Послали меня в Милославский район. Втроём. Я, поэтесса одна Люба Ваганова и студент литинститута. Выступали мы хорошо... Попали в какой то совхоз на Дону. Под конец собрали застолье с видом на Дон... И что-то меня как прорвало: Шолохов, «Тихий Дон», четыре тома, какие я читал ещё в детстве...

Встал я и перед всеми, в том числе и как бы перед Шолоховым, зашептал, запел слова Есенина:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд.

Царь Золотарёв

А потом меня закидали деньгами, я разделил их на всех троих. И прислали из Рязани народную артистку России – когда-то была ученицей Лидии Руслановой... Зачем прислали – не знаю... Это было тогда у меня в первый раз...

Прошло какое-то время. Подошёл я к отцу, опять подкатился:

– Расскажи, как и что во второй раз было.

– А во второй раз, – покачал головой отец. – Это было вскорости... Приехал я из района в Рязань и говорю:

– Что это такое? В Константиново, в Спас-Клепиках есенинских так и не побывал. А ведь всю жизнь мечтаю об этом.

И сам поехал в есенинское Константиново. Приехал, а тут как раз ураган случился. Аж в Иваново женщину по воздуху перебросило... Сидим мы с директором есенинского музея Владимиром Исаевичем Астаховым обессиленные после таких-то страстей. Крышу с дома Кашиной снесло, деревья переломало...

– Чего приехал? – спрашивает меня Владимир Исаич.

– А вот, – сказал я ему и во второй раз, помню, запел эту «Песнь о собаке» Есенина. Расчувствовались. Владимир Исаич подарил мне кипу фотографий, исторические снимки с есенинских мест. Подписал на одной: «Лёне Золотарёву – замечательному наследнику лучших есенинских традиций».

– А через какое – то время меня послали в столичный район – в Спас-Клепики. Принимали в Мещёре, где обычно встречали лишь космонавтов. Читал в лесном ресторане стихи и пел в третий раз эту «Песнь о собаке» Есенина...

И всё. Замолчал на годы. Но вот попал я домой к большому учёному – филологу Галине Борисовне Курляндской на День рождения. Поздравляли её, говорили всяческие слова. Меня спросили: «А что скажете вы?»

Я встал и в четвёртый раз спел эту «Песнь о собаке»...

– И что, папа? – говорю я, заглядывая в глаза ему, поникшему, без каких-либо слов.

– Да так, - отмахнулся отец. – «Больше не пой её! – сказала Галина Борисовна. – Никогда и нигде».

– Да? – задумался я. – А почему?

– Я же на этом не успокоился, – положил папа руку мне на плечо. – Встретился с другом своим, тоже доктором наук, специалистом по Достоевскому, Осмоловским Олегом Николаевичем. Спел ему эту «Песнь о собаке» Сергея Есенина. Осмоловский взглянул на меня, улыбаясь, сказал:

– Пой всегда и везде. Пой! Всегда и везде!

Вот и вся история про собаку. Кончена эта история.

– Нет! – решительно сказал я отцу. – История про «Песнь о собаке» Есенина не закончена. Она не закончится никогда, пока живы мы, люди, пока жива в нас душа.

«ГДЕ ДЕТИ? СИДЯТ В ИНТЕРНЕТЕ»

Смотрю в другое окно, какое выходит на двор. А он у нас большой, красивый, квадратный, весь в старых яблонях и новых всяческих спортивных и игровых сооружениях для детей. А их во дворе, «цветов жизни», всегда великое множество. С мамами и бабушками. Только мамы и бабушки сами по себе, а дети сами по себе. Мамы с бабушками коротают времечко, сидя на скамейках под яблонями, а дети – кто в песочке играет, кто на шведской лесенке, а кто висит на турнике.

Своих детей обычно у нас полный двор, а ещё и из других дворов являются. Из большого кирпичного дома напротив, через дорогу, у которого почти нет двора. Та-

Игорь Золотарёв

кой маленький, узенький да ещё и заставленный автомобилями.

А сегодня во дворе у нас почти никого. Что такое? Ай пошли дети вместе с мамами по магазинам – тратить свой материнский капитал?

– Да ты посмотри, посмотри на него, на Мишу-то, внука моего, – говорит тётя Рая – мамина двоюродная сестрица, пришла к нам сегодня в гости. – Глянь, где Миша сидит: за компьютером, оседлал Интернет, молодец!

– Поломает Миша Игорев компьютер, на чём Игорь будет работать? – забеспокоилась мама.

– Не поломает, – улыбается тётя Рая. – Он на чужих компьютерах уже научился. Сам входит, выходит в Интернет...

– Чего это и Миша твой, и дети, что во дворе, как прилипли к компьютеру? – посматривает наша мама на кухне больше не туда, где чайник поставлен на газовую плиту, а на комнату, где Миша сидит за моим компьютером.

– Детская передача сегодня, – объясняет нашей маме тётя Рая. – Мультфильмы про Простоквашино. Про кота Матроскина.

– Игорь! – кричит мама мне в папину комнату, где я сижу и перелистываю «Тихий Дон» Шолохова. Готовлюсь к «Игре в бисер» в 21-15. – Погляди за Мишей. Нельзя Мишу оставлять без присмотра, – объясняет мама двоюродной своей. – А то он там чего-нибудь нам наворочает.

– Не наворочаю! – кричит Миша сразу на все три комнаты. – Не наворочаю, бабушка Люся...

Сидим и пьём чай на кухне. Из новых красивых чашек, которые подарила тётя Рая каждому из нас троих к Дню рождения. Папа пьёт кофе со своим несладким печеньем, я – с любимыми то яблочным, то сливовым вареньем, а мама с тётей Раей – с маминым мёдом, который вручила

ей летом в Малоархангельске Валентина Ивановна Колабенкова, подруга нашей семьи.

Сидят и беседуют сёстры, прихлёбывают из чашек.

– Так что детей как ветром сдуло со двора, – говорит мама, – оттого что мультики показывают про Простоквашино?

– Да нет, не совсем так... Вообще, где сейчас дети? А в Интернете. Это лучше, чем на улице, хулиганить, бог знает что вытворять.

– Глаза портить, – говорит наша мама. – Вон Игорь уже в очках, а Миша твой пока нет.

– Может, и не будет в очках-то. Не обязательно. По всяческим «Оптикам» шастать. Зато ума набирается в Интернете. Столько знаний иной раз выносит оттуда. Никакая школа тому не научит... С детства этому делу надо учиться... Ты ещё ничего, что-то соображаешь в компьютере-то, – говорит тётя Рая нашей маме. – А я ни бум – бум... а учиться мне уже поздно...

– А кто же у вас ещё, кроме Миши, соображает?

– Да Надя, мама Мишина... Надя сейчас в Москве...

«Дай, думаю, и я тут им, сёстрам этим, вверну что-нибудь прежде чем смотаться туда, в свою комнату, к Мише. А то и в самом деле наворочает такое, что придётся вызывать кого-нибудь из компьютерной «скорой помощи»».

– Тётя Рая, зато вы в торговле соображаете, – доскребаю я ложечкой стеклянную банку со своим сливовым вареньем. – Институт торговли закончили, ездили с дядей Сашей, мужем своим, по всем городам. Например, в Воронеже были, Ярославле, Минске.

– А где дети? Глядишь, опять сидят в Интернете, – не обращает на меня внимания тётя Рая. Ей не нравится, что я напомнил ей про города. Ну, и что ж, что не нравится, а я с удовольствием поездил бы по городам...

Царь Золотарёв

Смотрю я из окна в свой двор – большой, уютный, красивый. Опять в нём народ собирается. Мамы и бабушки на скамейках под яблонями, а дети отдельно – в песочке играют, на шведской лестнице или на турнике. Не забывают, оказывается, что физическое здоровье не менее важно, чем духовное. Так и живём с широким видом во двор со своего четвёртого этажа.

Прощаясь, мама дарит тёте Рае пакет с чесноком.

– Всё равно особо никуда не ходить, Новый год ведь семейный праздник. В узком кругу.

– Надя приедет из Москвы, – говорит тётя Рая. – А может быть, и Валера, старший внук с невестой.

Как только гости ушли, я сразу же к компьютеру своему. Слава богу, ничего Мишка не наворочал ... Так где дети? Сидят в Интернете. А после во дворе играют в песочке или висят на турнике. С компьютером ты человек, без компьютера в современном мире никто.

СМОТРЮ В ОКНО НА МАШИНЫ

Смотрю я в окно на машины. Они через дорогу на нашей улице 8 Марта. Жмутся к большому кирпичному дому. Его построили не так давно, до сих пор ещё заселяют, а машин возле него уже тьма-тьмущая. Утром они куда-то деваются, а к вечеру и едут, и едут. То ли их само название улицы привлекает, то ли дом кирпичный, то ли ещё что-то. «Хоть бы иномарки эти куда-нибудь делись, – думаю я. – Говорят, что Москве уже нечем дышать. Льды в Антарктике тают, всю Европу скоро затопит. В ООН остро стоит вопрос об экологии...»

Смотрю я в окно, через дорогу, и вижу иномарок всё больше и больше. Поставлены на охрану: мигают, вопят. «Загнать бы всех на дно Оки, с глаз долой»...

Думаю я так, глядя в окно, и вдруг перед нашим подъездом останавливается огромная японская машина, и из неё вываливаются наши московские родственники. Трое детей с их родителями. Вот это да! В квартире сразу становится шумно, весело. Мои родители спрашивают у родственников, как они доехали. Те отвечают с гордостью, что машина у них – зверь, вмещает восемь человек, так что завтра вместе с ними мы едем к нам на дачу: у машины и вместимость, и проходимость, и комфортность, великолепные. Что бы мы делали без такой иномарки, ведь мы всё лето с детьми за городом, в нашем деревенском доме. Это в тридцати километрах от Москвы. Мы и зимой все выходные там проводим. Там всё оборудовано: есть бассейн, пруд, где летом мы ловим рыбу, есть лужайка для тенниса, небольшой стадион, а зимой у нас лыжи и санки. Так что без машины мы никуда.

– А московские пробки? – спрашиваю я.

– Пробки – проблема, – отвечает глава семейства Андрей. – Но приспособляемся, а то и стоим. Сегодня мы выехали в шесть утра, никаких пробок. Будем уезжать тоже ранним утром. Дорога будет спокойней.

Лада, жена Андрея, включается в разговор.

– Летом мы в нашей деревне организуем детский лагерь. Возьмём ещё десяток ребятшек, в такой компании и проведём летние каникулы.

– Это здорово!- говорю я.- Я к вам тоже хочу.

– Добро пожаловать, будем рады! – кричат родители и дети хором.

Так мы и решили, что я поеду к ним на недельку, а они потом привезут меня сюда, на нашу дачу, и погостят у нас все впятером. Оказывается, очень здорово, что у них есть восьмиместная иномарка.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК

Какой в году самый большой и самый важный семейный праздник? Новый год или мой День рождения? Многие скажут: Новый год, конечно! Но это так у людей. И у нас тоже, но самый, самый главный у нас – мой День рождения! Тоже в январе, но спустя три недели – 23 января. В этот день к нам приходит больше всего народу – в основном родственники и друзья. Вот они на фото, помещённом в фотоокне. Справа налево: это я, затем Вадим – мой двоюродный брат, его мать – тётя Валя, затем тётя Рая, а между ними этот дьяволёнок Миша – тёти Раи внучонок, и уже крайние слева мои папа с мамой: Людмила Серафимовна с Леонардом Михайловичем.

А Павла Абрамова, друга моего, нет на фото. Он как раз тогда фотографировал. Мы с Пашей ходим на День рождения один к другому каждый год. У него он немного раньше – осенью, в октябре, а у меня сейчас. Папа с утра ставит в большой комнате большой стол, собирает его по частям, а мама кладёт постепенно на стол лучшее, что есть у неё в холодильнике, и все мы потом пируем: под тосты за именинника, за родителей, за всякими семейными разговорами о житье – бытье, о даче, урожаях, здоровье.

Но вернёмся к Новому году. Он в стране начинается рано. В Орле у нас с ёлки в горсаду – Парке культуры. У каштанов, возле фонтана, который работает по субботам и воскресеньям целое лето, до глубокой осени, почти до зимы. А в этом году не поймёшь, когда зима? Снежок чуть выпал – растаял, и всё равно плюсовая температура держится, доходит до 10 градусов по Цельсию. За окном у нас градусник точно показывает. Слякоть прямо – таки надоела. Туфли мыть себе и папе, мама себе моет сама. А дни

настолько короткие, что не успеваешь позавтракать, что-то сделать, как уже темно, хоть включай электричество.

По Центральному телевидению показывают Москву новогоднюю: такая красавица, так иллюминирована, такие ёлочные базары, а мы дома ёлку ставим перед самым Новым годом – 30-го или даже с утра 31-го декабря. Такая традиция. Ёлка у нас искусственная – серебристая, подаренная маминой сестрой из тульской Узловой, но красивая ёлочка. И шары к ней просто замечательные, подарены одним художником-прикладником, который делал ёлочные игрушки и специально сделал шесть великолепных шаров для моего папы, папа работал тогда в каком-то агентстве по авторским правам.

Когда же я маленьким был, ещё в школе учился, так папа ставил мне дома ёлку самую лучшую в городе. Работал он в «Орловском комсомольце», был председателем Месткома в профсоюзе. Как Дед Мороз дарил детям коллег подарки и ездил за ёлками в брянский заснеженный лес. Себе в лесу для меня выбирал, конечно, самую лучшую...

– Да, папа? – говорю я отцу каждый раз, когда мы ставим серебристую ёлочку у себя дома 30-го или даже 31-го декабря. И это традиция.

Традиция и то, что каждый раз папа рассказывает, как он в брянском лесу лазил за ёлочкой по пояс в снегу, выбирая самую лучшую.

– Представляешь? Самую лучшую! – говорит с восхищением папа.

– И не жалко тебе? – навешиваю я на ёлочку шар малиновый – ручной, художественной работы.

Тут как-то никнет мой папа:

– А если б не жалко было, до сих пор бы ездил в Карачевский район, в Желтоводье, к Мише Нехаеву.

– Запомнил, – говорю я папе. – За столько лет имя лесника не забыл.

Игорь Золотарёв

– А то! – смеётся папа. – Такая поездочка была! Такие люди в Голливуде! Снега были не то, что сейчас, – выше пояса, по плечи... утонешь в сугробе...

– Зато сейчас, – вздыхаю я, – одна чернота. За окном гляди, ни единой снежинки.

– «Дежа вю» – уже было так, – говорит папа. – В 1976 году, когда я ездил в Алтай, к сестре своей Лиде. Не знал, во что и одеться. Вот так же тепло было, такая была температура. Напялил всё же зимнее пальто на себя. А переехали поездом за Урал, так всё белым-бело, ослеп от солнца.

– Мороз и солнце, день чудесный, – тут же вспомнились мне стихи Пушкина.

– С автобуса к сестре домой, бррр, бегом бежал, – передёргивает плечами папа. – Мороз был градусов 35. Это после-то 10 тепла...

– И сейчас, – говорю я папе, – повторяется. Хоть бы к Новому году слегка подморозило.

– Синоптики обещают.

– Обещанного три года ждут.

Новый год проходил по традиции. Серебристая ёлка, шары. Венский симфонический оркестр. Затем Рождество. Старый Новый год. Крещение. Наконец-то и мой День рожденья. Не сказать, что так уж очень я трепещу перед ним, а всё-таки. Жду его с нетерпением. Когда папа начнёт с утра ставить стол в большой комнате, мама готовить еду для угощения, а я таскаю на стол посуду, ложки, вилки, расставляю – раскладываю всё по местам. А папа мне пишет стихи...

– Опять тебя на стихи потянуло, – ворчит мама на кухне. – Прозу пиши, прозу... Расскажи что-нибудь прозой...

– На то у нас Игорь, – подаёт голос папа из своей комнаты. – Он у нас специалист по детским рассказам.

– Не по детским рассказам, – поправляет его мама. – А по рассказам для детей.

Асташкин дом

– Рассказы про чудеса, – продолжает папа.

– Не про чудеса, – поправляет его мама. – А просто рассказы.

– Ну, ты у нас всё знаешь, – обижается папа. – Больше нас с Игорем. Ты у нас главный специалист по литературе, – и закрывает за собой дверь.

– Да, мамочка, – заступаюсь я за своего папу, – мы же с папой не лезем к тебе на кухню.

– Ещё бы! – показывает мама половник. – Половник – оружие пролетариата.

– Это папа у нас пролетариат, – говорю я, – он у нас ничего не имеет. Все деньги тебе отдаёт. А у самого, как он образно выражается, ветер в кармане гуляет.

– Так уж и гуляет? – смеётся мама. – Нате вам, ребята, по тыще рублей. На проезд по городу и на воду.

– У меня есть, – идёт папа помогать маме на кухне. – Отдай мою тыщу Игорю. Он у нас катается на троллейбусах и за водой ходит...

Так и длится дома у нас вся эта канитель до самого вечера, пока, наконец, не начинает сходитьсь народ. И первым, появляется дружок мой Паша Абрамов, и, конечно, последним уйдёт. Когда к нему прихожу на День рождения, то последним я к нему прихожу и ухожу от него первым. Почему?

Но мне, откровенно говоря, это нравится. Что Павел ко мне первым приходит. Значит, внимание ко мне где-то внутри у него сидит, значит, друг Паша мне настоящий. Сто лет как мы с ним знакомы, ещё со школьной скамейки. Он единственный, кто ездил ко мне на дачу в посёлок Синяевский, а я к нему в Киев, когда он ещё только учился в училище бронетанковых войск. А за Пашей вот-вот потянутся и другие. Сестра его Наталья придёт из своей детской больницы, соседи Гордеевы, может, кто-то придет из Малоархангельска...

Игорь Золотарёв

И мой День рождения – самый большой, самый интересный, самый важный праздник в нашей семье начнётся.

Мороз и солнце, день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный.
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись.

А.С. Пушкин

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КАРУСЕЛЬ

ВРЕМЕНА ГОДА

Живу я в Орле, на Монастырке. Это совсем близко от горсада, в каких-нибудь трёхстах шагах от Колеса Обозрения, в начале горсадовых клёнов и лип. Это неподалёку от центра города, от его Центральной площади. Через горсад хожу я и в областную библиотеку имени Бунина, и в драматический театр имени Тургенева, и в картинную галерею, а также и на почтамт. Прохожу мимо Колеса Обозрения и поневоле заглядываюсь: какое оно круглое, так высоко вознеслось. Вот бы подняться на нём на самую высоту! Всё бы оттуда увидел, всё бы услышал. Я хоть и родился в Орле, это мой родной город, а всего, что могу увидеть и услышать с такой высоты, внизу, не увидишь и не услышишь с обычной стороны.

Колесо Обозрения называют ещё и «чёртовым» колесом. Чтобы возразить таким людям, взял я однажды и сел в люльку этого аттракциона. Неси меня вверх, карусель! Крутись вокруг земли и неба, Колесо Обозрения, это «чёртово» колесо! Рассказывай, шепчи мне на ухо под ветрами и солнцем бывальщины и небывальщины, всякие фантастические истории.

**В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ – НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ.
ВЕСНА КРАСНОЩЁКАЯ**

ГОРОД КАК НА ЛАДОШКЕ

К 450-летию Орла

Однажды мне захотелось прогуляться по Парку культуры. Была весна, распустились листья на деревьях, зацвели яблони и груши, в парке после зимы стали работать аттракционы. В том числе и закрутилось Колесо Обозрения. Вспомнил я своё детство, когда приезжали сюда к нам французы из Грасса. Жак Пайар, увидев колесо, принял его за Эйфелеву башню и поднялся на нём на самую верхотуру, чтобы посмотреть на город. И мне захотелось на этом колесе прокатиться. Взобрался я на него и что вижу с него? Весь Орёл. Представляете? Столько всего интересного! И всё это передо мной, рядом со мной, так близко ко мне, как на ладошке. И всё это передо мной, рядом с парком я увидел Оку – реку, по которой плывут пароходики, и на них много народу: и взрослые и дети. Одни пароходики приплывают сюда, к горсаду и причаливают к причалу, а другие отплывают, увозя с собой пассажиров. Одни пассажиры сходят на пристань, а другие поднимаются по трапу на борт и отправляются в путешествие по реке.

После этого я увидел железнодорожный вокзал – въездные ворота города. На Привокзальной площади, рядом с Дворцом железнодорожников, сидела на клумбе большая, рыжая, очень похожая на живую, птица – Орёл, символ нашего города. И было с высоты хорошо видно, как люди там копошатся: поднимаются по лестнице, бегут на перрон и там ожидают свои поезда. Или же

заходят в само здание вокзала, ожидают в зале ожидания, потом выходят из него на перрон и идут к прибывающим поездам. А потом люди садятся на свои поезда или электрички, двери закрываются автоматически, и все уезжают в разные стороны, в нужном направлении. Вокзал пустеет, затем снова наполняется пассажирами и поездами. Словом, вокзал как живой, весь кипит от народа и тоже виден с Колеса Обозрения.

Повёл я взглядом по городу, раскрылась мне панорама памятников, поставленных писателям то тут, то там – по всему Орлу литературному. Недаром зовут его «третьей литературной столицей». В другом конце парка, совсем близко, я увидел памятник Тургеневу, присевшему на тёмно-голубой камень и смотрящему зорко в грядущее. Чуть дальше на берегу – памятник Бунину. А за рекой, за Александровским мостом, виден мощный такой, оригинальный памятник Лескову. Он сидит в окружении своих персонажей: Левши, тупейного художника и других. А на Дворянском гнезде у белой Ротонды сквозь ветви видится бюст Тургенева. Тут обычно проводятся праздники в честь его Дня рождения, у бюста нашего великого земляка. Возле Дома литераторов, что на берегу Орлика, выглядывает из-за дерева памятник Фету, чьи стихи мы все знаем и любим.

При виде такой панорамы, меня взяла гордость за наш город, за то, что в нём столько хорошего, полезного и нужного людям. Как не гордиться обликом такого красивого, любимого, моего родного города, известного на всю страну! Такие в душе глубины, такие тайны открылись, всё во мне как перевернулось, прямо-таки фантастика. Ни за что на свете не пришло бы мне всё это в голову, если бы не взобрался я на такую верхотуру и не глянул бы вокруг себя с высоты Колеса Обозрения.

**ГЛЯДЯ В СЕБЯ,
СЛОВНО В ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ**

Понравилось мне ходить к Колесу Обозрения. И опять пошёл я однажды к нему, поднялся на это «чёртово» колесо и что увидел? Не город с вокзалом, не литпамятники по городу, не пароходы, а совсем, совсем другое. Заглянул я вовнутрь себя и увидел свой внутренний мир. Всё, что увидел в самом себе, что услышал и что прочитал. А увидел я себя на корабле «Испаньола» с пиратами, с боцманом Джоном Сильвером, плывущими к Острову Сокровищ. Он такой же одноногий, как у нас на Октябрьской улице возле бара, созданный из железа.

Вот таким я и представил себе его с трубкой во рту, с костылём, одноногого, с деревянной ногой. Я стоял у штурвала, а одноногий подсказывал мне курс, а на плече его попугай кричал: «Поворачивай, браток, на другой галс!.. Пиастры! Пиастры! Пиастры!..»

В другой раз на Колесе Обозрения я увидел другую картину. Где-то там, на юге Орловщины, наш белый кот Вася – почти альбинос, с тёмно-серым пятном на спине. Кот Вася пока ещё с нами дома тут в Орле, а кажется, там дома, в Малоархангельске. Вася наш гуляет, как хозяин, по саду и там же в саду живёт друг его ёжик Лёня. Вырыл нору среди розовых ковылей, что окружают яблоню, и живёт себе, поживает в ковылях. Ёжик Лёня приходит к коту сюда к дому попить молочка. Наш кот Вася делится с ним, оставляет еду ему в своей миске. Вместе с Васей ловят они мышей, освобождают усадьбу от грызунов. Всё это наш животный мир.

А растительный мир тоже есть. Это и старый сад, и молодой, особенно саженцы, которые мы посадили прошлой осенью вверху усадьбы, где у нас растут вишни. И я думаю не только о Васе и ёжике Лёне, но ещё и о саженцах.

Беспокойство одолевает меня не только о животном, но и растительном мире. Весь декабрь было тепло, шли даже дожди, не было снега. Потом наступили морозы. Снег-то выпал, но совсем мало, недостаточна белая шуба для саженцев. Это меня и беспокоит: «Не замёрзли ль саженцы? Не погибли ль?» Деревья, как люди, тоже живая природа, но только незащищённые. Нечем их защитить от больших морозов, если нет снега. Жалко мне их: и яблони, и грушу «Русскую красавицу», которую посадили мы специально для мамы, и кусты чёрной смородины, крыжовника – северного винограда. Они такие же организмы, как и мы сами. Потепление климата заставляет задуматься о жизни и о земле не только меня, но и многих, многих других.

Колесо Обозрения кружится. Кружится – вертится шар голубой, кружится – вертится над головой. Завтра же едем с котом Васей на дачу к себе в Малоархангельск, к нашему лучшему другу – ёжику Лёне, к яблоням и чёрной, красной, белой смородине, к розовым ковылям.

ДЕДУШКИН АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ БИНОКЛЬ

Дома у нас лежит артиллерийский бинокль. Это папин бинокль, ещё его дедушки. Мама предпочитает бинокль театральный, она любит ходить по театрам. В бинокль лучше рассматривать на спектаклях лица артистов. Например, в «Ревизоре» Гоголя. А вот папа, хоть и не военный, а любит смотреть в дедушкин артиллерийский бинокль и видит в него далеко – далеко. И глубоко. Например, про «бессмертный полк». В том году мы с папой в Год Победы, как всегда, в Малоархангельске, ходили в

Игорь Золотарёв

Парк Героев, к Вечному огню. На этот раз папа снял висящий в доме над зеркалом дедушкин портрет. Повесил на него гвардейскую ленточку и сказал мне:

– Будем с тобой, Игорь, тут в Малоархангельске, «бессмертным полком» – втроём, вместе с дедушкой. А в следующем году и другие придут сюда с фотографиями.

Так мы и сделали. После папа написал такие стихи.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк шагает по России.

Возник, живой, как эхо поколений.

Три сына: Гавриил, Максим, Василий

Легли на главном, на московском направлении.

Три сына дедушки ушли и не вернулись.

Несу над ними дедушкин портрет.

У Вечного огня дай постою, поэт.

Мы выстояли, брат мой, не согнулись.

Бессмертный полк шагает по России,

По городам, по памяти земли.

Три сына деда: Гавриил, Максим, Василий,

Три моих дяди первыми легли.

И помню я, что сказал папа тогда, у Вечного огня. После батюшки отца Василия из малоархангельского храма Михаила Архангела, отпевавшего павших героев.

– Дядя мой – дядя Гаврюша вернулся с войны с белофиннами раненым. И только поджили раны, как тут же новая война – 22 июня 1941 года.

Дан приказ: ему – на Запад,

Ей – в другую сторону.

Уходили комсомольцы на германскую войну.

На другой же день после начала войны, не дожидаясь повестки, дядя Гаврюша ушёл на фронт. Уходил он отсюда, из Малоархангельска. Видите налево здание, напротив редакции «Звезды», отсюда из ворот райвоенкомата мы всей семьёй проводили его на войну, откуда он не вернулся...

Вот чем закончил папа свои стихи о бессмертном полку.

*Смотрю в огонь, колышутся в нём лица.
Остановлюсь, прищурюсь на момент,
И вижу я, в полк строится столица,
И впереди с народом Президент.*

*Бессмертный полк шагает по России.
И в том полку живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
И дедушка мой с ними, как святой.
Бессмертный полк шагает по планете,
А в том полку и взрослые и дети.*

Вот что сказал нам с папой дедушкин артиллерийский бинокль. Вот что было когда-то с Россией, а в ней почти с каждой семьёй.

СМОТРЮ В БИНОКЛЬ СКВОЗЬ СТЕНЫ ДОМОВ, ЧЕРЕЗ ГОДЫ ИСТОРИИ

Собираюсь я в библиотеку имени Бунина, а тут Паша, мой дружок, подъявился. Учимся мы с ним в одной школе. Увязался Паша за мной, и я, говорит, что-нибудь почитаю.

Идти в библиотеку через горсад, как всегда, проходить надо мимо Колеса Обозрения. И, как всегда, тянет меня на это «чёртово» колесо. Паша тоже туда же за мной.

Игорь Золотарёв

Смотрю с высоты я на город и что вижу сегодня? Люди какие-то маленькие, как комары, бегают, суетятся, садятся в свои автобусики и маршрутки, выходят на всяческих остановках. И остановки, и дома какие-то не такие, как на земле. Гораздо меньшие по размерам и своим внутренним качествам. Взгляд мой проникает сквозь стены, а стены мой взгляд сквозь себя пропускают. И что я вижу сквозь эти стены? Что делают люди в своих квартирах? Дети готовят уроки, глобусы вокруг себя крутят. Папы пришли с работы и обедают на кухне, а мамы стирают и гладят. В одном месте пир горой: День рождения отмечают... Спрашиваю про всё это Пашу, что он видит? А Паша мне в лоб, как всегда, без обиняков:

– Ты прямо, как Том Сойер. Больно выдумщик, фантазёр. Ну, как я могу видеть сквозь стены? Это ты у нас фантазёр. Всё тебе что-то мерещится... Вон на соседнем дереве на самой макушке гнездо, а в нём лежат яйца вкрутую, видишь?

– Орлиные яйца, – говорю я Паше. – Орёл у нас большой, рыжий, что на площади у вокзала, должно быть, сюда прилетает... А ты как Гекльберри Финн, – замечаю я дружку своему. – Такой прагматичный. Яйца тебе вкрутую мерещатся.

– Сорочьи яйца, – отвечает мне Паша. – Видишь, сорочка рядом. А если бы яйца были орлиные, то были бы огромные, не влезли бы в это гнездо.

– Да нет, Паша, орлиные это яйца. Вон сидит Орёл на Привокзальной площади, напротив Дворца железнодорожников. Наблюдает за нами...

В общем, не стал я спорить с Пашей, – с этим Гекльберри Финном. Такой человек. Всё ему видится что почём да как, да почему?..

Отвернулся я от дружка своего и смотрю в другую сторону – куда подальше, в историческую перспективу. И видятся мне с Колеса Обозрения знаменательные

исторические события: и битва под Малоархангельском на Орловско-Курской дуге в 43-м году, и битва под Болховом, у Кривцовского мемориала, и под самым Орлом, когда немцы, боясь попасть в окружение, уходили отсюда, оставляя разрушенный город. Всё это я увидел через папин артиллерийский бинокль. Паша, конечно, не мог этого видеть.

Побывав на Колесе Обозрения, мы с Пашей спустились на землю и зашагали в библиотеку. Вот она – эта «Бунинка», через дорогу напротив Парка культуры. Такая большая, красивая, с колоннами. Прямо-таки дворец! По типу Дворца железнодорожников и Дворца пионеров. В три этажа, с большими залами, с многочисленными лестницами и перилами, кабинетами. Раньше на месте библиотеки был храм церковный, теперь храм культуры. Мы вошли в этот храм и замерли: книги-то в библиотеке одни, но каждый видит в каждой книге своё и потому разное.

И ТУТ РЯДОМ, НА ЭСТРАДЕ ГОРСАДА, ЗАИГРАЛ ВОЛШЕБНЫЙ РОЖОК, ПОТОМ ВЕСЬ ДУХОВОЙ ОРКЕСТР – МАРШ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

В другой раз мы с мамой отправились в облдрамтеатр на пьесу Арчибальда Кронина «Юпитер смеётся». Как всегда, идти через горсад, то есть через Парк культуры. И, как всегда, проходить мимо Колеса Обозрения. «Дай, думаю, маленько прокачусь на этом «чёртовом» колесе». Мама пошла дальше, в театр. А я задержался. Сижу и гляжу отсюда на север – на мценскую сторону.

Там, за рекой Зушей, где-то село Алябьево, там обычно поют самые голосистые в наших краях – алябьевские

Игорь Золотарёв

соловьи. Весна ведь уже краснощёкая, уже прошёл День космонавтики, яблони вот-вот зацветут, запоют соловьи. И вдруг где-то совсем близко заиграл волшебный рожок. Потом грянул весь духовой оркестр. Я замер: как хорошо-то, как здорово! Даже колесо перестало скрипеть, остановилось, тоже, видать, заслушалось. На соседнем дереве даже сорока перестала стрекотать.

В рупор на весь горсад, мужским голосом прозвучало, что это марш «Прощание славянки». Оказывается, марш этот был написан давно, ещё в Первую мировую войну, в 1915 году, капельмейстером Моркшанского полка Агапкиным, когда полк был расквартирован в Тамбовской области. И когда началась Вторая мировая война, в 1941 году под этот марш с Белорусского вокзала в Москве, провожали воинские эшелоны на фронт. Вся страна отправлялась сражаться с врагом.

И по сей день марш «Прощание славянки» играют в Орле на вокзале, когда провожают орловский поезд в Москву. И, вообще, марш Агапкина звучит везде и всюду, когда совершается какое-нибудь торжество.

Собирается много народу, затаив дыхание, люди слушают замечательный марш. Слезы текут из глаз бывших фронтовиков, а теперь и их детей, внуков, каждого русского человека. Играют его на эстраде, по радио, везде и всюду звучит этот очень красивый, очень мелодичный, удивительный, по душе каждому марш. Проникает в тебя сквозь расстояние и времена. И в городах Первого салюта Орле и Белгороде, и в городе-герое Туле, и на героической Орловско-Курской дуге – везде и всюду звучит он, этот особо торжественный марш. Гордимся таким композитором. Всего один марш у него, но какой!

Спасибо тебе, Василий Иванович Агапкин – капельмейстер Моркшанского полка! Наш человек, русская наша душа!

**ВИЖУ: КОРОВА ГДЕ-ТО
НА МОНАСТЫРКЕ ЖУЁТ ТРАВУ
НА СТАРОЙ, ЗАМШЕЛОЙ КРЫШЕ**

Живу я в Орле, на Монастырке, на улице 8 Марта, в большом девятиэтажном доме. А через дорогу, как грибы, растут тоже большие дома, тоже девятиэтажники. Но есть на нашей улице и обыкновенные, частные дома с обыкновенными старыми, замшелыми крышами. Ходим мы с котом Васей, гуляем по улице. Как увидит Вася такой дом, как наш в Малоархангельске, так к нему пулей, взлетает на крышу. А я стою и жду Васю. Вася ходит и ходит по крыше, гуляет поверху, по самому конику, его благородие. И кажется мне, что кот Вася зовёт меня туда к себе по-человечески: «Иди-ка ко мне сюда, на высокую крышу». – «Это для тебя крыша высокая, а у меня на это есть Колесо Обозрения. Город видать, а не только твою половину улицы».

А Вася ходит по конику и, как корова, ест травку на старой, замшелой крыше. Это чтобы подпитаться витаминчиками. Так делает, как корова, и наш кот Вася на своей малой родине, в Малоархангельске. Ищет такую травку под яблонями, и лопает. Это чтобы не болеть. Витаминчики – сила жизни, дело хорошее.

Вася у нас в Орле уже десять лет. Бабушка нам его передала – из рук в руки, чтобы там, на усадьбе, один не остался. На усадьбе он гуляет на воздухе, сколько захочется. А это куда меньше возможности заболеть. А тут всё в квартире да в квартире. Выходим мы с ним на улицу в редкую стёжку. Вот Вася и поскучнел, приболел, что ли. Как увидел травку на крыше, так и набросился на неё, стал жевать.

Конечно, всё это так. На своей малой родине, в Малоархангельске, наш кот Вася много чего умеет и знает. Например, помогает на огороде работать, рядом повалится на спину и давай на спине кататься. Это так Вася набирается кальция, через шерсть кальций в него попадает.

Игорь Золотарёв

Каждый день ест травку Василий, каждый день в огороде катается. Всего хватает коту Васе на своей малой родине, не то, что в Орле, в городской квартире. Как весна, так мы с Васей скорее отсюда на дачу – к лекарствам, на свежий воздух, и Вася там враз поправляется. Но в эту весну мы что-то подзадержались, что-то долго не едем в Малоархангельск. Вася уж несколько раз в сумку свою, в свой домик, носом совался. Мол, сажайте меня в него сюда и айда отсюда скорей на малую родину.

Каждый раз мы перебегаем дорогу за домом в зоомагазин. Он так и называется «Кот Вася», приносим Васе отсюда консервы. Но Вася не хочет их есть, всё просится в домик. Выберется, выкарабкается Вася из своей болезни, как только окажется на даче. Я знаю, я просто уверен в этом...

Походил, походил кот Вася по крыше, пожевал своей травки и спрыгнул. Подошёл ко мне, трётся то одним, то другим боком о мою ногу.

– Умный ты у нас, Вася, – говорю я ему. – Ты, Вася, у нас, человек.

Принёс я Васю домой, раскрыл его домик да так и оставил раскрытым. Пусть знает Вася, пусть видит, что скоро ехать на дачу, на малую родину, в Малоархангельск. К ёжику Лёне, к старым и молодым яблоням, к свежей травке, которой там у нас, сколько хочешь.

СЛЫШУ: ОТКУДА-ТО, ВРОДЕ ОТ ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ, ЗВУЧИТ СИМФО- НИЯ, ИСПОЛНЯЕМАЯ НА БАЯНЕ

На другой день сижу я на Колесе Обозрения и слышу: откуда-то, вроде от Института культуры, звучит симфония, исполняемая на баяне. И подумалось мне: «Кто же

это играет симфонию да ещё на баяне?» У нас ведь есть и губернаторский симфонический оркестр. В Институте культуры студенты и поют, и танцуют, и на всяких инструментах играют. А недавно иду по улице 60 лет Октября, вижу – мама девочку за ручку ведёт лет пяти. И куда? Вошли в новую хореографическую школу. Построили её недавно – большое, красивое здание. Вот туда и открыли входную дверь мама с девочкой. Думаю, а это разве не фантастика? Подрастёт девочка, возьмут её в Петербурге в хореографическое училище имени Вагановой или в Москве в Большом театре балериной окажется девочка, солисткой балета.

Переехала в это новое здание детская хореографическая школа, а в старом разместился ансамбль «Славица», хоровая капелла, народная песня...

Вот сижу я на колесе и слушаю, как кто-то на баяне играет, и думаю о губернаторском симфоническом оркестре, вспоминаю губернатора, который сказал по телевизору, что он спокоен за праздники на городской площади, если есть у нас в Орле Институт культуры. Учатся в нём не только орловские студенты, но и лучшие из других областей Серединной Руси.

Вспомнилось мне и ещё одно вроде чудо. Все втроем ходили мы на концерт «Посиделки» в музей имени Тургенева. И там играл этот самый баянист – исполнитель, заменяющий одним инструментом целый оркестр. Университетский профессор рассказывал, что баянист этот закончил в Астрахани консерваторию и приехал в Орёл, работает аккомпаниатором в колледже. А колледж, я знаю, расположен совсем близко к Институту культуры. Так вот почему мне показалось, что звуки баяна, исполнявшего симфонию, летели сюда от Института культуры.

Ведущий на концерте объявил, что профессор будет исполнять русские народные песни. И это тоже показа-

Игорь Золотарёв

лось мне чудом. Зазвучал певческий голос профессора у окна.

*Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идёт.
На нём защитна гимнастёрка,
Она с ума меня сведёт.*

И профессор пел песню за песней, одну за другой под этот баян.

*Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?
Головой склоняясь до самого тына?
Но нельзя рябине к дубу перебраться,
Знать, судьба такая гнётся и качаться.*

И вспомнил я, что у нас под Малоархангельском рябина ведь растёт вместе с дубом. Значит, слова изменить в песне можно: «Знать, судьба такая вместе им качаться».

Вспомнил я концерт в том самом музее и многое понял: талантлив русский народ. Хорошо, что есть в городе у нас и такой институт, и такой колледж. Хорошо, что проводятся замечательные концерты. Ещё только студенты, а уже профессионалы, замечательные исполнители.

ХЛЕБОРОБОВ НА ПЛОЩАДИ ЗА ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ НАГРАЖДАЮТ АВ- ТОМОБИЛЯМИ С ПРАВСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

Собрался я в библиотеку имени Бунина, освежить впечатления о Томе Сойере и о Гекльберри Финне Марка Твена, и тут Паша, дружок мой, подъявился. Он мне и говорит:

– Я тоже в ту сторону. На площади проводят выставку автомобилей, награждают хлеборобов за прошлогодний снег автомобилями с правосторонним движением.

– А разве прошлогодний снег бывает? – спрашиваю я Павла с улыбочкой.

– Это я так, для юмора, – в ответ улыбается Паша. – А правостороннее движение бывает в московском метро и в японских автомобилях... Слышал? Президент не разрешил чиновникам ездить на иномарках. Так они будут ездить теперь на отечественных, а иномарки будут дарить или продавать по дешёвке.

– Ишь ты какой прагматичный, – заметил я.

– Практичный, а как же, – подталкивает под бок меня Паша. – Отец у меня офицер, и я стану когда-нибудь офицером, – подмигнул мне дружок мой Павел Фёдорович.

И пошли мы с ним, как обычно, через горсад. Проходили, как обычно, мимо Колеса Обозрения. Паша пошёл дальше, на Центральную площадь, а я, как обычно, дай, думаю, залезу на это «чёртово» колесо. Сижу наверху и слушаю, что там, на площади, делается. Мужской голос объявляет о награждении хлеборобов-победителей автомобилями. Поверх деревьев в Парке культуры слышатся обрывки каких-то фамилий, марок автомобилей, между ними вроде такие слова:

– Бухтияров Иван Николаевич... автомобилем «Москвич»...Иванов Сергей Петрович... автомобилем «Волга – Волга»... Мать родная... Волга – русская река...

Пришёл я домой с книгой и говорю своему отцу:

– Папа, а тебя наградят автомобилем?

– А зачем он мне? – усмехается папа. – У меня и водительских прав-то нет. Мы же ездим в Малоархангельск автобусом или на электричке.

А наш кот Вася слушает всё, прислушивается, уловил слово «Малоархангельск», про свою малую родину, где он

Игорь Золотарёв

гуляет по крыше, набирается сил, так в коридор скорее да в свой домик и уже выглядывает из окошка. Умный какой! Как мигом всё соображает, на наши слова реагирует. Как пионер! Всегда готов отправиться на малую родину.

Да и мы никак не дождёмся того дня, когда поедем на дачу в Малоархангельск, где наш Вася проводит с нами летние каникулы. Май ведь на носу, весна краснощёкая.

КРАСОТА-ТО КАКАЯ! ЭТО ЦВЕТУТ ГЕРАНИ В ДОМАХ НА ПОДОКОННИКАХ

Взобрался я, как всегда, на Колесо Обозрения. И смотрю с него на юг далеко-далеко, до самого Малоархангельска. А там, на нашей малой родине, дом Ефремовых, в нём жила когда-то мать папиного друга Вера Ивановна. Говорят, разводить герани на подоконниках – это мещанство. А ведь она – культурный человек, библиотекарь, дворянка по происхождению, её девичья фамилия Невинная. Я приходил к Ефремовым за книгами и видел герани на подоконниках, это так здорово! У папиного друга я брал читать такие книги, как Марка Твена «Том Сойер за границей», Фенимора Купера «Шпион, или Повесть о нейтральной территории», читал серию его романов «Кожаный чулок», роман «Морские львы», а так же Майн Рида «Всадник без головы», Конан Дойля, Жюль Верна и много других замечательных книг.

А папа рассказывал, что собственными глазами по всей Сибири видел у людей герани на подоконниках. И тут, в Орле, перед Парком культуры, и по бывшей Болховской улице цветут герани красные, розовые, белые. Вот наша мама взяла розовую герань и принесла домой, посадила в глиняный горшок. Цветёт герань дома теперь и у нас на подоконнике.

Когда все втроем уезжаем на целое лето на дачу, мы снимаем герань с подоконника и ставим на пол. Обильно полив цветы, кладём сверху на них ещё и сырую губку. И там, в Малоархангельске, всегда помним о цветах, по очереди ездим в Орёл, чтобы полить её, свою розовую герань. Мама удобряет почву в горшочке, помогает и мне заботиться о герани, чтобы герани всегда хватало влаги, но чтобы не было и лишней воды, чтобы вода не заливала землю, чтобы герани было всегда хорошо.

Всё лето в Малоархангельске мы занимаемся садом и огородом, деревьями в саду, кустами смородины, крыжовника, а на огороде – капустой, огурцами, помидорами. И всё время думаем о цветах, о герани в Орле. Всё время смотрю я на север, в сторону Орла и думаю: «Как хорошо, что в Орле у нас цветёт герань на подоконнике. Такая красивая эта герань! Это она поддерживает в нас душевное равновесие. Она – не только свежий запах в квартире. Она прекрасна!» Вот что вижу я со своего Колеса Обозрения в Парке культуры.

И ГДЕ-ТО ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ПЕЧАЛЬНО ЗВУЧИТ ЭОЛОВА АРФА, АНТИЧНОСТЬЮ ВЕЕТ С ЮГА, ОТ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

И вот май-месяц, конец краснощёкой весны. Лето уже на носу. Взберусь, как всегда, на Колесо Обозрения, на это «чёртово» колесо, и вижу далеко-далеко. И глубоко. Вон куда протянулись зелёные поля. Там, где то на самом юге Орловщины, наш Малоархангельск. Дача наша, усадьба, наш сад. Всё в нём сейчас белым-бело, всё слилось одним бело-розовым цветом, зацвело как-то сразу. А то цвело врозь: сначала груша, потом яблони, вишни, сливы...

Царь Золотарёв

И тут откуда-то из далёка далёкого, с самого дальнего юга, донеслись печальные звуки. Как будто звучала Золова арфа. «С чего бы, – подумалось мне, – столько в Золовой арфе печали? Не случилось бы что-нибудь с Васей. В последнее время он чувствует себя неважно». И пошёл я мысленно за звуками арфы на юг ещё дальше – за Чёрное море, до Греции, до древности её, до античности. До Одиссеевой Итаки, куда после Троянской войны возвратился когда-то с войны царь Одиссей.

Представилось мне всё это так живо. «Откуда, – думаю, – я это взял? Прочитал из книг по истории Древней Руси? По античности Греции, которой я увлёкся в последнее время?»

Зелёные поля вокруг Малоархангельска, Белая Скифия, хлеба наши скифские, которые вечно везут отсюда на юг. Прихожу я к таким мыслям об Одиссее и Троянской войне. И сейчас она где-то там, никуда не девается. И ещё потому не кончается, что я читаю книги не только Александра Дюма, Жюль Верна, Майн Рида и Купера, но и по истории Древней Руси, государства Российского, новейшую историю нашей страны. Так всё это зримо связано с Итакой и Грецией, Троей и Скифией. Так всё живо проходит перед моими глазами, я как бы вижу всё это с Колеса Обозрения. Вижу Одиссея в Белой Скифии среди хлебных полей, когда еду автобусом из Орла в Малоархангельск. Мчусь на юг, проезжаю Орловский район, Змиёвку, Глазуновку, подъезжаю к Малоархангельску, к Танку – памятнику, повёрнутому стволу на Запад, откуда в наши места когда-то приходила война. И в душу мне, в самое сердце входит печалью Золова арфа. И всё это с юга, от Троянской войны и Одиссея, который так хотел достойно быть похороненным в земле родимой Итаки.

Колесо Обозрения в Парке культуры, эта Золова арфа, веет печалью по цветущей земле.

**ВО ВТОРОЙ МЕСЯЦ – НЕ НА КОЛЕСЕ
ОБОЗРЕНИЯ. ЛЕТНЯЯ РОСА И НАША РУСЬ
СЕРЕДИННАЯ**

**«АХ, ЛЕТО, ЛЕТО!»
ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО ФЕТА**

В последнюю субботу мая в Клеймёново, где покоится Фет, проходит праздник поэзии. Папа читал на нём свои и фетовские стихи. На другой день все втроем мы отправились на школьные каникулы в Малоархангельск, на свою малую родину, на нашу дачу. Проезжали троллейбусом мимо Парка культуры, и я попрощался с Колесом Обозрения: «До свиданья, до осени!»

С автовокзала мы поехали в Малоархангельск колпнянским автобусом. Зелёными полями проезжали через Змиёвку, Глазуновку. Вот и Танк с пушкой, повернутой на Запад. Значит, мы уже прикатили в свой городок.

Пришли домой, поставили вещи у двери и сразу же к Васе нашему – дорогому, любимому, который лежит в правом верхнем углу сада, под цветущими вишнями. Остановились, стоим, склонив голову, и я сказал:

– Вася, славный наш Васенька! Мы будем приходить к тебе теперь каждый день.

Но ведь кот Вася не может ответить, холмик Васин молчит. И я прочитал ему стихи, когда-то написанные о нём папой:

КОТ ВАСЯ

*Европеец! Любимец наш кот!
Посмотрите, как важно идёт,
Как хвостом сам с собою играет.*

Игорь Золотарёв

*На плече посидит, в телевизор глядит.
На столе у меня засыпает.*

И стал я вспоминать, что Вася делал тут в прошлом году, когда был живой. Хитрый был Вася, ещё какой! Вот здесь, под бабушкиной яблоней, стояла железная бочка с водой. Мы из неё поливали сад и огород. И воробьи слетались сюда к бочке, чтобы водички попить. Наш Вася частенько подползал сюда по траве – охотился. Но всегда неудачно. Однажды, вижу, воробей зазевался, и Вася сграбастал его, подцепил ловкой лапой. Воробей заверещал, что-то сказал коту.

– Не понял, повтори, что сказал, – разжал пасть свою Вася.

Воробей вывалился у него изо рта и был таков. Увидел я эти Васиные проделки и говорю:

– Плохой ты охотник, Вася. Пойдём-ка лучше поливать с нами сад.

Вот что напомнил я Васе, Васиному молчаливому холмику, когда Васенька наш был живой. А папа прочитал ему такие стихи Фета, которые он читал там, в Клейменово, на Фетовском празднике поэзии:

*Знать, долго скитаться наскуча
Средь ширей полей и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.*

ПОТОМ ВО СНЕ У МЕНЯ ВЫПАЛ СНЕГ, А РЕБЯТА БЕЖАЛИ ДОМОЙ С ДАЛЬНИХ ЛУГОВ БОСИКОМ

Приснился мне сон, как будто зима пришла, выпал снег и накрыл траву и деревья. И всё стало белым-бе-

ло. Весь наш сад и огород. И я говорю во сне самому себе: «Вот хорошо! Не то морозы грянут и саженцы померзнут. А то есть у них покрывало, шуба тёплая от морозов...»

Папа рассказывал, что давно в самом деле так и было, когда он, закончив четвёртый класс, поехал к тёте Дусе в другой город. А как приехал обратно, друг его Шурик Денисов рассказал, как они тут с Мишкой Кузнецовым и сестрицей его Наташкой ходили на рыбалку. На речку Неручь, километрах в трёх, за Репьёвкой. Нарвали щавелю, поймали в речушке прямо руками пескарей. Развели костерок, стали в консервной банке ушцу варить. И тут повалил снег. А ведь конец мая, почти лето, и они все босые, в одних рубашонках. Бегом в свою Репьёвку, скорее, скорее домой! Бегут-бегут, сядут на землю – ноги греют руками. А Наташка стала отставать: девчонка, да ещё моложе лет на пять. Остановятся они с Мишкой, погреют каждый себе подошвы ног своими руками. А Наташка повалится наземь и не встаёт. Тогда они и ей стали ноги греть. Он, Шурик, греет, отогревает своим дыханием одну ногу, а Мишка – другую. Едва добежали до дому, до деревни своей, до Репьёвки. Вот такая произошла с папиным другом всамделишная история.

Взял я всё это, что услышал от папы, да Васе и рассказал, а Вася мне и говорит:

– Давай-ка и мы с тобой пойдём на Неручь.

И сам уже лезет в свой домик, в свою сумку с окошком.

И тут ко мне сосед заглянул, дружок мой, Эдик Дорофеев. Я ему на домик Васин показываю:

– На рыбалку вот собрались, а дорогу на Неручь не знаем.

А Эдик отвечает мне:

Царь Золотарёв

– Я знаю, давай покажу.

И пошли мы лугами на речку Неручь, взяв я котелок для Васи, спички для костра. Пришли мы на речку, Эдик стал ловить рыбу голыми руками. Ловкий этот Эдик, не хуже Паши, что в Орле, тоже такой прагматичный. Набрал сушняку, разжёл костёр, котелок на огонь поставил, сунул рыбёшку. А я всё сижу у бережка на одном месте да и говорю ему:

– Рыбка плавает по дну, не поймашь ни одну.

– Сейчас, Вася, я тебя подкормлю жареной рыбёшкой – большой и малой, – не обращает на меня внимания Эдик.

И только он собрался положить пойманную рыбку в котелок, чтобы сварить, как Вася ему и говорит человеческим голосом, вроде кота Матроскина:

– Не люблю я варёную рыбу. Я ем её не жареную, а сырую...

Вот такая «катавасия» припомнилась мне про нас с котом Васей в прошлом году, когда был он живой.

И пошёл я в верхний сад, под цветущую вишню, к молчаливому холмику и говорю холмику:

– Помнишь, Вася, как мы с тобой в том году ходили на Неручь? И дружок мой Эдик хотел тебе рыбки сварить?..

Холмик молчал. Засвистел в вишнях ветер. И кот Вася сказал, или мне показалось? «Я охотно съел бы, конечно, сырой, а не жареной-пареной рыбки. Сходи, посиди с удочкой в том рыбном месте. Или голыми руками рыбки поймай. Сырая рыбка очень даже нравится мне, твоему коту Ваське». Так мы теперь и разговариваем с молчаливым Васиным холмиком.

**А МЫ С ПАПОЙ
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА ЧИТАЕМ
СТИХИ. ЭТО 6 ИЮНЯ. ТУТ,
В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ,
ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПОЭТУ**

Вот уже какой год приезжаем мы с папой на малую родину, в Малоархангельск, 6 июня, в День рождения поэта. Этот день объявлен ЮНЕСКО Днём русского языка. Русский язык является одним из шести языков, признанных языком международного общения (английский, французский, русский, испанский, китайский, арабский). Мы приходим к памятнику Пушкину и читаем стихи Пушкина и других поэтов о Пушкине. Памятник Пушкину на нашей улице, неподалёку от нашего дома.

Сюда в Год литературы – 2015 году приходили школьники из двух городских школ и читали стихотворение «По Белёву едет Пушкин» Валерия Георгиевича Ходулина, тульского поэта, про то, как Пушкин ехал из Москвы через Орёл, затем через Малоархангельск и дальше – на юг, на Курск. А другой дороги тогда и не было. И в Малоархангельске приняли Пушкина за ревизора. Пушкин передал этот сюжет Гоголю, который и написал всероссийскую пьесу «Ревизор».

Приходит на праздник и мэр Трунов. Как и Пушкин, тоже Александр Сергеевич. А за ним к памятнику потянулись многие жители города. Хочу сказать, что в Малоархангельске памятник Пушкину был поставлен раньше, чем в Орле, первым.

Пушкин бывал и у нас дома в Малоархангельске. Кровинка родная поэта, от его старшего сына Александра, Григорий Григорьевич, праправнук Пушкина. Соседи и говорят нам, что же памятной доски у вас на

Игорь Золотарёв

доме-то нет? Ведь Пушкин здесь был, представитель его родословной. У моего папы целый цикл стихов посвящён великому поэту, который так и называется «Пушкиниана».

ЛЕТО. АХ, ЛЕТО КРАСНОЕ!

*Как грустен мне август, с чего бы?
Откуда вселенская грусть?
Но очень уж хочется, чтобы
Спокойнее длилась бы Русь.
Подольше бы видеть зелёной,
Чтоб лету всё быть впереди.
Чтоб груше прозрачно – ядрёной
Не шлепнуться где-то в груди.
Чтоб всё перед нами светило,
Божественный длился глагол,
Чтоб детство вернулось и было,
Чтоб сердце народы любило,
Чтоб Пушкин домой к нам пришёл.*

НА НАШЕЙ МАЛОЙ РОДИНЕ РАЗГАР ЛЕТА. МЫ ЛЮБИМ ЧИТАТЬ СТИХИ О ПУШКИНЕ «МАЛЬЧИК КУДРЯВЫЙ»

Мной уже говорилось о том, что Пушкин ехал из Белёва в Орёл, а затем в Малоархангельск. И хочется мне привести ещё одно замечательное стихотворение тульского поэта Валерия Георгиевича Ходулина «Мальчик кудрявый». О Пушкине-лицеисте. Пусть и его читают школьники на праздниках Пушкина, у пьедестала поэта.

МАЛЬЧИК КУДРЯВЫЙ

*Мальчик кудрявый
С большими-большими глазами
Держит сегодня
Ответственный в жизни экзамен.
Будут сегодня
Оценены знаний запасы.
Выдержит –*

*И переводится в старшие классы.
Мальчик кудрявый,
Сегодня не просто экзамен.
Вон за столом затаился
И дремлет Державин.
Ровной цепочкой
Идут лицеисты из класса.
Что ему этих ребят
Тёмно-синяя масса?*

*Он приоткрыл один глаз,
Полудрёму осилив,
Муз многолетний любимец
И гордость России.
Вирши его разлетелись
По белому свету.
Где тот счастливчик,
Кому передать эстафету?*

*В зале просторном
Ему и тоскливо, и душно.
Снова глаза он прикрыл
Всё в долгой жизни он видел,
И всё-то он слышал.
Вот и ещё лицеист
В тёмно-синем мундирчике вышел.*

Игорь Золотарёв

*Чёрною шапкою
Свитые плотно кудряшки.
Ясные очи сверкают,
Как ночью стекляшки.
Вскинул он голову –
И тишина раскололась.
Руку воздел –
И раздался мальчишеский голос.*

*Строчки и рифмы
Одна за другой побежали.
К уху приставил ладошку
И внемлет Державин.
Вот она, вот –
От всех хворей его панацея,
Вот он, приемник,
Воспитанный в стенах лица.
Вечером лёгкий слушок
Полетел над столицей:
– Мальчик... кудрявый...
Сумел от Державина скрыться...
Нет, не забыть лицеисту
Тех чудных мгновений.
Нет, никуда ты не скроешься,
Если ты гений.*

А сейчас мы сидим дома и вспоминаем снег в конце мая на речке Неручи, белые-белые груши и яблони, вишни и сливы в нашем саду белоснежном. И читаем друг другу на память его стихи. Попросишь кого-нибудь прочитать что-то, почти всегда читают его «Зимнее утро».

*Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры*

*Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!*

«Нет в нашем городе, как и на всей Руси великой, такого русского человека, который с детства не знал бы хотя одно стихотворение Пушкина», – говорит мой папа. И я с ним согласен.

**БЫВАЛО, КОТ ВАСЯ В НАШЕМ ДВОРЕ
ТО НА СТОЛБЕ СИДИТ, ТО ГУЛЯЕТ
ПО КРЫШЕ САРАЯ, ГДЕ НА СОЛНЫШКЕ У НАС
СУШАТСЯ ЯБЛОКИ**

До того, когда ещё жив был кот Вася.

Всё прошлое лето было жарким. Яблоки начали созревать раньше обычного, уже в конце июля. Они стали падать, разбиваться вдребезги. И мы стали резать, сушить их на крыше сарая. А Вася не любит яблоки, особенно сушёные. Из растительной пищи он ест только капусту, да и то в борще с мясом.

Презирая сушёные яблоки, Вася мимо них аккуратно ходит на крышу, поднимается на самый её верх- коник и озирает двор, всю усадьбу. Каждый день мы сушим яблоки, которые сохнут в жару к вечеру, чтобы отослать их в Сибирь папиной сестре – тёте Лиде, принимающей их за конфеты. Слышим вдруг, где-то Вася подаёт голос. Но где? На крыше нет, во втором дворе тоже нет. И в сарае нет. Где же он, шельмец? Приподнял я голову, а Вася на столбе. Сверкает оттуда зелёными глазами и говорит:

– Во-он собака бегаёт по саду, видите? Кот чужой перепрыгнул сюда через забор, бандит. Дай спрыгну со столба, я ему покажу...

Всё сообщает наш кот, что видит в саду у нас, во дворе. В самом деле, а ну спрыгнет Вася со своего столба,

Игорь Золотарёв

живо чёрного кота приструнит, зубами в землю воткнёт. Вася у нас патриот, нет лучшего защитника родины своей малой, всего нашего дома, всей нашей усадьбы, чем он. Нет смелее, отчаяннее на всей улице нашего кота Васьки. На крышу взберётся, ходит по самому верху, по конику, и наблюдает за «бетонкой», за проезжающими автомобилями с белой девонской глиной, следит за тем, чтобы и там был порядок.

Вася говорит что-то машинам, как бы регулирует уличное движение, чтобы одни ехали в одну сторону, другие – в другую. Наш Вася топает строго лапой на эти машины, поднимается со своего места, встаёт и подходит к краю крыши. А машины едут и едут, не обращая внимания на Васю. Папа ему и говорит

– Вася, ты чего там разоряешься? Нашёлся регулировщик. Без тебя обойдутся. Машины сами разъедутся в нужном направлении, в разные стороны.

– Не разъедутся. Вот поглядите, будут аварии, – нехотя слезает кот Вася с крыши дома и уходит в сад. Погулять ему надо, пока лето, пока хорошая погода, пока солнце сияет над головой.

– Гуляй, гуляй, Васенька, – говорит ему папа. – Ходи по усадьбе. Регулируй движение мышей и котов. Видишь, ёжик Лёня под землёй копает ходы к соседям, а тебя всё тянет ввысь куда-то. А ведь ты не сорока и даже не воробей.

– Я у себя дома, – говорит кот Василий. – Я тут родился, это моя малая родина.

– Где родился, там и пригодился, – поддакиваю я коту Ваське и иду читать книжки английских, французских поэтов.

**ВОТ КРЫША СО СНЕГОМ ТРОНУЛАСЬ, ЗА-
СКОЛЬЗИЛА, ВЗЯЛА И ПОЕХАЛА. САМОЛЁТ
ДЕРЕВЯННЫЙ «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»
КОРАБЛЬ ДЕРЕВЯННЫЙ «ВАРЯГ»**

Начитался я английских, французских поэтов, и ещё больше стало в сны мои приходить множество всякого-якого. Например, крыша, по конику которой только что ходил кот Вася, вдруг засеребрилась, покрылась инеем, снегом. Опять этот снег. Иней да снег. Как в феврале, стало вдруг опять скользко на крыше, и даже сосульки свесились. «Больно горячий, – говорит мне папа. – Снег твоим пылким фантазиям требуется для охлаждения». И тут крыша очистилась от сосул, от снега, взяла и куда-то поехала.

«Это она так для разгону, – подумалось мне. – Потом всё станет на место».

Ехала, ехала крыша и куда приехала? Посмотрим куда. Девонскую белую глину возят большегрузы по «бетонке» во-он откуда – километра за два от города. Там карьер, на котором делают себе карьеру водители на «КАМАЗах»...

Только я разошёлся в своих фантазиях, как в калитку брякнули – гляжу, а это Дорофеев Эдик передо мной, как лист перед травой.

– Ты что, Эдуард? – говорю ему.

– Да вот, – показывает мне Эдуард, словно представитель из королевской династии туманного Альбиона, свой деревянный корабль. – Не достроен, надо достроить... А что это ты меня Эдуардом зовёшь?

– А кто же ты?

– Эдик, как всегда, дружок твой.

– Ну, а я тебе что? Строитель кораблей? – говорю я Эдику.

– Да нет, – отвечает Эдик. – У твоего дедушки было много всяких столярных и плотницких инструментов.

Царь Золотарёв

– Давай проходи, поглядим в первом сарае.

Сняли мы со стенки поперечную пилу, включили шлифовальный станок.

– Как назовём твой корабль? – спросил я Эдика. – Крейсер «Варяг»?

– Почему?

– Отец мой рассказывал...

– Легенду?

– Да нет, взаправду. Ещё в первом классе он начал писать... Вот идут они, пацаны у нас тут, в Малоархангельске, по главной улице сверху от базара. А весна уже, конец марта, снег тает, всю потекло. Идут они, значит, держатся кучкой. А солнце навстречу, а справа ручей бежит вниз по главной улице. Сделали они из газеты корабль и пустили его по течению. Течёт корабль вниз навстречу Солнцу, бежит на розовых парусах. А в душе у ребят радость: недавно война закончилась нашей победой. Ну, и грянули они песню...

– Какую?

– Про «Варяга».

И запел я:

*– Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.*

*Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.*

Все вымпелы вьются, и цепи гремят...

– Наверх якоря поднимают,

– поддержал меня Эдик, Эдуард – друг мой из морской королевской династии. – «Варягом» назовём его, – вот, крейсер «Варяг»... А кто был его капитаном?

– Папа рассказывал, – отвечаю я Эдику, – капитаном был капитан первого ранга Руднев, родом из Тулы. А Тула – город-герой!..

– Дай вырасту, в Николаев поеду, – говорит Эдик. – Там верфи, стану строить на них корабли. Улица глав-

ная – такая широкая, возили на верфи по ней сосновые брёвна...

– Мой папа родился в Воронеже, – говорю я, гордясь своим отцом и тем городом, откуда он родом. – И там главная улица тоже широкая. Пётр Первый строил там корабли, чтобы спустить их по реке Воронеж и отправить флот на турецкую крепость Азов...

– Турки там были? – переспрашивает меня дружок мой.

– А ты испытывай свой деревянный корабль, – говорю я Эдику. – Не потонет?

– Пускай внизу тут у нас по ручью, по Куликоржавцу... Не потонет...

– А знаешь, куда Куликоржавец впадает? – говорю я.

– Куда? – настораживается Эдуард.

– В Неручь. А Неручь – в Сосну, а Сосна – в Дон, и река Воронеж – в Дон... Выходит, на твоём корабле можно приплыть и в город Воронеж, где Петру Первому памятник поставлен как кораблестроителю... Езжай-ка, Эдик, лучше в Воронеж...

Так мы с дружком моим сидели и разговаривали, достаивали Эдиков деревянный корабль. Подписали на борту гордое имя «Варяг».

Пришёл мой отец, я спросил его:

– Были ль в детстве у тебя, папа, игрушки? Ну, например, крейсер «Варяг».

– Наверх вы, товарищи, все по местам,

Последний парад наступает, – сразу же запел мой отец. – А вообще-то был у меня самолёт, – призадумался папа мой. – Перед самой войной.

– Деревянный? – спросил его Эдик.

– А какой же? Назывался «Илья Муромец», как у Сикорского. И сделал его мне дядя Сима, принёс мне из Вавилоновки, где жил тогда... Я лётчиком мечтал стать, вот и лазил по крыше...

Игорь Золотарёв

– Как Васька? – засмеялся я. – Как котик наш Васька?

– А у меня морская душа, – взял Эдик свой деревянный корабль под мышку и отправился на наш тут поблизости ручей Куликоржавец.

А папа пошёл в свой кабинетик с окошком к соседям. И вот что он написал, а потом прочитал:

«Летом городок становится многолюдным. Люди приезжают к родственникам из больших городов на свою малую родину. Едут за спокойной жизнью, тихой радостью, чтобы видеть рассветы и закаты, стать опять естественным человеком, пожить в гармонии с природой и самим собой, подышать чистым воздухом детства и юности»...

А я прочитал это папино и дописал: «И смастерить деревянный самолёт «Илья Муромец» или деревянный корабль «Варяг». «Наверх вы, товарищи, все по местам»...

КОТ ВАСЯ МЧИТСЯ В РЕШЕТЕ ПО ГОРОДСКОМУ ПРУДУ ДО САМОЙ БРАЗИЛИИ

На нашей малой родине есть небольшой круглый пруд. В него впадает ручей Куликоржавец и вытекает из него тоже Куликоржавец. И вот мы с котом Васей в своих фантазиях, помнится, решили проплыть по нему в решете не куда-нибудь, а до самой Бразилии. Совсем как у английского поэта Эдварда Лира в его стихотворении «В страну Джамблей».

В решете они в море ушли, в решете,

В решете по седым волнам.

С берегов им кричали: – Вернитесь, друзья!

Но вперёд они мчались – в чужие края –

В решете по крутым волнам.

Астаскин дом

*Колесом завертелось в воде решето...
Им кричали: – Побойтесь греха!
Возвратитесь, вернитесь назад, а не то
Суждено вам пропасть ни за что, ни про что!.. –
Отвечали пловцы: – Чепуха!*

*Где-то, где-то вдали
От знакомой земли,
На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелёными Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.*

– Вася, – говорю я, – видишь, какие с тобой мы бесстрашные. В решете плывём, в решете.

– Не бесстрашные, – отвечает мне Вася, – а глупые. Плавать не умеем, а плывём. Да ещё и в решете. И куда же мы приплывём?

– А в чужие края, – говорю я коту Васе. – По серым и крутым волнам в решете.

– Интересно всё-таки плыть, – отвечает мне Вася, – тут, вдали от знакомой земли, к синеруким джамблям с головами зелёными. Почему они сине-зелёные?

– Почему, почему? Потому, потому, – отвечаю я Васе. – Потому что в переводе с английского эти Джамбли давно перепутаны в цвете. Но давай почитаем Эдварда дальше.

*Но проникла вода в решето, в решето,
И, когда обнаружилась течь,
Обернули кругом от колен до ступни
Промокашкою розовой ноги они,
Чтоб от гриппа себя уберечь,
И забрались в огромный кувшин от вина
(А вино было выпито раньше до дна),
И решили немного прилечь...*

Игорь Золотарёв

Задрожал наш кот Вася от страха:

– Я тебе говорил. Ну, а если в решете обнаружится течь, вдруг водою наполнится всё решето, так что негде нам будет прилечь.

– Ты, кот Вася наш, прямо поэт, – говорю я ему. – Поэтически прозу слагаешь. Промокашкой себя промокаешь, чтоб от гриппа себя уберечь, если тут обнаружится течь.

Вася и говорит:

– Заберёмся в кувшин уж пустой, без вина. Кто-то выпил кувшин тот до самого дна. Это нам и поможет прилечь.

Вот я Васе и говорю:

– Ишь, ты умный какой. Хоть и с белой рукой, а не с синей, как где-то у Джамблеев.

– И с глазами зелёными, – говорит мне Вася, Василий. – В решете, где меня волны носят с тобой?

Вася мне и говорит, подмурлыкивая, нараспев:

*– А приплыли с тобой в решете, в решете
В край неведомых гор и лесов.*

Далеко-далеко,

И доплыть нелегко

До земли, где на горном хребте

Синерукие Джамбли над морем живут,

С головами зелёными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете, в решете...

И приплыли они в решете, в решете

В край неведомых гор и лесов...

Говорю коту Васе и я нараспев, уж как будто и я пою, сочиняю песню-мелодию:

– Как же может быть край тут неведомых гор и лесов неизвестных как будто?

Ласточкин дом

*Если тут в городском мы прудишке плывём –
В решете, в решете, в решете?
И по правому берегу яблони, сад,
А по левому – сад, огород, между строк
И зачем нам...*

*Лучше купим на рынке гороха мешок,
И ореховый торт, и зелёных сорок,
И живых дрессированных сов,
И живую свинью, и капусты кочан,
И живых шоколадных морских обезьян,
И четырнадцать бочек вина Рит-Бо-Ри,
И различного сыра – рокфора и бри, –
И двенадцать котов без усов.*

– Вася, Вася! – кричу я. – Двенадцать ведь было котов, понимаешь, двенадцать! И как же?

– Пусть двенадцать, но все без усов, – отвечал мне Вася сейчас же.

– Дальше, дальше читай! – отвечает мне кот. – Наводи всем тут тень на плетень.

*И вернулись они в решете, в решете
Через двадцать без малого лет.
И сказали друзья: – Как они подросли,
Побывав на краю отдалённой земли,
Повидав по дороге весь свет!*

Говорю я:

– И закончим мы так свой рассказ.

*И причалили с Васей мы к берегу,
Повидав на краю отдалённой земли
Голубые, большие, в решете корабли.
И цветы тут у берега лилии.
И ещё поплывём через свой водоём
В океан, в океан до Бразилии.*

Игорь Золотарёв

Такое морское путешествие можно совершить и тут, в нашем малом, чудесном степном городке. Если книги читать, если Эдварда Лира любить, если берегом плыть, огородами, где цветут разноцветные лилии, можно, можно доплыть до Бразилии!

МЫ С ВАСЕЙ ПРОДОЛЖАЕМ ЧИТАТЬ КНИЖКИ ПРО ВСЯКИЕ ЧУДЕСА И ПРИ ЭТОМ ЕСТЬ С УДОВОЛЬСТВИЕМ РЖА- НЫЕ ЛЕПЁШКИ. ПРО СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА

Мы с Васей любим читать книжки, где написано про чудеса, и при этом есть с удовольствием ржаные лепёшки. Особенно интересны книги про приключения, где обязательно есть чудеса. К примеру, «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров» Жюль Верна, «Всадник без головы» Майн Рида, «Граф Монте Кристо» Дюма, «Вий» Гоголя и др. И ещё я очень люблю читать «Приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо и «Остров сокровищ» Стивенсона, в которых рассказывается про одно из самых сильных чудес на земле – про поиски кладов. До сих пор ищут у нас в Кремле такое чудо, как библиотеку Ивана Грозного, случайно находят бриллианты, золотые монеты, замурованные в стены во время революции или гражданской войны.

Так вот, беру я в руки «Остров сокровищ» шотландца Стивенсона, ложусь на диванчик, кот Вася прыгает ко мне, жмётся мне под бочок, и мы отплываем в далёкое плавание на поиски клада, куда-то на Остров сокровищ. На паруснике «Испаньола», где командует капитан Смолетт, в команду которого тайно пробрались пираты во

главе с боцманом одноногим Джоном Сильвером. Они тоже плывут на остров за зарытыми там пиратскими кладами.

Читаю вслух, кот Вася слушает всё это с удовольствием. И это первое чудо. Второе чудо: на необитаемом острове выжил один из оставленных на нём за провинности пират Бен Ган. Он нашёл сокровища и уже перепрятал их. Скрываясь от прибывших на остров пиратов, он прячет в пещере сокровища. Переродясь духовно, он перестаёт быть с пиратами, становится заодно с прибывшими на «Испаньоле». (И это второе чудо.)

– Третье чудо, Вася, – рассуждаю я вместе с котом, – что корабль, отогнанный ветром на север острова, юнга Джим сумел пригнать обратно, поставить на прежнее место, к самому берегу, хотя Джим был совсем молодым и неопытным. Зато оказался умелым и смелым. И четвертое чудо – это, что Джим помог капитану Смолетту вернуть власть на «Испаньоле».

Джим не ожесточился за всё это время даже против Сильвера с деревянной ногой. И это пятое чудо.

Команда с Джимом вернулась на корабль. Где-то в порту Джон Сильвер высадился, прихватив с собой часть сокровищ, украденных из каюты.

Шестое чудо вот в чём. Писатель Роберт Льюис Стивенсон, написав за день страницы романа, вечером в кругу семьи читал его своим домочадцам. Все слушали Роберта Льюиса с преобладающим интересом и даже смеялись, когда узнавали в Джоне Сильвере черты характера и даже портрета, написанного с родного дяди писателя. Всё это выходило потешно, таинственно и увлекательно. Карта Острова срисована была с выдернутого зуба. Очертания берегов напоминали зуб самого Стивенсона, которого писатель лишился не так давно у дантиста.

Царь Золотарёв

И вот дочитал я последнюю страницу про сокровища и чудеса да и говорю Васе:

– Видишь, Вася, какое мы с тобой совершили увлекательное путешествие по книге Стивенсона?

И запел, отстукивая ладонью ритм по краю стола:

– А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер,

Весёлый ветер, весёлый ветер.

Моря и горы ты обшарил все на свете

И все на свете песенки слышал.

Спой нам песню про дикие горы,

Про великие тайны морей...

Кот Вася прыгнул с дивана, стоял передо мной и, подёргивая спиной, улыбался. Вася, оказывается, может и улыбаться. И это тоже одно из чудес Старого и Нового света, по морям которых плыла под парусами «Испаньола» Роберта Льюиса Стивенсона. Точь-в-точь как в книге Льюиса Кэррола «Алиса в стране чудес».

А ПОМИДОРЫ С ГРЯДКИ МЫ ТАЩИЛИ СНАЧАЛА НА ЯРМАРКУ, А С ЯР- МАРКИ ХОТЬ КУДА

Что-то мы всё путешествуем, плаваем по городскому пруду, по Бразилиям всяким, до Острова сокровищ, похожего на зуб самого Стивенсона. А про огород свой малый совсем позабыли. Пошли мы на грядки, там у нас огурцы, помидоры, капуста, а огурцы лежат, изнемогают, уже жёлтые, от жаркого солнца, скоро начнут сходить. Из ранней капусты мама варит борщ, поздняя ещё даже не завязывалась. Зато помидоры хороши! Висят, подвязаны к палкам, и красные, и розовые, и чёрные, называются «негры» и «наполеоны». Помидоры эти крупные, мясистые.

И жёлтые попадают. В это лето помидоров хватает. Мама собрала ведра три, и говорит:

– Отнесём-ка их кому-нибудь... хоть куда... хотя бы на базар...

Вася даже шерсть на спине приподнял:

– Ещё чего! На базар!

– На еду тебе деньги, Васенька, – говорит мама ласково. – На консервы.

Вот и пятница. Подхватили мы большое ведро с помидорами и на рынок. Люди движутся сюда с утра приодетые, как на праздник. На других посмотреть и себя показать. У самого входа, под аркой, много всяких тёток и бабок сидят, и все с помидорами. Но никто не подходит к ним, не покупает. У всех есть свои помидоры. Помидорный год, урожайный. И тут я увидел дружка своего Эдика Дорофеева.

– Зачем пришёл? – подошёл я к нему.

– За помидорами.

– На, бери, – сунул я ведро ему. – Пустое после не забудь вернуть.

Тётки и бабки будут теперь сидеть со своими помидорами, как на Доске Почёта, до самого вечера, а мы с мамой домой пойдём огород поливать. Шланг уже был протянут до бочки. Но маленько прохудился, на изгибе переломился. Взял я изоленту, стал чинить, заматывать синей изолентой места, откуда пробивалась струйка по струйке. А Вася ходил за мной, подставлял себя под струю, ему нравилось быть под прохладным дождём.

Лето было сухое, почти засуха. Мы с папой взялись поливать саженьцы, верхний молодой сад, а мама стала брызгать из лейки на свою любимую сливу. После того, как мы с папой полили яблони, старые и молодые, перешли к огороду.

В бочке весь день нагревалась вода и стояла, нагретая, до самого вечера – для огурцов и помидоров. Вычёр-

Игорь Золотарёв

пывали вёдрами воду из бочки и опять наполняли её водой, чтобы согрелась завтра. И так каждый день. Старый сад мы поливали из шланга до самого вечера. Для огорода – огурцам, помидорам вода нужна была только тёплая, подогретая.

Когда началась засолка, лучшими оказались мелкие помидорчики – «сливка».

– Положим «сливку» в стеклянные банки, закроем железными крышками, – распорядилась мама. – Продержатся до следующего лета в подвале или в холодильнике.

– Мировой закусон, – подтвердил мой папа. – Если добавить ещё и огурчики.

ПЕРЕНОШУСЬ В МГНОВЕНИЕ ОКА В ОРЁЛ. СИЖУ ОПЯТЬ НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ, А НЕБО НАДО МНОЙ СЛЕЗИТ И СЛЕЗИТ, А ДОЖДЬ ВСЁ БАНИТ И БАНИТ

Конец августа. В мгновение ока переносюсь в Орёл. Сажу опять на Колесе Обозрения. Что-то заморосило, небо надо мной слезит и слезит, дождь банит и банит. Это всё оттого, что Васи не стало, ушёл в страну чудес наш кот Вася – член семьи, дорогой наш Василий.

Приносили соседи котят, приходили сами коты всяких пород и мастей. Дело к осени, а там и к зиме, каждому надо иметь крышу над головой. Но мы отвергали любого.

– Ещё и гадить будет, – говорила мама. – Батюшка один у нас тут, на Монастырке взял домой к себе кота с улицы, так он ему нагадил в постель. Батюшка поругал его, а он нагадил уже на подушку. Батюшка стал его совестить: «Что же ты, негодник, чадо животное, меня,

кормильца твоего, обижаешь?» А он взял и на стол залез...

«Бога не боится, – подумалось бабушке. – И что делать теперь? К кому обратиться?»

– Отлупи его, – сказал сосед. – Возьми дрын какой потолще и отлупи как покруче.

Как покруче он не отлупил, но хворостинкой постегал. И кот взял и ушёл со двора. Проходил я как-то через соседний двор. Увидел кота, узнал. И он узнал, так ослабил, словно хотел укусить...

– Какой масти? – спросил его мой папа.

– Ну, чёрный кот. Чёрный, как смоль.

– Как ты сам, как ряса твоя? – спросил мой папа монаха.

– А что? – переспросил человек в чёрной рясе.

– А то, – усмехнулся в глаза ему папа мой. – Терпения нет у тебя, не оказалось. Терпи, брат, взялся за гуж – не говори, что не дюж... Вон наш кот Вася как пришёл к нам от бабушки, так тоже по столам, по постелям. А потом стал разборчивым, умным, стал вести себя как человек, член семьи... Правда, масти совсем другой – альбинос, с серым пятном на спине...

Пошёл папа в Парк культуры, встал под Колесо Обозрения, вспомнил, как в прошлом году мы с котом Васей лазили туда, на самую верхотуру, да и говорит:

– Давай я стихи о нём прочитаю.

– Читай, только до конца.

– «Кот Васька», – сказал папа под шорох листьев.

Европеец! Любимец наш кот.

Посмотрите, как важно идёт.

Как хвостом сам с собою играет.

На плече посидит, в телевизор глядит,

На столе у меня засыпает.

Наш кот Вася всё время для меня, как живой. Всё стоит в моей памяти. Чего мы с ним только не делали

Игорь Золотарёв

на малой родине, в Малоархангельске: и цветы поливали из лейки, и в Бразилию мчались на пруду в решете, и на речке Неручь пескарей ловили да в консервной банке поджаривали. Всё рассказывал я нашему коту Васе, его молчащему холмику, в саду, в правом верхнем углу, под вишнями.

И это я ему уже сочинил лично такие слова:

*– Он пришёл ко мне на Новый год.
«С добрым утром! С добрым утром, мяу!»
Под ладонью изгибаясь, кот
Вдохновляет на работу: «Браво!»*

*На столе, на огородном пне
Он сидит и очень помогает.
Диалог такой во глубине
У меня с природой созидает.*

*Грациозен! Бабушка учила
Ваську петь и даже говорить.
Телевизор, музыка – всё было,
До сих пор имеет место быть.*

*Дома он как равный член семьи
Ходит по трёхкомнатной квартире.
Спит со мной с восьми и до семи,
Самый лучший мой дружище в мире.*

Вася! Жди нас, мы приедем к тебе и зимой.

**В ТРЕТИЙ МЕСЯЦ – НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ.
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ**

**И ТУТ ПОРЫВ ВЕТРА, И С НАШЕЙ БЕРЁЗЫ,
ЧТО У ОКНА, ПОЛЕТЕЛИ ЗА ЛИСТЬЯМИ
ЛИСТЬЯ. И Я ХОЖУ ПО ОСЕННЕМУ ЗОЛОТУ
ЛИСТЬЕВ И РАДУЮСЬ: «ЗОЛОТО ЛИСТЬЕВ!
ЗОЛОТО ЛИСТЬЕВ! СКОРО НАША УЛИЦА
СТАНЕТ ВСЯ ЗОЛОТАЯ»**

Вот и кончились школьные каникулы, и мы приехали в мой город Орёл, где я родился. Едва открыли дверь в квартиру, как тут же на кухне стали поливать наши розовые герани на подоконнике. После этого я пошёл в лоджию – посмотреть на берёзу, что за окном. И тут как раз порыв ветра, и с берёзы полетели, закружились уже пожелтевшие за листьями листья, за листьями листья. И я подумал: «А как там деревья в Парке культуры?» Отправились мы с папой в горсад, идём по золоту листьев, и я радуюсь: «Золото листьев! Золото листьев! Скоро наша улица станет вся золотая.»

Пришли мы в горсад, а берёзы ещё зелёные. Зато возле Колеса Обозрения на клёнах уже пожелтели, скоро, знаю, зарозовеют, а после станут багряными. Взобрался я на Колесо Обозрения, на самую верхотуру, и стал смотреть на Восток, откуда восходит Солнце. Там где-то у своей дочери Ольги живёт папина двоюродная сестра – тётя Лида. Сказал я ей пару слов, порыв ветра понёс их туда, далеко-далеко, в сибирский город Томск. А мы прошли тут к фонтану, к памятнику Тургенева над Окой. И видим, везде под ногами каштаны. Нападало уже много. Я по привычке набрал их полный карман, и мы с папой вернулись домой. А вечером позвонила тётя Лида:

Игорь Золотарёв

– Скоро в школу тебе, дорогой. Небось, уже собираешься?

– Собираюсь, – отвечаю я. – Вот в город ходили с папой, набрали каштанов.

– А у нас каштаны не растут, – говорит тётя Лида. – Пришлите сколько-нибудь. Ноги болят у меня, сделаю из каштанов настой, ноги лечить.

– Наберём, тётя Лида, – ответил я.

И тут же полетел, как на крыльях, в горсад – к памятнику Тургенева. В тот же час пошли мы с папой на наше 40-е почтовое отделение и отослали посылочку тётя Лиде. Поправляй здоровье, лечись!..

Вскоре тётя Лида прислала свою посылочку, а в ней кедровые орешки, в письме сообщалось, что получила нашу посылку. Каштаны растолкла, сделала настойку, и теперь она растирает ноги. Вроде становится лучше. «А там поглядим, – писала тётя Лида. – Думаю, каштаны помогут»...

Вот, оказывается, что такое Колесо Обозрения. Если бы я не взобрался на него, не поглядел бы на Восток, в тот же день тётя Лида не позвонила бы из своего Томска, и мы с папой не рассказали бы ей о каштанах, которые лечат.

Как-то иду я в школу, и возле школы стоят каштаны, огромные такие деревья! Вон куда, думаю, достают они своими макушками, аж до Сибири, до города Томска, а могут и до Дальнего Востока, откуда восходит Солнце.

ВОТ КУДА ЗАКРУТИЛА МЕНЯ ВСЕГО ЭТА ЧУДЕСНАЯ КАРУСЕЛЬ, ЭТО ВОЛШЕБНОЕ, ФАНТАСТИЧЕСКОЕ КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Начались занятия в школе. Дай, думаю, схожу в горсад на Колесо Обозрения, где всё становится сразу же не-

обычным, чудесным. В школе по истории мне поставили «четвёрку» вместо «пятёрки», сказали – не «отлично». А я ведь знаю больше даже, чем в школе, по истории античной Греции. Был там, в древности, такой поэт – Архилох. Он писал не про государство, не про города – полисы, а про себя, воспевал свои личные чувства. Архилох – первый поэт – лирик. Папа мой тоже пишет и эпос – про народ, страну, государство, и про себя, свою собственную душу.

ПОЮЩАЯ ДУША

*Чуть отдохнёт и снова за своё
Моя непокорённая душа.
И, медля умирать, а жить спеша,
Пока есть голос, слышите, – поёт!*

*Они – всё про борьбу свою, про ту,
Что им на лапу кое-что кладёт.
А я – про Красоту, про Красоту,
Которая сама себя поёт.*

*Они – все правоверные, все те,
Что всё кладут, а некуда уж класть.
А я – про Красоту на высоте,
Которая нам не даёт упасть.*

И вот на обед мама подала картошку с огурцами, это вместо помидоров, которые я очень люблю. От этого я так расстроился. Помидоры-то наши, малоархангельские, с нашего огорода. Сами их поливали всё лето, подвязывали к палкам, чтобы не ложились на землю. И каждый день обирали созревшие, с удовольствием ели их – очень даже вкусные.

С удовольствием вспоминаю те дни на даче, в нашем Малоархангельске, когда я ел там свои помидоры. Днём

Игорь Золотарёв

они, бывало, зреют на солнце, вечером мы поливали их из бочки с подогретой водой. И так до самого августа, до конца летних каникул. Обиделся я на маму. Как это она вздумала кормить меня огурцами? Да ещё не своими, а купленными, с Рынка Выходного Дня. Больше не буду помогать ей носить огурцы с этого рынка, мимо моей школы, где ставят мне по истории «четвёрки». Уже второй раз.

Пойду в горсад, взберусь на самую верхотуру, на Колесо Обозрения. Попрошу у него помощи. Колесо это недаром чудесное, волшебное, фантастическое, оно всё может. Даже ноги тёте Лиде помогает лечить, а уж сделать так, чтобы мама помидоры к картошке на стол мне поставила, и подавно. Колесо, колесо, помоги.

В НАШЕМ ПЕРЕВОДЕ ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ «СПЯЩИЙ В ЛОЖБИНЕ» АРТЮРА РЕМБО. А МАМА ПИШЕТ ПИСЬМА В ШВЕЙЦАРИЮ

Наша семья франкоговорящая. Все соображаем по-французски. Мама в университете – преподаватель французского на инязе, я в школе учу тоже французский. Давно, когда папа ещё учился в школе, с четвёртого класса они должны были изучать иностранный язык. У папиной учительницы Анны Васильевны сын погиб на войне. А они с сыном до войны жили во Франции, в Дижоне. И вот Анна Васильевна с сыном в России, в Малоархангельске. Все школьники учили тогда немецкий. И вот в память о погибшем на войне сыне Анна Васильевна предложила папиному классу учить французский язык...

Так вот, мы с папой взяли за французскую поэзию. Стали переводить французских авторов в оригинале, так их читать куда интереснее. Мама делала подстрочники, а

папа переводил поэтически, а я был первый читатель. Папа добивался упорно, чтобы переводы становились фактом нашего языка. Поэты обычно переводят лучше, чем профессиональные переводчики. Поэты создают свой внутренний мир, который помогает лучше проникать в мир французских поэтов. Буквальная точность тут не нужна...

Очень оригинален поэт Артюр Рембо. Его стихотворение «Пьяный корабль» – это как бы продолжение темы «Одиссеи» Гомера. У Рембо путешествие по Европе. Мы с папой перевели ещё и стихотворение «Спящий в ложбине» Рембо. Мама сказала, что мы перевели «Спящего» недостаточно адекватно. Тогда мы взяли и перевели его ещё раз. И ещё. И ещё. До тех пор, пока сонет стал нравиться и нам самим.

СПЯЩИЙ В ЛОЖБИНЕ

*Зелёный дол, куда течёт река.
В траве пожухлой стынут берега.
И солнце; и гора молчит, строга.
Долина вся в лучах не велика.*

*И молодой солдат с открытым ртом
Лежит, весь обнажённый перед небом,
Один, среди волнуемого хлеба,
Весь распростёрт, на ложе спит своём.*

*Шаги в цветах, а он лежит, лежит.
Всё улыбается, как в детстве, дома спит.
И бледен он, и в тело входит холод.*

*От запахов уж ноздри не трепещут.
И рядом два пятна краснеют, плещут.
А он лежит – солдат, который молод.*

Игорь Золотарёв

Мы с папой переводим французов, а мама пишет письма в Швейцарию, тоже французам. Через Клуб интернациональной дружбы мама когда-то завязала переписку с француженкой. Француженки с мужем давно уже нет в живых. И дети их, внуки стали нам как родные. Мы ждём их, когда они приедут в Россию, заедут из Петербурга и к нам сюда, в Орёл и Малоархангельск, в коренную Россию.

Недавно получили письмо от Натали: «Едем! Всей семьёй.» Это значит, что едут они с мужем Ив-Лораном и тремя своими сыновьями: Флорианом, Тибо и Робэном. Это значит, что скоро они будут у нас.

ЮБИЛЕЙ. ВО СНЕ ВИЖУ Я «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ» ЛЕРМОНТОВА. И ПАПУ МОЕГО, ИГРАЮЩЕГО НА СКРИПКЕ

Лермонтову исполнилось 200 лет. Юбилей. И так этим юбилеем мозги мне набило телевидение, радио, газеты, что однажды приснилось, я как будто в Тарханах.

Но Тарханы ведь среди просторов полей, а мне снилось, что я как будто на море. Так чётко и явственно снилось стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий».

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом,
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..*

*Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы, – он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

Проснулся я, лежу и думаю, а как оно дальше-то у Лермонтова, в третьем его четверостишии? Встал и потянулся к книжному шкафу за первым томом и прочитал вслух у Лермонтова:

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

Талант есть талант. Если есть, проявляться он может во многом. Например, Пушкин хорошо рисовал, писал стихи, драмы, прозу, даже роман в стихах написал «Евгений Онегин».

Лермонтов тоже хорошо рисовал, рисунки у него прямо на рукописях. Стал я читать его биографию, узнал, что Лермонтов лепил ещё и скульптуры.

– Папа, – говорю я. – Лермонтов, как крёстный мой дядя Валя Чухаркин, скульптуры лепил. А вот дядя Валя стихи не писал.

– Лермонтов играл и на скрипке, – замечает мой папа.

– А ты? – спрашиваю я его. – Когда-нибудь ты хоть брался за скрипку?

– Со скрипкой в каком-то смысле мне иметь дело тоже пришлось, – улыбнулся папа. – Дедушка мой Герасим Макарыч всю свою жизнь мечтал сделать скрипку мне, своему внуку. Даже его чертёж лежит в Малоархангельске дома у нас, в шкафу... Все три сына дедушкиных делали когда-то гармони, продавали на ярмарке. А дочь его – моя мать, твоя бабушка, в молодости пела в церковном хоре Пятницкого, солисткой была. Так что у нас была семья музыкальная.

– А ты? – спрашиваю я его. – А ты, папа?

– Что я? – отвечает папа. – С четвёртого класса стихи пишу, а с седьмого – песни. А пою – сколько помню себя. В Курск поехал учиться, курским соловьём стал. Пел романсы, арии из опер, неаполитанские песни.

Игорь Золотарёв

В домашней консерватории пели мы с другом дуэты. Я – тенор, он – баритон. Игорь пел и играл на рояле, мог и на скрипке, гитаре... Был я солистом областного профсоюзного хора, пел с хором на сцене облдрамтеатра. Потом друг мой Игорь уехал куда-то в Сибирь, кажется, в Новосибирск, пел в оперном театре... В общем так: я тебе имя дал в честь своего друга Игоря Шевченко. Такое вот русское имя. Написал я после в стихах о тебе:

*Мне это имя – от Руси награда
И вера, что не будет нам конца.
«Князь Игорь», – называла мужа Лада
Ты просто «Игорь» у меня – отца.*

БАБЬЕ ЛЕТО – «ИНДЕЙСКОЕ» ЛЕТО. ВЧЕРА БЫЛО ЗЕЛЕНО, СЕГОДНЯ УЛИЦА ВСЯ ЗОЛОТАЯ

Послушали мы дома на пластинке Джо Дассена, его песню «Индийское лето» и думаем, а как у нас это называется? В сентябре в Орле бывает тепло, как будто продолжается лето. Деревья ещё зелёные, и трава тоже ещё зелёная. По двору труба проложена для отопления. Там и зимой трава зелёная, снег тает от тепла, и трава зеленеет всю зиму.

Пошли мы с папой в Парк культуры – посмотреть, а там как с деревьями? Клёны уже яркие, багряно-пурпурные, они начинают багроветь раньше других деревьев. И берёзы словно от них уже жёлтые. А возле дуба берёзы ещё зелёные. Зелёные они как будто и от травы, которая вокруг дуба. Папа и говорит мне:

– А как берёза, что возле нашего дома в Малоархангельске? Как ты думаешь?

Собрались мы и поехали на автовокзал. Не только на берёзу взглянуть, но и дом проведать, как он там, домик наш, с новенькой крышей? Приехали в Малоархангельск, пришли домой. Стоит наша берёза трёхствольная, как ни в чём не бывало – плакучая, с зелёными ветками. Только чуть желтеет с макушки. В саду трава зелёная, и кусты всё ещё в листьях, зелёные. И сад ещё тоже зелёный.

Посидели мы, попили чайку с бутербродами, провели Васю, я и говорю:

– А давай-ка по улице нашей пройдемся. Посмотрим, как она в центре, до самого Пушкина?

Идём к Парку Героев, а тут туи одна в одну. Всегда ровные, вечнозелёные. У памятника Пушкина ёлки во-круг, тоже вечнозелёные. А берёзы чуть ниже – жёлтые уже, облетать начинают. Пришли домой, сели под яблоню на лавочку, папа и говорит:

– Какая наша улица интересная! Всё есть: и родник близ Адлера, и Центральная площадь, где ёлки ставят к Новому году, и Парк Героев с Вечным огнём, и памятник Пушкину. Деревья всякие, разнообразные. Жёлтые и зелёные, прямо-таки поэзия. Хоть про улицу нашу стихи пиши.

– Папа, стихи писать я не могу, – говорю я. – А зачем тебе писать стихи про нашу улицу, они у тебя уже есть. Прочитай.

Папа взял и прочитал.

РОДНАЯ УЛИЦА

*Золотая улица в мае звонче втрое,
Шумы тополиные входят в каждый дом.
Зацветает улица в утро голубое,
Осыпает голову пуховым дождём.*

*На деревьях – зелено, под ногами зелено,
Ходишь, улыбаешься каждому порой.*

Игорь Золотарёв

*Почему бы улицу за красу весеннюю
Не назвать Зелёною вместо Золотой?*

*Разгоняет солнышко утреннюю просинь,
И душе просторнее в городе своём.
Потому что улица в ласковую осень
Осыпает голову лиственным дождём.*

*На деревьях – золото, под ногами – золото.
Ходишь, удивляешься щедрости такой.
Не за это ль улицу, за красу осеннюю,
И назвали ласково люди Золотой?*

Вот такое время года, когда после лета ещё тепло, как «окно» в природе, люди и называют у нас «бабьим летом».

ОРЛОВСКИЙ ГРАФ С МОНАСТЫРКИ

В нашем большом, девятиэтажном доме в Орле, только в другом подъезде, живёт Володька Сафронов – этакий верзила, но трусоват. Учится он в нашей школе, как и я, тоже в седьмом классе, но в параллельном. И тоже ездит на свою малую родину, в Малоархангельск, там у него бабушка, мамина мама. Хоть и малоархангельские мы с ним, а не очень-то ладим. Так вот, один дружок мой, из нашего класса, напросился поехать со мной в Малоархангельск. А то ты всё хвалишься своей малой родиной, а я ни разу там не был, не видал его удовольствий.

– Ладно, поехали, Федя, – говорю я ему. – Только гляди, кабы физиономию тебе не набили.

– Почему? – отвечает мой одноклассник Фёдор по фамилии Степанов. – Я же смиренный, в драку без разбору не лезу.

– Это всё равно, – говорю я. – У нас там пацаны такие, особенно подгородненские. Чуть что – в морду, особенно новеньким.

Приезжаем мы с Федей в Малоархангельск, попили дома чайку. Повёл я Федю по своей улице, городок наш показываю.

– А вот, – говорю, – в низочке танцплощадка. К вечеру тут музыка играет, танцуют, кто постарше. И пацаны крутятся, наши ровесники.

Приходим мы с Федей сюда к вечеру, когда музыка уже заиграла. Стоим в сторонке, смотрим, кто с кем и кто против кого. Подходит сосед мой Володька Сафронов, толкает в плечо дружка моего Федю Степанова:

– Ну, ты, кореш! Ты из Орла?

– Ну, из Орла, – отвечает Федя.

– А то, – хватает Володька его за грудки. – «Прописку» давай.

– А что это значит? – поворачивается ко мне мой дружок.

– А то, – хватаю я за грудки Володьку Сафронова. – Ты из Орла, но от тебя же «прописки» не требуется.

Володька тут же смотался куда-то ведёт с собой пацанов, целую кодлу и все подгородненские. Мы с Федей стали против них всех.

– «Прописку»! – кричит Володька Сафронов. – Давайте «прописку»!

– Какую «прописку»? – отвечаю я подгородненским. – Он со мной, а я городской, с этой улицы. Кто ж меня тут не знает?

– Я не знаю, – выступает главный у них, заводила. – Я не знаю и знать не хочу!

А Володька Сафронов уже суёт исподтишка ему кирпичину. Заводила размахнулся и хотел со всего маху хлопнуть моего дружка по голове, да сдрейфил. Ударил

Царь Золотарёв

пониже: сначала по плечу, а потом по левой руке. Федя так и осел. Хлынула кровь. Вижу, бежит к нам на помощь Эдик Дорофеев, кричит во всю глотку:

– Наших бьют! Наших бьют!

Осень же золотая, первое бабье лето. От его громового голоса, кажется, сыплются листья и оседают на всю танцплощадку. Подгородненская кодла во главе со своим заводилой драпать отсюда, впереди всех Володька Сафронов.

– Ну, я тебя достану! – кричу я ему. – И в Орле, тогда поглядишь.

– Ты ведь знаешь, где мы живём, – на Монастырке! – вопит им вслед мой дружок Эдик Дорофеев.

Вернулись мы с Федей домой. Кровь хлыщет из раны, рука у плеча распухла. В больницу, что ли, вести его?

– Не надо, – стал перевязывать его Эдик.

Побежал он домой, живёт ведь у нас по соседству, привёл сюда свою мать. Промыла она рану, перевязала как получше, стала что-то шептать.

– Это, чтобы плечо не распухло, – объяснял потом Эдик нам с Федей. – Заговор такой, вроде молитвы... Всё через пару дней как рукой снимет, будет, как ни в чём не бывало. Может, небольшой шрамик останется. Вот, как у меня. Тоже от кирпича...

На другой день к вечеру у нашего домика первым возник Володька Сафронов. Стал извиняться, клясться – божиться, что больше этого никогда не повторится.

– Ей Богу! Не повторится...

Потом одни за одним стали подходить подгородненские. Сначала главный у них заводила, потом все остальные. Мы с Федей молчали. Сидели на скамейке под огромной бабушкиной яблоней, с которой на плечи нам сыпались жёлтые, осенние листья, и ничем не отвечали на все их клятвы и уверения.

На другой день заводила привёл опять своих подгородненских. Теперь они держались кучкой и уже понаглее, не то, что вчера.

– С чего бы? – обсуждали мы с Федей их поведение, когда они все ушли. – Не понять их что-то сегодня.

На третий день рана затянулась. То ли сама по себе, то ли помогли Эдиковой мамы шёпоты и молитвы.

Появился главарь подгородненский, их заводила.

– Были вчера в Орле, на Монастырке, – сказал он совсем нагло. – Граф – наш человек в Гаване.

Уезжали мы в Орёл, думая о том, как будем в школе выкручиваться за вынужденные прогулы. И ещё, конечно о том, кто же такой граф у нас там на Монастырке? Которым нам угрожают. Живём на этой самой Монастырке сто лет, а не знаем, кто же граф у нас? В Орле пришёл встречать нас на остановке Эдик Дорофеев. Нас теперь трое: мы с Эдиком, да ещё Федя, друзья теперь мы не разлей вода.

– Кто это граф-то у нас? – говорю я Эдику. – Как ты думаешь?

– Валентин это, – расхохотался Эдуард. – Брат мой! Граф – кличка у него такая, дворовая. Граф Монтекристо.

– Граф! – рассмеялись мы с Федей. – Валентин, Валька! Друг наш – Монтекристо, орловский граф с Монастырки.

**И ВДРУГ ТАКАЯ БЕДА! НАШ КОТ ВАСЯ
ПЕРЕСТАЛ СО МНОЙ РАЗГОВАРИВАТЬ.
ВОТ ТЕБЕ И ПЕЧАЛЬ, СЛЁЗЫ ДОЖДЯ**

И вдруг откуда-то издалёка в саду прозвучала Эолова арфа. Заморосил дождь. Это было хорошо для наших саженцев, теперь они уже не засохнут.

Игорь Золотарёв

В начале сентября у нас в Малоархангельске День города, учреждённый Екатериной Второй. Он проходит в один день с Москвой. Где-то близко тут, на Центральной площади, дети катались на велосипедах, прыгали на надувных аттракционах, горожане выставляли друг перед другом свои поделки. А у нас дома, в верхнем саду, у низкого, тихого холмика было печально. Наш кот Вася молчал.

К вечеру стали съезжаться люди из деревень, соседних районов. Пили квас и кока-колу, жарили шашлыки, веселились. А тут в верхнем саду, под вишнями, у молчаливого холмика было грустно и даже печально. Наш кот Вася молчал.

Звёзды выступили на небе. Автомашин было уже столько, что они протянулись по улице почти до нашего дома. Скоро грянет салют. Можно смотреть его со двора, но мы с папой вышли за берёзу на середину улицы. Туда же из дома напротив вышел и добрый сосед наш Валера. И тут грянул салют. Такой большой фейерверк, грандиозный, в полнеба, такой яркий, с рассыпающимися шарами, разноцветными брызгами. И на Центральной площади закричали, зааплодировали. Мы пошли в верхний сад, под вишни, к молчаливому холмику. Наш кот Вася молчал.

Мы с папой прислушались. Нам показалось, что где-то раздались звуки Эоловой арфы. А за ней тихо – тихо подаёт голос Вася. А может, это не он, а какой-нибудь кот из соседней усадьбы? А Вася молчал, Вася спал вечным сном. И мой папа сказал в эту тихую, тихую ночь:

– Спи спокойно, наш Вася, защитник нашей усадьбы. Не было больше таких, как ты, и не будет. Всегда будем приходить к тебе, к твоему молчаливому холмику.

Присели мы с папой на лавочку под бабушкиной яблоней, огромной, как эвкалипт. Дождь перестал, салют прекратился. И люди расходились и разъезжались. А на

душе было грустно и даже печально. Впервые у холмика, что под вишнями, наш кот Вася молчал. Впервые мы встречали этот праздник без Васи у себя дома в Малоархангельске.

**И СНОВА МЫ В ОРЛЕ,
В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ. ЭТО «ЧЁРТОВО» КОЛЕСО
ВЗЯЛО И ОСТАНОВИЛОСЬ.
И КАК НАС С ЭДИКОМ СНЯТЬ ОТТУДА?**

Вот и скользнули незаметно летние месяцы. Прошло и первое бабье лето. Прибежал я домой из школы. Только пообедал, ещё даже уроки не делал, как Эдик Дорофеев к нам заявился.

– Слышал? – говорит дружок мой. – Ребята встретились, сказали, что в магазин на Болховской улице книжки новые поступили. Пойдём-ка посмотрим, может, что-нибудь купим.

– Пойдём, – быстро собрался я, и мы с Эдиком ходу в центр города.

А идти туда, известно как: через горсад. А в горсаду, как всегда, налево Колесо Обозрения. Я и говорю Эдику:

– А давай-ка залезем на него, крутанёмся.

Тётя Настя, которая работает на аттракционе, включила электричество, и нас с Эдиком понесло, как всегда, на самую верхотуру.

– Стоп! – кричу я тётё Насте оттуда. – Будем отсюда смотреть на город. За лето в нём хоть что-нибудь изменилось?

Стали смотреть на Орёл. Туда, за Оку, на юг, как всегда, в сторону Малоархангельска, где наша дача и где наш кот Вася лежит у нас там, в верхнем саду, под вишнями. А Эдик и говорит:

Царь Золотарёв

– Ну, хватит, хватит тебе! Давай спускаться вниз поскорее. А то магазин закроют.

Стала тётя Настя включать нам Колесо Обозрения, а оно, это «чёртово» колесо, не включается. Тётя Настя и так, и сяк, не включается. Не включается – и всё. Хоть разбейся.

– Я сейчас! – крикнула тётя Настя. – Сбегаю, позвоню в МЧС. Приедут – снимут вас моментально.

Побежала звонить тётя Настя, нет её и нет, нет и нет. Пришла, наконец, и говорит:

– Скоро эмчезовцы приедут. Враз вас снимут.

Дело уже к вечеру. Дождь пошёл. Мёрзнуть мы с Эдиком стали. Ссориться начали:

– Это ты меня в магазин позвал, – говорю я дружку своему.

– А ты заманил меня на это «чёртово» колесо, – той же монетой отвечает мне Эдик.

Наконец, приехали двое из МЧС. Стали толкать колесо, а оно ни с места. Даже скрипу никакого. Ни с места, и всё. «Чёртово» колесо! По мобильнику вызывают подмогу. Приехали ещё трое из МЧС. Впятером стали толкать объект приложения сил – Колесо Обозрения. А оно никак опять-таки ни с места. Даже скрипу никакого не подаёт. Мы кричим им сверху:

– Что ж нам до утра тут сидеть, от холода околевать?

– Небось, не околееете, – отвечают снизу нам эмчезовцы. – Выручим.

И опять за мобильник свой, опять вызывают подмогу. Приехали на мотоцикле ещё двое. Толкают они, толкают Колесо Обозрения, это «чёртово» колесо, а оно всё не крутится. Вся дежурная смена тут, уже некого вызывать.

– Не МЧС, а «чмо» какое-то, контора шарашкина, – ругается тётя Настя.

– Мы говорим, чтобы кадры не сокращали, – отвечают ей эмчезовцы, – а они всё сокращают и сокращают.

Зато, говорят, вам зарплату повысим. И зарплату не повышают.

– За что повышать-то? – упрекает их тётя Настя. – За такие дела?

И тут видим мы с Эдиком со своей верхотуры, мальчик маленький, лет пяти, с мамой идёт по горсаду. Подбежал к эмчезсовцам, встал в очередь, в конец всей их семёрки, упёрся руками в последнего, поднатужился, колесо скрипнуло и пошло вверх, закрутилось. Слезли мы с «чёртова» колеса на землю и спрашиваем мальчика:

– Как зовут тебя, мальчик?

– Вася.

– Какой хороший, замечательный мальчик! – радуемся мы с Эдиком Дорофеевым Васе. – Просто удивительный мальчик. Как из русской народной сказки.

– Молодец! – говорю я Васе, а сам хлопаю его по плечу. – Ты как наш Вася.

– Как Василий Иванович Чапаев, – улыбается Эдик. – Мальчик с пальчик, палочка – вырчалочка.

И пошли мы с Эдиком, дружкойм моим, к нам домой есть яблоки, привезённые из Малоархангельска, восстанавливать дружбу.

ДЛИННОНОГАЯ ПОЖАРНАЯ ЛЕСТНИЦА ТЯ- НЕТСЯ – ТЯНЕТСЯ ВВЫСЬ, ДО САМОГО НЕБА

Мы с Эдиком Дорофеевым ходим теперь, как обычно, в книжный магазин, что на Болховской улице. И ходим, как обычно, через горсад, через Парк культуры, однако мимо «чёртова» колеса. Эдик и не смотрит на это «чёртово» колесо. А я, как обычно, смотрю с него и что вижу? Возле «чёртова» колеса стоит длинная-длинная пожар-

Игорь Золотарёв

ная лестница, прислонённая к огромной липе с шершавой корой. И тянется эта лестница аж до самого неба. Подхожу к тётке Насте и спрашиваю:

– А зачем здесь, скажите, эта пожарная лестница?

А тётка Настя мне отвечает:

– Это когда колесо остановится, как в прошлый раз. Будете слезать с Колеса Обозрения по этой пожарной лестнице.

Вот пошли как-то раз мы с Эдиком в книжный магазин, что на Болховской улице, и купили там «Приключения Робинзона Крузо». Возвращаемся, идём обратно через горсад. Я, как всегда, смотрю на Колесо Обозрения и говорю:

– А давай-ка, Эдик, залезем на это «чёртово» колесо и почитаем там новую книжку про Робинзона Крузо.

Залезли мы на него и стали читать то самое место, где написано про то, как Робинзон построил в скале дом, завёл коз, на плече у него сидел попугай и жила ещё кошка у Робинзона. И стал Робинзон выращивать хлеб в колосьях неподалёку от скалы на этом необитаемом острове.

Однажды Робинзон привёл к себе в дом спасённого им туземца Пятницу, и они стали жить уже вместе. Со своей скалы Робинзон смотрел в подзорную трубу далеко-далеко в море. И вдруг он увидел плывущий корабль под белыми парусами... Как я иногда смотрю в дедушкин артиллерийский бинокль далеко на юг, на море зелёных полей до самого Малоархангельска, так и Робинзон увидел в свою подзорную трубу парусник, подплывающий всё ближе и ближе к острову, где жили они с Пятницей...

– Как мы с тобой, Эдик, – заканчиваю я свой рассказ дружку своему.

– И кто же у нас Робинзон, а кто Пятница? – задаю я Эдику очень важный вопрос...

– Робинзон я, конечно, – отвечает мне Эдик. – А ты – Пятница...

– Ну хватит, хватит вам спорить, – подаёт голос снизу тётя Настя. – А то отключу электричество, как хотите потом спускайтесь.

– Ничего, ничего, Эдик, – говорю я дружку своему. – Видишь, рядом эта длинная – длинная пожарная лестница, вот по ней мы и спустимся вниз. И пойдём мы с тобой, Робинзоном и Пятницей, по зелёному берегу в золотых берёзовых листьях, куда нам с тобой нужно. До своего обитаемого острова, до города Малоархангельска.

**ЖИВЁМ В ОРЛЕ И ВСПОМИНАЕМ
ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ ЛЕТО КРАСНОЕ
И СВОЕГО НЕЗАБЫВАЕМОГО, СЛАВНОГО КОТА
ВАСЮ, КОТОРЫЙ У НАС ЕВРОПЕЕЦ, ЛЮБИ-
МЕЦ, ГОВОРЯЩИЙ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ
(НА СВОЁМ КОШАЧЬЕМ, НА НАШЕМ РУССКОМ
И НЕМНОГО НА ФРАНЦУЗСКОМ, НА КОТОРОМ
ГОВОРИЛА С НИМ ИНОГДА НАША МАМА)**

Мы живём снова в Орле, вспоминаем лето, где у нас в Малоархангельске лежит под молчаливым холмиком наш кот Вася. Я про себя разговариваю с Васей, папа читает стихи о нём, написанные когда-то:

– Европейец, любимец наш кот,

Посмотрите, как важно идёт...

А Вася не подаёт теперь голоса, не идёт, как бывало, в руки ко мне, какой месяц лежит он под вишнями, которые шелестят, шелестят над ним. Вася у нас человек. Вася умел говорить на трёх языках: по-своему, по-кошачьи, по-

Царь Золотарёв

русски хорошо понимал, что говорил я ему. Иногда наша мама разговаривала с ним по-французски.

Мы с папой в Орле ждём субботы, когда поедем обратно к себе туда, в Малоархангельск, на свою малую родину, проведем наш дом и нашего Васю.

Идём мы с папой как-то через соседний двор и видим, как мальчик Вася, который сдвинул тогда «чёртово» колесо, гуляет с бабушкой. Подошёл я к нему, поздоровались за руку, говорю:

– Мальчик Вася, а кот есть у тебя?

– Нет, – отвечает мне Вася.

– А дача?

– И дачи нет, – отвечает Васина бабушка.

Тогда мы с папой говорим Васе и его бабушке:

– Поедьте к нам на дачу в Малоархангельск. Наберём вам яблок целую сумку, покажем фотографию нашего любимого кота Васи, она лежит там у нас на столе.

– Хорошо, сказала Васина бабушка, – отчего не съездить? Можно и съездить. Съездим, Вася? – наклонилась ласково бабушка к внуку.

– Конечно, конечно, – закивал Вася, этот удивительный, просто замечательный мальчик.

И вот мы с папой ждём не дождёмся, когда наступит суббота, чтобы ехать вчетвером, всем вместе домой к нам, в Малоархангельск. Покажем мальчику Васе фотографию нашего любимого кота Васи, – любимчика, члена нашей семьи. «Поскорее бы наступила суббота, – думаю я, – скорее бы туда, в наш гефсиманский сад, где в правом верхнем углу шумят невысокие вишни над тихим молчаливым Васиным холмиком».

ВСЁ НЕ ТОЛЬКО У КОТА ВАСИ, НО И У ПТИЦ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, КАК У ЛЮДЕЙ

И вот мы с папой в Малоархангельске. Грачи, которые почти всё лето сидели на высокой берёзе перед нашим домом и наблюдали за огородом, вдруг делись куда-то. Но куда? Обычно они вили гнёзда на деревьях в Парке Героев, подальше от Вечного огня. Когда деревья спилили, грачи переселились на Подгороднюю. И теперь грачи с Привольевского пруда летают на поля за Подгородней другим маршрутом. Пролетают как раз над нашим огородом, над нашей усадьбой.

Мы с папой садимся на скамейку под огромной бабушкиной яблонью, и теперь уже не грачи за нами, а мы отсюда наблюдаем за ними. Грачи летали от пруда сначала то по одному, то по два, то по несколько штук, а теперь уже большими косяками пролетают над нами то в одну сторону, то в другую.

– Гляди-гляди, – говорит мне папа, – с утра они перелетели на пруд, к водичке, чтобы попить. А сейчас летят за Подгороднюю, в поля, к зерну, чтобы поесть.

– Прямо над городским хлебозаводом пролетают, – замечаю я папе. – Умная птица – эти грачи.

– Ещё бы, – отвечает мне папа. – Хлебозаводом, хлебом печёным пахнет. Вот они над ним и пролетают.

– То водички попьют, то хлебушка понюхают, – говорю я папе. – Какие умные они, эти грачи.

В конце августа, ближе к осени, грачи опять изменили свои планы: стали летать прямо над центром города, над Парком Героев. Кружатся и кричат, кружатся и кричат.

– Как ты думаешь, почему? – спрашивает меня папа. – Почему летают грачи над Парком Героев?

Царь Золотарёв

– Наверно, потому, – отвечаю я папе. – Деревья тут были, пока не спилили. Вот грачи и кружатся над тем местом, где были их гнёзда.

– Молодец! – говорит мне папа. – Догадливый. Летают они над тем местом, где родились. Родину помнят... Это они потому тут летают, а кричат почему?

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – А почему? Может быть, так выражают протест, что деревья им спилили, гнёзда убрали?

– Вот-вот, – говорит папа. – Ближе к теме, но не совсем.

– А что же совсем близко к теме?

– В стае грачей появились грачата. Старые грачи молодёжь обучают. Отцы и дети.

– Ишь ты, какие умные, эти грачи, – говорю я папе. – Всё у них, как у людей. А чему они их обучают?

– Подумай получше, – говорит мне папа. – Пораскинь мозгами. Дело к зиме, чему бы, например, я тебя обучал? Куда мы отсюда на зиму отправляемся?

– Как куда? В Орёл, на зимнюю квартиру, – отвечаю я папе.

– Вот и они, мой дорогой, – отвечает папа, – отправляются на зиму туда, где потеплее, – на юг. Ближе к Крыму. Соловьи улетают и вовсе в Египет.

– Такие маленькие и так далеко улетают. Перелетают даже через Чёрное море. И откуда хоть силы берутся.

– Заметь, – говорит мне папа, – птичка – невеличка, а сила большая. Ну, и почему каждый раз возвращаются?

– Гнёзда тут у них, – догадываюсь я. – Тут у них Родина. Любовь к Родине силы им придаёт.

– Молодец, – хлопает по плечу меня папа. – Смотри, скоро грачиная стая снова изменит маршрут. Тоже на юг за город пролетят и вернуться, пролетят и вернуться.

– Молодых обучают, – догадываюсь я. – Отцы и дети. Предзимье скоро. Пора грачам улетать.

– Молодец! – говорит папа уже в третий раз.

А Бог любит троицу. Что-то стоят ведь папины слова. Так и сидим мы с ним на скамейке под огромной бабушкиной яблоней. И слышим с улицы, что повыше нашей, звонкие детские голоса. Там школа, где папа когда-то работал, а я полгода учился, когда наша мама уезжала на юг куда-то, по-моему, в Пятигорск из Орла, из своего института, на стажировку.

Всё, оказывается, у птиц, как у людей, а у людей как у птиц.

В МЕСЯЦЕ ЧЕТВЁРТОМ – ПОД КОЛЕСОМ ОБОЗРЕНИЯ. ПРЕДЗИМЬЕ

МЫ С МАЛЬЧИКОМ ВАСЕЙ ЕДЕМ НА НАШУ МАЛУЮ РОДИНУ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСК. ПРОСТО ТАК И ПО ВСЯКИМ ДЕЛАМ

Пошёл я в книжный магазин, что в Орле, за Центральной площадью, на улице Болховской. Прохожу назад через горсад, по привычке смотрю на «чёртово» колесо, а оно не работает. И тёти Насти нет. И вообще залезать на верхотуру не хочется: ветер свистит, особенно там, наверху, уже холодно, снежок иногда перепадает. Предзимье же, могут быть и морозы.

Попили мы дома с папой чайку, оделись как потеплее и айда на автовокзал. Пошли мы на остановку через соседний двор. Смотрим, а мальчик Вася с бабушкой уже ждут нас, тоже тепло одетые. И пошли мы все вчетвером

Игорь Золотарёв

на троллейбус. Он подъезжает на площади совсем близко к автовокзалу.

Сели мы на колпнянский автобус, едем в Малоархангельск, Вася смотрит в окно и спрашивает меня:

– Чего это по сторонам такое зелёное?

– Это поля, – говорю, – хлеба посеяны под зиму. На тот год у нас будут ржаные лепёшки.

Приехали мы в Малоархангельск, пришли домой. Затопили газовую печку. Стало тепло, совсем хорошо. Пошли усадьбу смотреть. Проведали в правом верхнем углу, под вишнями, нашего кота Васю. Нарвали прямо с яблонь яблок целую сумку. Вернулись домой. Папа нажарил картошки, поставил миску с огурцами и помидорами, выращенными нами тут на огороде. Проводили гостей на автостанцию и вернулись домой.

А на следующий день всяких дел у нас было полно. Надо было вскопать землю для грядок под чеснок, расщепить чесночины, посадить их по четыре бороздки и укрыть картофельной ботвой, чтобы чеснок зимой не вымерз, как в прошлом году. Потом взялись поливать молодой сад – саженцы, чтоб не засохли, в том числе и «Русскую красавицу» – мамину грушу. И старый сад – матёрые, высоченные бабушкины яблони – «эвкалипты». А сорта у нас, что надо, старинные: и антоновка, и «штрифель». Пришли домой, папа спрашивает:

– Ну, что будем вечером делать? Читать «Приключения Робинзона Крузо» или фильм про него посмотрим?

– Книга хорошая, – отвечаю я. – Да и фильм снят хорошо. Сначала книгу дочитаю, потом, папа, покажешь на видеомагнитофоне мне Робинзона.

Сел я в кресло, что под ковровой иконой «Казанской божией матери Богородицы», и так тут приятно мне стало, так тепло в родном-то, намоленном доме. Смотрели мы фильм до позднего вечера и спать легли поздно. И спали всю ночь хорошо, даже замечательно.

**А УТРОМ МЫ С ПАПОЙ ВСТАЛИ ЛЕГКО
И ПОШЛИ К ПАМЯТНИКУ ПУШКИНУ,
ПОД КОТОРЫМ ЛЕТОМ МЫ ОТМЕЧАЕМ
ЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ДЕНЁК БЫЛ ТЁПЛЫЙ,
НЕБО СИНЕЕ-СИНЕЕ, И МЫ ЧИТАЛИ
ПУШКИНУ ЕГО И НАШИ СТИХИ**

А утром мы встали легко. Убрали сковородку и миски с огурцами и помидорами. Папа и говорит:

– Зря мы не сводили вчера гостей к памятнику Пушкину, тоже ведь близко, на нашей улице.

– Так пойдём сейчас сходим, – говорю я. – Лучше поздно, чем никогда.

И мы пошли туда, к Пушкину. Приходим, поклонились ему, а за памятником – детский парк, дети играют. Позвали мы их. Прибежали трое. Смеются, весёлые такие, и говорят:

– Мы летом тут уж читали стихи Пушкина.

– Хорошо, – отвечаю я им. – А теперь я почитаю.

ПАМЯТНИК

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

– Слышали такие стихи? – обращаюсь я к детям.

– У меня в книжке есть, – говорит один из них. – Я в ней читал.

– Молодец! – хлопаю я его по плечу. – Редкочитаемые. – Я обращаюсь к папе. – Почитай свои стихи из «Пушкинианы».

А день тёплый, небо синее-синее. И папа мой начал читать свои стихи про позднюю осень.

Игорь Золотарёв

*Нет, не утратил назначенье
Поэт под золотым венцом,
Под сень берёз, под их свеченье,
Так и живём. К судьбе лицом.*

*И Русь мне в памяти благой,
И Пушкин с нами, тут, на воле.
И листья шелест под ногой,
А золото в душе – в глаголе!*

*Божествен! В речи навсегда.
Хоть не кинжал – разит, питает,
Как первый снег, что нежит всех,
И вроде есть, и вроде тает.*

Прочитал папа это стихотворение. Захлопали дети в ладоши. И говорят, а у нас вот он... тоже поэт, тоже пишет стихи.

– Хорошие? – смеётся мой папа. – Приходите, ребята, как всегда сюда в День рождения Пушкина. И ты, юный поэт, прочтёшь всем свои первые, самые заветные строки.

ЛЕТОМ В ОРЛЕ СОБИРАЕМСЯ К СЕБЕ ТУДА, К СВИРИСТЕЛЯМ, В ПОСЁЛОК СИНЯЕВСКИЙ. ЕДЕМ ЗА ОКОЛИЦУ МЦЕНСКА ДО САМОГО ПОДБЕЛЕВЦА

Ещё с весны хотелось мне съездить в посёлок Синяевский, к свиристелям на нашу прежнюю дачу. Но вот наступило лето, подошло время Фетовского праздника поэзии «За околицей», от Мценска в сторону Подбелевца. С утра пораньше поехали мы с папой на автобусе по Подбелевской дороге, доехали до Алёшненского поворота, вышли на оста-

новке. До посёлка километра три пешком. Поднялись мы на бугор, у Аренового леса, и перед нами раскинулся такой вид на село Высокое, что закачаешься. На заливные луга, на речку Алешню, внизу, посёлок наш жмётся к залесённым дубом и берёзой буграм. Красота! Недаром те, кто побывал в этих местах, называют их «орловской Швейцарией». Сюда к нам приезжали когда-то французы из бунинского Грасса.

Наш дом на самом краю посёлка, под двумя огромными берёзами. Оглядели мы свою деревенскую хату. Покопался папа в книжках, оставленных тут, в подписных журналах, положил в сумку опубликованные в них произведения Шиллера, Конан Дойля, Леблана, каких нет дома в собраниях сочинений. И тут же полетели мы за грибами в соседнюю рощу, папа у нас же грибник. Походили по грибным местам, посмотрели грибы под берёзами вдоль овражка. И пошли через суходол в лес – крупняк. Там грибов обычно бывало больше. Перешли в орешник. Там папа набирал орехов стаканов по двести. Тут белые грибы были вроде бы покрупнее. Сухоруков Коля, сосед, первым, бывало, узнавал про грибы и кричал издали моему отцу:

– Михалыч! Лисички в осиннике появились...

На другом конце посёлка дом – коттедж деревянный – построил себе артист Василий Семёнович Лановой, жена у него тоже артистка Ирина Петровна Купченко. Там же, на том краю, живёт и Рая Сухорукова. А теперь посёлок опустел. Нижняя дорога заросла тёрном, шиповником, не протолкнёшься. Кто-то умер, кто-то уехал в Москву или Мценск. Не стало тёти Вали Ушаковой, потом её мужа дяди Васи. Проехать можно туда, на тот конец, только верхней дорогой. На том же конце посёлка дом добротный, бревенчатый Тихоновых, там они и живут – дядя Ваня и тётя Нюра – крестьяне, наши друзья.

– Папа, раньше ты тут в три дня выкашивал всё вокруг своего дома, – говорю я отцу. – А теперь такой бурьян, что и за неделю не выкосишь.

Игорь Золотарёв

Посидели мы дома после грибной-то охоты и пошли к дяде Ване и тётке Нюре в гости. Приходим к ним, а тётка Нюра лежит на диване сама не своя, болеет, дядя Ваня печку топит. Раньше скотины всякой у них был полон двор: и корова, и даже лошадь. Сейчас только козы. Да куры, да два петуха. Да собака, конечно.

Так обрадовались они нам – Нюра с Иваном, давно не виделись. Приподнялась тётка Нюра и давай рассказывать, пересказывать всё о жизни своей, о родне, каких все мы хорошо знаем. Одна радость теперь у Тихоновых: когда приезжают к ним внуки. Ну, ещё телевизор, мобильник, чтобы Володьке, Лене звонить.

Угостил нас дядя Ваня козьим молоком. Поговорили мы с тёткой Нюрой по душам, не хотели с ней расставаться, обещали приехать сюда на недельку. Обнялись мы на прощанье, дядя Ваня проводил нас до ракиты, а тётка Нюра вышла за порог, и всё махала, махала рукой нам, словно прощалась навечно.

ПОДЪЕЗЖАЕМ ОТ ПОДБЕЛЕВЦА К ФЕТОВСКОЙ ПОЛЯНЕ, А БОЛЬШОЙ ЯРКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ УЖЕ ПРОШЁЛ, И СОСТО- ЯЛАСЬ ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧОМ ТОЛСТЫМ. НА РАЙОННОМ ПРАЗДНИКЕ «ЗА ОКОЛИЦЕЙ» МЦЕНСКА ФЕРМЕРОВ НАГРАЖ- ДАЮТ ПОЧЁТНЫМИ ГРАМОТАМИ, КНИГАМИ, ДАЖЕ АВТОМОБИЛЯМИ

Подъезжаем мы от Подбелевца к Фетовской поляне. Остановка направо, а налево барельеф – Афанасий Афанасьевич Фет. Тут теперь читают стихи поэты. За Фетом просторная поляна, где когда-то проходили Фетовские праздники и далее в Новосёлках был дом, где родился

поэт. Но никого у барельефа уже нет, праздник поэзии прошёл. Вместе со всеми мы перешли направо – на нижнюю большую широкую Фетовскую поляну. По левую сторону, у самых берёз, протянулись все 18 мценских подворий. Играли гармоники, выставляли угощения, изделия своего ремесла. А справа на сцене выступали с речами, награждали Почётными грамотами, книгами, дарили даже автомобили. Ещё дальше играли в волейбол и футбол. В общем, всё кипело народом и праздновало. Смотрим, а навстречу нам идёт кучка людей. Подходят ближе знакомые из районного отдела культуры и говорят моему папе:

– Познакомьтесь, это Владимир Ильич Толстой, родственник Льва Николаевича.

Пожали Толстой с папой руку друг другу.

– Кстати, – сказал отец мой Толстому, – хотел бы подарить вам, Владимир Ильич, свою книгу с очерком «У Толстовского родника». Про то, как я застал в живых крестьян, знававших Льва Николаевича. Помнили, как в Кочетах Лев Толстой с Душаном Петровичем устраивал крестьянскую свадьбу... Подарил бы книжку, да нет со мной, не захватил.

– Ну, что ж, – ответил Владимир Ильич, – когда-нибудь в другой раз.

– Приезжайте на тот год, – попрощались мы с ним.

Шли мимо подворий, избытка машин, множества современников. Все здоровались не только с Владимиром Ильичом, но и с моим отцом, что сразу было замечено праправнуком.

Это тоже было как чудо. Праздник в Новосёлках оставил у нас незабываемое впечатление. До самого Орла ехали мы в автобусе, и на душе было легко и свободно, как будто встретились мы в Новосёлках с самим Львом Толстым.

**В ОРЛЕ. В ГОСТЯХ У НАС МАМИНА ТРОЮРОД-
НАЯ СЕСТРА ТЁТЯ РАЯ. РАЗГОВОР О ЕЁ ВНУ-
КАХ С ФИНАНСОВЫМ ВОПРОСОМ**

Мамина троюродная сестра тётя Рая приходит иногда к нам в гости. Или звонит по мобильнику. Любит с нашей мамой в трудный час посоветоваться. А сейчас у тёти Раи как раз такой трудный момент. Есть у неё дочь Надя, Надежда. А у Нади два сына: старший – Вадик, а младший – Миша. Надя уехала в Москву, поехала к старшему сыну Вадику, когда он учился ещё в Суворовском училище, теперь он уже в институте. А Миша всё это время тут.

После четвёртого класса в школе ему говорят: «Миша, ты должен жить вместе с мамой. Такое есть постановление». И Миша уехал в Москву к своей маме, и бабушка его тётя Рая осталась одна. Скучновато, конечно, без Миши, хоть и полегче, заматал её непоседливый Миша.

Приезжает Надя к своему Дню рождения где-то в начале декабря и говорит своей матери:

– Комната одна, а живём теперь втроём. Вадик стоил денег, а теперь ещё и за Мишу плати. Много надо чего. Это Москва. Приходит как-то Вадим ко мне и говорит: «Мама, дай сто тысяч, отдохнуть поеду в Египет». Помнишь, мама, кое-как набирали, мы с тобой суммочку. Теперь Миша приходит и просит пятьдесят тысяч на спортивную школу и на мобильник, на что-то ещё...

Да вы что, сыночки вы мои дорогие, ай белены объелись? Где же я вам возьму? Потихоньку отстали, перестали просить. Но что-то затеяли, а что? Не пойму. Какую-то перестройку.

– Ко мне, – говорит Наде тётя Рая, – к бабушке своей скоро, наверное, приедут.

А пока так: приходит Вадик на днях и заявляет Наде: «Невеста у меня появилась, хочу жениться».

Потом снова Миша приходит: дай опять пятьдесят тысяч, тренер собирает на поездку в Италию... Ну, что делать Наде с такими сыночками? Как ты думаешь, что нам с Надей делать-то, с ребятами этими?

Сидели-сидели, думали-думали троюродные сестрицы, потом наша мама и говорит тётё Рае:

– Со старшим полегче. Как это «дай сто тысяч – буду жениться»? Положи диплом на стол, встань на ноги, тогда и женись. Помнишь, французы приезжали из Швейцарии? Так вот, мама их – Натали одного из трёх, самого младшего и способного, определила в спортивную школу, станет Робэн профессиональным спортсменом. Так ему за всё государство оплачивает. Вот и скажи Мише: будешь учиться, как Робэн, будут у тебя успехи, всё тебе в спортивной школе оплатят. А нет – дома сиди. А не клянчи у бабушки...

А на днях звонит тётя Рая нашей маме по мобильнику:

– Как ты и предвидела, Миша приехал. Соседка из Москвы Мишу ко мне сюда привезла. Денег просит Миша на Италию.

– Может, жениться собираешься? – говорю я ему. – Как твой брат Вадик.

– Что ты, бабушка, – говорит Миша. – Жениться мне ещё рано, но деньги нужны. То на то, то на другое. Это Москва. А денег мы с братом попросить у мамы стесняемся. Денег у неё таких нет.

– А у бабушки? – говорит ему тётя Рая. – Где возьмёт тебе бабушка?

– Ты, бабушка, на базаре торговала, – говорит Миша, смыслённый мальчик такой. – Наторговала, небось, на миллион...

– Как ты думаешь? – обращается ко мне тётя Рая. – Что бы ты сказал насчёт денег Вадиму и Мише?

Игорь Золотарёв

– Насчёт денег? – тяну я времечко. – Вадиму и Мише? Пусть попросят Миша у Вадима, а Вадим у Миши, что получится?

– Ноль, – улыбнулась нам тётя Рая. – Где возьмут они такие деньжищи?

– Ноль, – сказал и я тёте Рае.

– Вот что я им и передам от тебя. Положите диплом на стол, тогда и женитесь, – рассмеялась мамина троюродная сестра тётя Рая. – Дипломы на стол!

И ОПЯТЬ ПУШКИН. СТИХИ «19 ОКТЯБРЯ». С УТРА ЗВОНЯТ НАШЕЙ МАМЕ ДО САМОГО ВЕЧЕРА, ПОЗДРАВЛЯЮТ ЕЁ С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ

Утро. Звонок в дверь. Это сосед наш Толик Шилиев, поэт, член Союза писателей. И живёт он в нашем доме, в соседнем подъезде. Поэт всегда первым поздравляет нашу маму с Днём рождения, совпадающем с Пушкинским Днём и читает пушкинские стихи «19 октября».

Друзья мои, прекрасен наш союз!

Он, как душа, неразделим и вечен.

Мама выносит ему стопарик. Поэт уходит в Союз писателей, в Бюро пропаганды художественной литературы. Целый день к нему будут приходить поэты и прозаики. К вечеру он будет хорош.

После Анатолия Степановича начинают раздаваться телефонные звонки. Один за другим, иногда парами, одновременно – по мобильнику и по простому телефону. Сначала звонят мамини подруги. Одна, самая близкая, из Подмосковья. Вторая, самая близкая, из Питера, говорит долго, как и пишет, долго читать:

– Люсенка, я послала тебе письмо с поздравлением. Всё описала: и про квартиру свою, и про своих мальчиков. Спрашиваю у тебя совета... Вот сестричка моя стоит у телефона, тоже тебя поздравляет...

Начинают звонить подруги из Малоархангельска. Это подруги, которых мама учила французскому в школе, а потом в университете. Потом звонят подруги с кафедры университета, потом с других кафедр, даже с других факультетов. Потом начинают звонить бывшие студенты из Франции (Лион), из Голландии (Роттердам). Вперемежку с ними звонят мамы родственники из тульской Узловой, там у мамы три сестры, ещё одна звонит из Архангельска. Потом начинают звонить племянники из Узловой, из Москвы, родственники из Орла. Потом начинают звонить папины родственники из Москвы, из Западной Сибири (Томск), из Восточной Сибири (Чита), из Нижегородской области. «Широка страна моя родная», – нараспев говорю я маме. А сам пишу, записываю, от кого звонки и когда. Наконец, звонит Натали из Швейцарии:

– Шер Люси, я уже дома. Мы все вспоминаем тебя, твою семью, ваш чудесный городок Малоархангельск. Я послала тебе посылочку, в неё все трое ребят – детей моих – вложили открытки. Робэн нарисовал картину, увидишь. По-моему, это очень симпатично... Вот они, сейчас будут поздравлять тебя с Днём рождения.

Первым говорит с мамой самый младший – Робэн, потом говорит средний – Тибо, затем говорит старший – Флорьян. Завершает телефонный разговор сама Натали:

– Большой привет и поздравления тебе, Люси, от Ив-Лорана. Передай привет вашему замечательному мэру вашего прекрасного городка. Передай ему, что я, как и обещала, высылаю в мэрию посылочку со швейцарским шоколадом и швейцарским сыром.

Игорь Золотарёв

Уже совсем поздно. Ночь. Звонок Натали был последним.

– Ну-ка, сколько у нас сегодня поступило звонков? – спрашивает мама.

– Тридцать три, – отвечаю я ей.

– А в прошлый раз?

– В этот раз на два звонка больше.

– Значит, на двух друзей у нас стало больше, – улыбается мама.

– Да, мамочка, больше, – говорю я. – Давай я позвоню тебе из своей комнаты. Звонков станет тридцать четыре.

И с папой мы читаем лицейские стихи Пушкина, которые так и называются «19 октября».

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.*

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ФИАЛОК В ГЛАВНОЙ, БУНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ОРЛА

Мама пришла и сказала:

– На двери библиотеки Бунина, сама видела, висит объявление: «Праздник фиалок в Орле. Принимают участие другие города России».

Тут же все втроём мы собрались на праздник. Идём через Парк культуры. Проходим мимо Колеса Обозрения. Папа, как обычно, глянул на него:

– Что-то колесо какое-то сумрачное.

– Ноябрь же, поздняя осень, – говорю я ему. – Дни короткие, ночи холодные. Скоро повеселеет, станет всё белое, когда выпадет снег.

Пришли мы в «Бунинку», поднялись на верхний этаж, где в читальном зале проводятся презентации. Как только вошли, тут же замерли: такой восторг природы, такая красота! Фиалки – синие, голубовато-розовые, в красно-белую крапинку. Они источают тонкий, едва уловимый, изумительный аромат, присущий только фиалкам.

Мы пошли по залу с фиалками слева. Женщина – цветовод рассказывала о своих любимых цветах, о фиалках:

– Я из Орла, живу в двухкомнатной квартире, одну комнату я оставляю фиалкам. Пусть вольно им будет, легко у меня жить и дышать.

Посреди зала мы остановились. Фиалки откуда-то из Подмоскovie. Голубовато-синие, бело-красные – невероятной окраски.

– Всё отдам за фиалки! Развожу, вывожу новые сорта, – сказала хозяйка цветов. – Купите фиалки, они украсят всю вашу жизнь.

Справа, у самого выхода, были изумительные, роскошные, просто чудо – фиалки. Самые красивые, самые нежные. Тут же были выставлены и продавались плетёные плоски, лукошки, деревянные ложки и даже плетёный самовар. Самовар мы уже купили когда-то, и он был у нас на даче в Малоархангельске. И вот мы купили тут плоску с фиалками. И почувствовали: у этой хозяйки они были самые-самые, просто лучше их не было во всём этом зале.

– И во всём Орле, – сказала нам женщина. – Во всём орловском обществе цветоводов.

Вышли мы из библиотеки, завернули фиалки в газету, чтобы не замёрзли. Идём по горсаду, дошли до Колеса Обозрения, а папа и говорит:

– Что ж мы плетёный самовар-то не купили?

– Так у нас уже есть. В Малоархангельске, – сказала мама.

Игорь Золотарёв

– Это как книги – ответил ей папа. – И тут, и в Мало-архангельске должны быть обязательно.

– Как бы кто не купил! – воскликнула наша мама и бросилась в библиотеку.

Поставили мы самовар в моей комнате как повыше – на «Вегу», на которой мы иногда крутим пластинки. А фиалки оставили на столе. Утром встали, любимеся, папа и говорит:

– Хороши! Подарить надо хорошему человеку. Кто приносит пользу людям.

– Врачу, – тут же сказала мама. – Пойдём в поликлинику и подарим врачу.

Пошли, подарили. А врач спрашивает:

– Праздник, что ли, сегодня какой?

А я ему и говорю:

– Не какой-то, а великий праздник! Праздник красоты!

Папа поставил плошку с цветами на стол:

– Красиво? Мы принесли вам эту фиалку. Вы – хороший врач, вы отдаёте всю душу людям, нежной фиалке будет у вас хорошо.

КИТАЙСКИЙ «БУМБОКС». ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА

Павлу Абрамову

На День рождения мама подарила мне компакт – диски: Иннокентий Смоктуновский читает «Евгения Онегина» Пушкина, а другой актёр Анатолий Кторов читает «Грамматику любви» Бунина. Мне сразу же захотелось поставить Пушкина на «дивиди», поставили – не читает. Стали осматривать компакт – диск повнимательнее, видим, что надо читать его на «сиди». Есть у нас такое

приспособление, называется магнитола, по-другому «бумбокс», который мама привезла когда-то из Франции и который мы давно не включали. Пользуемся «дивиди», компьютером, интернетом.

Снова перевели на «сиди» компакт-диск о Пушкине – не работает. Мы и так, мы и сяк. Не работает, и всё тут. Что делать? Отец сказал:

– Давайте попробуем в «бумбоксе» аудиокассету перевести на магнитофон.

Нашёл я джаз Армстронга. Диск закрутился, раздались красивые звуки трубы из «Порги и Бесса» Гершвина.

– Работает! – обрадовались мы с отцом.

Переключаем на компакт-диск. Ставим туда «Порги и Бесс» – работает. Замечательно! Берём и ставим другой компакт-диск «Евгения Онегина» Пушкина – не работает. Молчит, как пробка. Ну и ну! Американскому Гершвину служит, а нашему Пушкину не хочет служить.

– Ишь, какой вредный! – говорит отец.

– Так мама его из Франции привезла, – говорю я.

А отец пригляделся к нему как получше да и говорит:

– Глянь-ка, он же китайский, свои вроде бы, а не читает. Не читает, и всё. Хоть убейся. Зря, что ли, купила мама их, эти диски Кторовы и Смоктуновского. Не хочет понимать диски этот «бумбокс»...

И тут звонок в дверь. Пришёл друг семьи Павел Иванович, который своим приходом прервал все наши мученья. Пошли все мы к столу, подняли первый тост за меня, за мой День рождения. Начался праздник. На столе стоял коньячок с лимоном, всякие закуски. Пошёл пир горой. Но я всё время держал в уме этот китайский «бумбокс», который не хочет читать по-русски. Я и говорю:

– Павел Иванович, вот вы инженер, у вас высшее техническое образование, большой опыт работы на предприятии. Может, вы сообразите, как сделать, чтобы «бум-

Игорь Золотарёв

бокс» заговорил по-русски, чтобы Пушкина прочитал... «Евгения Онегина»... А то ведь немой, ни бум-бум...

– Ну, давайте, поглядим, – поднимается из-за стола Павел Иванович. – Что случилось, какая с ним произошла метаморфоза?

Стал осматривать он наш «бумбокс» да и говорит с усмешкой:

– Вот мы там коньячок пьём, а «бумбоксу», может быть, и завидно. Не хочет работать, и всё. И ему бы рюмашку, может, после того заработал бы.

Отец мой смотрит на Павла Ивановича, улыбаясь, да и говорит:

– Ну что ж, давайте и ему поднесём.

И несёт свой «тройной» одеколон, которым пользуется, когда бреется.

Взяли ватную палочку, смазали одеколоном головку, включили – тишина.

– Что за чёрт! – говорит Павел Иванович «бумбоксу». – Одеколон тебе не нравится, слишком дешёвый? А спирт есть у вас в доме? – обращается он к моему отцу.

– Поищем, – говорит отец.

А мама уже несёт пузырёк.

– Вот! – говорит она. – Этиловый спирт, 76 процентов.

Смазали – не мычит, не телется. Как в рот воды набрал. Молчит, и всё тут, этот «бумбокс».

– Ну, ты и хорош, – разговаривает Павел Иванович с ним как помягче, словно с живым существом. – И тебе коньячку, что ль, налить?

И тут я вспомнил фразу Михаила Булгакова, кажется из его «Дней Турбиных»:

– Что будем пить, водочку?

– Не-е-ет, – говорит мама. – У нас есть и что получше. Чистый спирт, высшей пробы, 95 процентов.

– И откуда он взялся? – насторожился отец.

– Сестра принесла, – объясняет мама. – Она же в больничке работает.

– Попробуем, – берёт пузырёк в руки Павел Иванович.

Смазывает ватной палочкой головку «бумбокса». Фантастика! Слышится голос Иннокентия Смоктуновского, читающего «Евгения Онегина» Пушкина.

– Урра-а! – кричим мы все. – Китаец читает по-русски!

Мы все так рады, так довольны. И уже по-другому проходит праздник – мой День рождения. И я счастлив, и мама, и папа. И даже Павел Иванович – друг семьи. Всеобщий восторг. Ну, и бумбокс! Спирту ему давай стопроцентного.

Оказывается, и к технике нужен подход человеческий.

В ХМУРЫЙ НОЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ ГЛЯЖУ Я НА ГОРОД ОРЁЛ С КОЛЕСА ОБОЗРЕНИЯ. ВСХОДИЛО СОЛНЦЕ ИЗ-ЗА ГОРИЗОНТА, ОНО БЫЛО КРАСНЫМ. И СЛЫШАЛСЯ МНЕ ГОЛОС ОТКУДА-ТО С НЕБА: «НЕСИТЕ ЛЮДЯМ ДОБРО, КРАСОТУ И ЛЮБОВЬ! БЛАГО ЧЕЛОВЕКУ НЕСИТЕ!»

Хмурым был этот день в ноябре. Конечно, ночь длинная, день короткий. Светает только в десятом часу утра. Дай, думаю, схожу к Колесу Обозрения, подниму себе настроение.

Мимо этого колеса я хожу через Парк культуры почти каждый день. В Бунинскую библиотеку, на Центральную площадь, на почтамт, в картинную галерею или в театр.

Тёти Насти на аттракционе нет, не работает. Нет никого, кто бы хотел покататься на «чёртовом» колесе.

Игорь Золотарёв

Захотелось мне сфотографировать Колесо Обозрения, чтобы зимой увидеть на фотографии всё, что видел я с колеса по весне, целое лето и осенью, в первое бабье лето. Но позади от берега фото не получается, а отсюда темно выходит, особенно в такой пасмурный день. И стал вспоминать я увиденное с колеса во все времена года: начало весны, целое лето и осенью в первое бабье лето.

Смотрел я на юг, и виделась мне моя малая родина Малоархангельск, наш дом с белым цветущим садом. Зеленели яблони, кусты смородины и крыжовника. Луговина вверху вся в золотых одуванчиках. Везде красовались тюльпаны и нарциссы. В самом верху, под цветущими вишнями, в молчаливом, печальном холмике лежал наш Вася.

Стоял я тут, под Колесом Обозрения, видел высоко-высоко на дереве гнездо. Тогда в нём были яйца, но чьи? Орлиные яйца? Орлята давно вывелись и улетели. И, когда мы с папой ехали на автобусе из Орла в Малоархангельск, над нами кружили сизые степные орлы. Молодые, они только учились летать.

Слева где-то из-за Оки всходило солнце, оно было красным. Что оно предвещало? Хороший день или ветер, ненастье или вовсе какой-нибудь ураган? И слышался мне голос откуда-то с неба: «Несите людям добро, красоте и любовь! Благо человеку несите!» И запомнились мне эти слова, пророческие глаголы, звучавшие Пушкину от шестикрылого серафима...

Утро у Колеса Обозрения. Хрупкие, нежные фиалки стоят перед моими глазами. Они живут только в тепле, дома, у хороших людей.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

И мне видятся на тарелке райские птицы – свиристели, о которых мы рассказывали, дорогие читатели, в прошлой книге. А птенцы вывелись в гнезде из яиц – птенцы орлов и встали уже на крыло и вот-вот отправятся в небо, в большую, необыкновенную жизнь.

Леонард Золотарёв

ДЕРЕВЯННЫЕ КРУЖЕВА

*В землю врос он – бревенчатый, низкий.
Повидал, видно, свадеб и слёз.
Без заслуг, вне охранного списка.
Утвердили его на снос.*

*Подогнали к крыльцу бульдозер –
Задрожал, застонал каждый лист.
Как присох, краснощёк на морозе,
Ясноглазый бульдозерист.*

*Что карниз, что конёк, что дверцы –
Деревянные кружева.
Что ж мы делаем, братцы, черти!
Вещь музейную на дрова?*

*Замолчали стальные кони,
Паренёк на крыльцо шагнул.
И держал, как занозу в ладони,
Чей-то маленький детский стул.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЛАСТОЧКИН ДОМ

КНИГА О ПЕТИНЫХ ФАНТАЗИЯХ

Повесть

Ласточка носится по тесному вагону электрички. «На полочке лежал чемоданчик». «Как прекрасны эти помидоры».

Ходит электричка между Курском и Орлом, всегда, кроме праздников, полупустая. А где, скажете, пассажиры? А нигде. Уехали отсюда, из сельской местности, растворились в больших городах. И только перед большими городами пассажиры, согласно купленным билетам, занимают в вагоне свои места. А тех, кто занимает те же места, но без купленных билетов, называют «зайцами». Почему? А потому что как сядут в вагон без билета, так и начинают дрожать от страха, как бы это их, безбилетников, контролёр не оштрафовал.

Так и два мальчика, друзья – товарищи, как сели где-то на середине пути, так и стали тоже дрожать, как зайцы. А вслед за ними в пустой вагон влетела и ласточка – птица широкого полёта. Но в вагоне ей тесно да и низковато, особенно не разгонишься да и не взлетишь особо. Это в небе ласточки летают высоко – высоко с открытым клювом, ловят распахнутыми ртами

всякую мошкарку, которой они кормятся и запивают дождевками.

Устала ласточка гонять по тесному вагону, поняла, что ей так сразу отсюда не выбраться, да и присела на спинку сидения, напротив которого прижукли в ожидании контролёров мальчики – два друга – товарища. Посмотрели мальчики на ласточку, что сидела напротив, и им стало чуточку веселее. Не одни они тут безбилетники, вон и ласточка сидит напротив без всякого билета и смотрит на них, безбилетников, с интересом. А два друга – товарища смотрят на ласточку с интересом, без всякого страха, знают, контролёров среди ласточек не бывает. И вдруг им показалось, что ласточка смотрит на них и что-то им по-своему говорит.

– Как ты думаешь, ласточка что-то прощebetала нам? – сказал один мальчик, а другой мальчик, его друг – товарищ, ответил:

– А что она, по-твоему, сказала, как ты думаешь?

– Не сказала, а спела, – ответил ему друг – товарищ и брат. – Но только по-своему, по-птичьему прощebetала.

– И что же, по-твоему?

– А вот что, вот такую песенку: «На полочке лежал чемоданчик, на полочке лежал чемоданчик. На полочке лежал, на полочке лежал, на полочке лежал чемоданчик».

Глянули мальчики на верхнюю полку, а там и, в самом деле, лежит чемоданчик.

– Глазастая какая, – засмеялся один мальчик, а другой, посерьёзнее, спросил его: – Может, это твой чемоданчик-то?

– Да ты что? – удивился приятель. – Что ж я не видел, что ли, был у меня чемоданчик или нет. У меня такого чемоданчика нет и никогда не было.

– Это, скорее всего, дедушка забыл, это его чемоданчик.

– Какой дедушка?

– А какой был с бородкой клинышком, как у писателя Чехова, а не с бородицей, как у Льва Толстого.

Царь Золотарёв

– Много ты понимаешь. А Лёв Толстой?

То Лёв Толстой, – твёрдо стоял на своём этот мальчик. – Лев Толстой хоть и из сельской местности, а граф! Понял? Лев Николаевич Толстой.

– Это-то я понял, – поспешно согласился с ним мальчик. – А вот тебя не понял, ты сказал, что ласточка прощбетала что-то про чемоданчик?

– Да, про чемоданчик.

– А я думаю, – твёрдо стоял на своём приятель, – она прощбетала, что было там, в чемоданчике.

– Ну, и что же там было?

– А вот что прощбетала ласточка, такую известную всей детворе песенку про помидоры.

– Какую же, я что-то не знаю.

– Да, вот же, вот! «Как прекрасны эти помидоры, помидоры, помидоры»...

– Что ж, по-твоему, ласточки едят помидоры? Они даже не знают, где помидоры растут. Это тебе не воробьи.

– Воробьи тоже помидоры не клюют.

– А что же они клюют?

– Огурцы! Огурцы клевать любят, особенно молодые. Отец мой пугало на огороде поставил, там, где у нас помидоры.

– Я тоже не люблю помидоры.

– А я – огурцы...

Слушала, слушала их ласточка, сидя на спинке диванчика напротив мальчиков, и одно поняла: «Мальчики о чём-то спорят друг с другом, может быть, даже и ссорятся». И ей стало всё это неинтересно. Ласточка не любила всякие споры. Ласточки – весёлый, свободный народ. Так, где они летают, высоко – высоко и свободно. Зачем же ссориться, когда так свободно крыльям для полёта. «Хорошо птице, когда ей летится!»

Перелетела ласточка на другое сиденье, к другому к окну, да и давай любоваться тем, что пролетало мимо

окна. Какие свободные поля и поля, какие зелёные перелески, какие синие речки, ручьи и пруды. Вот дела! Вроде впервые тут, никогда не видала ни этих речек, ручьёв и всяких прудов и белых-белых берёзовых рощ, а глаз от них не оторвёшь. Малая родина! Пролетают ближние берёзы что-то очень быстро, а дальше рощицы и деревушки тут же закрываются придорожными посадками.

И так ей, ласточке, захотелось туда к ним, на свободу, к высокому синему небу. Но окна в электричке закрыты, а в двери люди перед большим городом входят и входят, идут со своими помидорами и огурцами на базар. Ну, никак не дают ласточке вылететь в приоткрытую дверь. Только одну минуточку и стоит электричка. Постоит и сразу же ходу. А сунешься – так сразу попадёшь в двери, двери-то эти закрываются автоматически.

Так и ездила ласточка в тесном вагоне электрички то между Курском и Орлом, то в обратную сторону между Орлом и Курском. А однажды ласточка заметила, что они от Орла поехали в совсем другую сторону, люди говорили – на Мценск. Тоже поля но поменьше, перелески, но покрупнее. И быстро надоело ездить ей в электричке по этому направлению. Захотелось ей вернуться обратно на Курское направление, на свою малую родину.

Однако и тут, под Мценском, нашлись два мальчика, тоже друзья-товарищи. Наверно, очень и очень добрые, если пригляделись к ласточке и не стали петь ей песенки про чемоданчики и помидоры, а сразу же достали из карманов своих бутерброды, которые дали в дорогу им мамы, да и стали давать ласточке, ломать и крошить эти самые бутерброды. «Голодная ласточка – то, давно уж, наверно, летает по этому тесному для неё вагону». Ласточка присела к кусочкам бутербродов, которые наложили ей мальчишки, да и стала клевать хлебные крошки, а мясные кусочки сбрасывать с сидения на пол. Ласточ-

Игорь Золотарёв

ки мясное не едят, особенно «рамштексы». Эти тебе не дети, которым мамы наготовили всю эту главную еду на дорогу.

Такие-то вот дела! Поездила ласточка тут, поездила в вагоне по этому направлению, и ей так захотелось обратно на Курск, и на курское направление, на свою малую родину где она родилась, где впервые вылетела из родного гнезда, где поля покажутся ей просторнее, небо синее и выше, а берёзы белее и сердцу милее.

Ласточка зимует на вокзале. «Чьи это бусинки глаз живо глядят из ласточкиного гнезда?» – «Да это же мы – дети ласточкины».

Летала, летала ласточка по имени Настя в вагоне электрички на нужном направлении – от Орла в сторону Курска, на свою малую родину, и так это нравилось ей. Но однажды ласточке Насте захотелось на волю, в середине пути между Орлом и Курском она вместе с людьми – пассажирами взяла и вылетела в раскрывающуюся и закрывающуюся автоматически дверь. И что увидела ласточка на этой самой середине пути между Орлом и Курском? А станцию, это была станция Мало-архангельск, и ласточка поняла, что это и есть её малая родина. И ласточка стала вить круги над этой станцией, своей малой родиной.

– Смотрите, смотрите! – радовались люди, её земляки. – Ласточка, ласточка у нас появилась!

Они, конечно, не знали, что зовут её Настя, думали, что она, конечно, землячка их, а если землячка, то зовут её, скорее всего, Настя, потому что каждую вторую девочку по округе звали Настей.

– Настя, Настенька! – звали они ласточку и оставляли ей всякую еду на порожках вокзала, а пьёт она дождевки в небе, когда вьёт круги над вокзалом.

Ласточкин дом

Ласточка по имени Настя знала, конечно, что её все тут любят, а особенно дети, которые оставляли на порожках даже мармелад, которым их угощали мамы. Не знали, не ведали дети, что ласточки не едят мармелад, но из вежливости вроде клевали эти самые мармеладины, и дети хлопали в ладоши и кричали своими звонкими голосами на весь привокзальный посёлок, до самого магазина, где продавался этот мармелад.

– Мама, мама! – кричали дети. – Смотри, ласточка любит мармелад, купи нам мармеладу ещё.

Так ласточка Настя и жила тут до глубокой осени, когда уже полетели белые хлопья – выпал первый снежок. Всё вокруг посветлело, а в душе ласточки Насти поселилась тревога: зима уже на носу, вот-вот и морозы начнутся, как же она будет жить тут на улице? Другие ласточки, её подружки, уже давно улетели в тёплые края, а она тут осталась. Осенью нравилось ей жить тут при вокзале, где её так любят люди, оставляют ей крошки, а дети даже свой любимый мармелад.

– Ну, что делать? – как вы считаете, дети. – Куда деваться бедной ласточке перед надвигающимися холодами, может, даже морозами? И ласточка Настя однажды взяла и влетела вслед за людьми в приоткрытые двери вокзала. В вокзале, конечно, было тепло: и люди надышались, и помещение отапливалось углём в подземной печке. Там работал истопником человек по имени Федя. Хороший был человек, любил людей, хотел, чтобы всем в помещении вокзала было тепло, а потому от души топил свою подземную кочегарку.

Он живо бросал уголь большой лопатой в горячую печь и пел иногда такую известную песню:

– Раскинулось море широко
И волны бушуют вдали...

Наверно, был когда-то матросом на корабле и служил где-нибудь на Чёрном море или даже на Тихом океане. Но

Игорь Золотарёв

ласточка этого, конечно, не знала, ей нравилось, как поёт Федя Матросов. И ей было, конечно, очень и очень жалко Федю, когда при последних словах песни у Феди начинал дрожать голос и даже слёзы катились по его чёрным, испачканным чёрным углём щекам. А Федя пел такие слова:

– К ногам привязали его колосник...

И бросили в море.

– Напрасно старушка ждёт сына домой...

Даже у ласточки Насти тоже брызнули бы слёзы, если бы она залетела туда, в подземное помещение, и увидели, как слёзы текут по Фединым щекам. Она слышала только дрожащий голос кочегара Феди откуда-то из-под пола и понимала, что Федя плачет...

Такая хорошая, сердобольная ласточка. Люди, которые дождались в вокзале своей электрички или пассажирского поезда, понимали её и ещё больше любили ласточку Настю, и тут с ней было всем хорошо.

Сначала ласточка Настя ещё вылетала на улицу, но вокруг вокзала становилось всё холоднее и холоднее, и ласточка перестала вылетать из вокзала. Правда, в редкую стёжку всё же вылетала вслед за какой – нибудь мамой с детишками, которые кормили её любимым своим мармеладом, провожала их до самой электрички. Пока двери в электричке не захлопывались автоматически, и электричка отбывала дальше в пункт своего назначения.

Однажды ласточка Настя едва не обморозила себе левое крылышко, это крылышко, которое ближе к сердцу, и, чтобы сердце у неё не застыло в своей любви к людям, она вовсе перестала вылетать из вокзала наружу. И вот как-то раз, когда она сидела на верхней створке окна, в помещение вокзала влетела птица, подобная ей, но звали птицу не так, как её. Она носила звонкое имя Стриж. Бывают такие птицы с короткими крыльями, которые живут по крутым берегам речек, откуда они бросаются

вниз для полёта. Обычно стрижи с земли не взлетают, не могут взлететь. Это был стриж – ласточка, тоже ласточка, однако с мужским именем. Ласточка Стриж, если так можно сказать.

Ласточка Настя обрадовалась Стрижу. Не знала, куда его и усадить, на какую верхнюю форточку – справа или слева от входной двери. Она проводила Стрижа к себе в верхний уголок, который облюбовала себе для житья. И так они пробыли вместе несколько дней. А потом Стриж взял и улетел в распахнутую дверь электрички на Курск, в нужном ему направлении, тоже на свою малую родину.

Сначала ласточке Насте пригрустнулось маленько, а потом она почувствовала, что ей в своём уголочке строить надо гнёздышко, своё, ласточкино гнездо. Его строят из сырых комочков, лепят один к одному, пока не получится это самое гнёздышко. А где взять сырые комочки, когда на улице уже холод. Но, слава богу, уже начался февраль – месяц, февраль – бокогрей, когда начинает пригревать солнышко, и с крыш одна за другой тенькать капель. Тень – тень, тень – тень... Глядишь, а под крышей уже лужица...

Ласточка Настя знала, что вслед за холодами всегда приходит тепло, за зимой и весна, вот-вот по кустам и деревьям брызнут ласточки, а трава станет зелёной. Вот и стала ласточка носить в клюве сырые комочки в свой уголок и из комочков лепить своё, ласточкино гнездо. Слепила, наконец, и надолго спряталась в нём.

Многие люди – пассажиры начали уже беспокоиться: «Куда это наша ласточка Настя делась? Ай улетела куда-то в потеплевшие небеса? Или, может, умчалась туда, к своему другу Стрижу?» Наконец, она высунула голову из гнезда своего и огляделась: «Ну, и какие тут без меня изменения, пока я была там, внутри, в своём гнёздышке?» А особо никаких изменений не произо-

Игорь Золотарёв

шло. Пассажиры приезжали сюда из глубины района и уезжали отсюда в большие города – в Курск и Орёл, даже в Москву – столицу, даже за границу. Надо же, в последнее время отменили визу, и люди чаще стали выезжать теперь за границу.

А в остальном не было никаких изменений. Люди по-прежнему любили ласточку по имени Настя, считали, скорее всего, даже символом своей малой родины, по-прежнему приносили ей всякие крошки, ставили баночку с водой в укромном уголочке вокзала, и по-прежнему клали не только мармелад, но даже и шоколадки, завёрнутые в красивые цветные бумажки.

Так бы, может быть, продолжалось ещё и ещё, до самой весны. Но тут произошло немалое, даже большое событие в жизни всего железнодорожного вокзала: в ласточкином гнёздышке вдруг что-то мелькнуло, зашевелилось, высунулась одна головка, другая. Живые, такие весёленькие бусинки глаз! Это же дети у ласточки родились! Это же ласточкины детки!

Конечно, радости не было конца не только у самой ласточки Насти, но и у всех пассажиров и даже у людей всей округи. Новость сразу вылетела из ласточкина гнезда и пошла гулять по всему району.

Люди, как только входили в вокзал, так сразу смотрели в уголок, где было ласточкино гнёздышко и откуда смотрели на них живые, такие весёленькие, удивительные глазки – ласточкиных ребятишек. Один мальчик, приехавший на станцию с мамой, чтобы ехать отсюда в Москву, подарил ласточкиным детям не только десять мармеладин, которые сам, конечно, очень любил, но даже, говорят, попросил свою маму записать и их в детский садик, куда ходит он сам, и даже внести в эти самые списки, ну как её ... «демографии», чтобы увеличить, как говорится, число народонаселения всей страны.

Ласточкин дом

– Вот едем в Москву, – улыбаясь, сказала мама, – сам за них там и похлопочешь. Пусть внесут их в птичье царство, если ты, конечно, не против.

– Конечно, конечно, не против! – захолопал в ладоши мальчик – мамин сынок.

– Ну, вот, и дело в шляпе.

– А ласточки разве в шляпах бывают? – удивился мальчик – мамин сынок.

– Может быть, и бывают, если так тебе хочется.

Вот что происходило на вокзале среди людей. А среди ласточек? А вот что. И стали дети ласточкины подрастать, птички растут же быстрее, чем люди. И вот они уже стали выпархивать из гнезда и становиться, как говорится на крыло, летать по всему вокзалу от окошка к окошку. И мама ихняя, ласточка Настя, поняла, что пора выпускать их на волю, в высокое синее небо, где любят вить круги над людьми и селеньями другие ласточки, как и она сама.

– За мной! – сказала детям ласточка Настя и первой порхнула в дверь, распахнутую людьми перед всем птичьим семейством.

Первое время ласточка Настя летала вместе со всеми, учила детишек всяким птичьим премудростям: и как мошкаррой кормиться, и как дождейки ловить раскрытым ртом, а потом они и сами стали делать всё это не хуже её. Несколько дней они ещё вылетали и вылетали в открытые двери вокзала, где родились, и потом стали вить круги вокруг вокзала уже сами без мамы – ласточки.

– А что потом, что потом было с ними? – спрашивали своих мам дети, любящие шоколад. – Ну, куда они делись?

– А улетели по всем тут краям.

– По всему району?

– Конечно. И даже, как ты, на скоростной электричке в Москву, – улыбнулась мама мальчиков, которые только что подарили ласточке мармелад.

Илья Золотарёв

Такая вот история произошла на станции Малоархангельск, что как раз между Орлом и Курском. Будете проезжать, обратите внимание на вокзал станции Малоархангельск: это тут жили мама – ласточка Настя, тут родились и её дети, разлетевшиеся по всей, всей нашей малой родине да и великой стране.

Лето. Какой маленький, миленький домик у полевого аэродрома. Увидела его ласточка Настя и сказала себе: «Я буду тут жить!» А тут же жил мальчик Петя, и они стали дружить. Сказка Петина про «Артек».

«Ах, какое тёплое, прекрасное лето!» – думала ласточка Настя, летая над всеми этими полями без конца и без края, над всеми белыми берёзовыми рощицами и синими ручьями и речкой Алёшной, которая чуть пониже впадала в речку побольше, а именно, в Зушу. После холодной зимы ласточка Настя особенно хорошо чувствовала себя в этих широких просторах, прогретых ярким солнцем и под ветрами с юга, а также с востока на запад и с запада на восток, куда заходит солнышко.

И тут ласточка увидела особо большое, широкое поле, на котором мог бы поместиться какой –нибудь посёлок и даже село. Оно и было тут как тут, это село, совсем близко, и называлось Подбелевец. Об этом говорила табличка за небольшой посадкой. И, хотя ласточка Настя не умела читать, она догадалась, что эта табличка означает название этого села тут поблизости от этого просторного, широкого поля. А поле это было полевой аэродром, и сюда иногда прилетал небольшой такой, двукрылый, пузатенький самолёт. Лётчик летал на нём по всем окрестным хлебным полям и разбрызгивал удобрения, а также разбрасывал средства борьбы с сорняками.

И вот в уголочке этого полевого аэродрома, куда прилетал иногда самолёт, ласточка увидела домик.

«Какой маленький, миленький домик! – воскликнула ласточка Настя и сказала сама себе: – Я буду тут жить!»

Но, оказывается, тут уже жил мальчик Петя. Почему именно Петя? А потому что папа его, который работал на полевом аэродроме, был тоже Петя, а у папы Пети отец тоже Петя. И так до нескончаемых времён, затерявшихся где-то. В их роду все, надо же, были Петями. «Ничего себе», – узнав про это, прощбетала ласточка Настя, у которой мама тоже была Настя, а у мамы Насти мама, ласточкина бабушка, тоже Настя. И так до седых, нескончаемых веков.

Папа мальчика Пети приходил иногда из села и заправлял самолёт то ли керосином, толи бензином, одним словом, горючим. Для этого горючего тут неподалёку от домика была целая огромная бочка, она называлась цистерна. Петин папа считался «самолётозаправщиком». Самолёт пролетал иногда так низко, что подбелевские хулиганы однажды чуть ли не сбили его бутылкой с водой.

Так вот, мальчик Петя тоже любил этот маленький, миленький домик и приходил сюда иногда вместе с папой. Тут был небольшой такой, квадратненький столик, на котором лежали папины документы, а рядом книжки мальчика Пети и даже тетрадки. Тут Петя иногда делал уроки.

И что интересно, домик-то служил вроде больше мальчику Пете, чем его папе. Мальчик Петя бывал здесь даже чаще, чем его папа. А в последнее время Петя так и вовсе пропадал в этом домике. Даже обедал тут, съедал сразу по четыре бутерброда, которые давала ему мама. Делала их то из хлеба с сыром, то из хлеба с маленькой, кругленькой такой колбаской. Бутылку с молоком мама клала в сумку ему отдельно.

И вот в раскрытую дверь как-то влетела ласточка по имени Настя. Она незаметно присела в передней комнат-

Игорь Золотарёв

ке и в дверную щёлочку с интересом стала рассматривать, как мальчик Петя то делает за столом уроки, то ест свои бутерброды, запивая молоком, и ей захотелось попробовать того и другого.

Иногда мальчик Петя даже что-то писал. «Наверно, уроки делает, – думала ласточка. – Что же ещё?»

Однако Петя делал не только уроки, но ещё и писал стихи, мечтая стать когда-нибудь настоящим поэтом, и и писать такие вот стихотворения, которые он в прошлом году слышал на Фетовской поляне. Это недалеко тут в Новосёлках, на родине Фета. Вот такие стихи писал он про речку, которая протекает тоже где-то поблизости.

Вот эти стихи.

«Алёшня»

*Алёшня в пойме, травяной настой,
Страна раки в берёзовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде алёшненской стою.*

«Ого!» – думала ласточка Настя уже после первого четверостишья, как красиво здешняя природа описана.

*Я русский конь в упряжке ременной.
Воз с перемётом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут временной.
Как дёрнут, оборвут, боюсь, уздечку.*

«Эге! – продолжала удивляться ласточка Настя. – Что-то я тут не всё понимаю. Например, «воз с перемётом»... Надо будет Петю спросить, что это значит?»

*Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи,
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца.*

«Это ещё ничего, можно понять, особенно первую строчку:

Ласточкин дом

*Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться»...*

И в последнем четверостишье тоже всё понятно, даже как-то трогает, задевает душу словно бы мягким птичьим крылышком.

*По всей Алёшне от берёз светло,
По всей долине тянется туман,
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.*

«Ничего себе, – подумала окончательно ласточка Настя, когда мальчик Петя дочитал вслух это самое стихотворение. – Как это у них, у людей-то, слова друг к дружке так и притягиваются, так и липнут в одно, даже её, ласточкину, душу и ту не оставляют в покое, тянут куда-то в синее – синее небо».

С той поры и стали дружить поднебесная ласточка Настя и добрый мальчик Петя, который не только любит мамины бутерброды, но ещё больше любит книжки читать.

«Надо попросить, пусть ещё что-нибудь почитает, – щебетала ласточка. – Стихи какие-нибудь, тоже хорошие, наврде этих, про речку Алёшню»...

И сама уже завлекала своим широко раскрытым ртом туда к себе, в синее-синее небо, не только всякую мошкарку, но даже и песню, которую щебетала и щебетала, за которой угадывалась музыка, а за нею слова:

*Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться»...*

Так и летала ласточка над полевым аэродромом всё выше и выше, даже выше самолёта, который иногда прилетал к ним сюда, чтобы разбрасывать по округе всякие удобрения, чтобы хлебов на полях поспевало побольше, а значит, бутерброды у мальчика Пети, которые даёт ему сюда его мама, были вкуснее, да и потолще.

Игорь Золотарёв

Летала и летала ласточка Настя сначала над полем аэродромом, а потом круги её стали всё шире и шире. Даже до Алёшни долетала она теперь из любопытства, а то ещё дальше, до самого устья, до её впадения в Зушу. Но вот какая мечта появилась у ласточки Насти – слетать на Фетовскую поляну, где люди, которые называют себя поэтами, тоже читают такие стихи, как «Алёшня». Но в этом году праздник под названием «За околицей» уже прошёл, а следующий будет неизвестно когда. Спросить что ли, у мальчика Пети, так он птичьего щебета не понимает, а по-человечески разговаривать ласточка Настя ещё не научилась.

Учиться, учиться, учиться! Много чего интересного у людей, не только стихи и песни, но и, например, самолёты, в которых сердце – железный мотор, а кровь – горячее. «Учиться надо, – решила ласточка Настя. – А где? У ласточки нет такой школы. А в простую школу ласточек не принимают».

Вот такие-то мысли стали посещать ласточку Настю, когда она стала смотреть, как мальчик читает книжки, делает уроки за столом и, скорее всего, тоже собирается писать стихи вроде таких, как «Алёшня», про свою малую родину.

И ласточка стала летать быстрее, носить в клюве сырые комочки, строить своё гнёздышко где-то в укромном уголке в передней этого маленького, миленького домика. И делала ласточка Настя гнёздышко так, чтобы в приоткрытую дверь хорошо было видно мальчика Петю, сидящего за квадратным столиком, а на нём школьные тетрадки, книжки и, конечно, такие хорошие книжки, как про речку Алёшню.

«Однако почему он не поёт эти стихи про Алёшню? – удивлялась ласточка Настя, глядя, как мальчик Петя читает что-то за своим квадратным столом. – Как мы

ласточки. Ведь мы говорить не умеем, а просто щебетом, поём...»

И вот что сказала вслух ласточка Пете, когда он со своим рюкзаком, набитым книжками, пришёл сюда прямо из школы.

– Петенька, – защебетала ласточка возле мальчика Пети – а ты тоже поёшь стихи, как, например про «Алёшню»?

– Ну, что ты, Настенька, – засмеялся от всей души этот добрый, хороший мальчик Петя. – А вы, ласточки, разве говорите по-нашему, по-человечески?

– Не говорим, – сказала ласточка почти по-человечески и вздохнула. – А мне ведь так хочется поговорить с тобой по душам...

– Записать, что ль, тебя, Настя, в нашу школу, – засмеялся Петя. – Будешь прилетать на уроки. Я открываю тебе форточку, а ты сиди на этой форточке и слушай, учись. Например, по литературе. У Сергея Александровича Осянина. Говорят, он тоже пишет стихи.

– Завтра же прилечу, – прощебетала ласточка Настя. – Форточку только открой пошире.

– Я-то открою, – улыбнулся ей мальчик Петя, – но завтра у нас последний звонок. С завтрашнего дня у нас начинаются каникулы. Представляешь, на целое лето?

– Представляю, – щебетнула печально ласточка Настя, так ей захотелось вдруг в школу...

Так и жили, дружили они, мальчик Петя и ласточка Настя, целое лето. До самой школы, когда начинаются занятия не только в Подбелевской школе, но и по всей стране.

А к началу сентября мальчик Петя что-то не стал появляться в этом маленьком, миленьком доме на полевом аэродроме. И ласточка Настя забеспокоилась, была даже удручена. «Почему Пети нет? Уже один день, второй, третий. Что с ним?» А спросить некого. Да и кто может от-

Царь Золотарёв

ветить ей, прощебетать по-птичьи, чтобы всё понятно стало ласточке Насте?

И так печально стало ласточке Насте, она даже перестала летать высоко в небе с открытым ртом, чтобы ловить мошкарку, даже пить перестала из Петинной баночки. Так ей было нехорошо. Бедная, бедная ласточка.

И тут – о, радость! Вот на пороге и друг её – мальчик Петя.

– Да где же ты был? – воскликнула ласточка Настя. – Я тебя заждалась.

– В «Артеке» я был, – улыбнулся ей мальчик Петя. – Есть такой детский оздоровительный лагерь отдыха в Крыму, на берегу Чёрного моря.

– В «Артеке»? – удивилась ласточка Настя.

– Да, в «Артеке». Путёвку дали за связь с живой природой, за дружбу с тобой.

И вот в укромном уголке домика достроено было ласточкино гнездо. «Хата – дворец!» – назвал это ласточкино гнёздышко мальчик Петя. «Чудо. И я тут живу!» – радовалась ласточка Настя, делая круги низко – низко, над самым домиком. Песня дождя. «А снег идёт, а снег идёт»...

«Как это хорошо, просто замечательно, – искренне радовалась ласточка по имени Настя, что домик мой, домик в домике, жилище моё, наконец, достроено!» Она смело шла своей головкой вперёд в жилище своё, потом разворачивалась там, торчала оттуда своей умной, аккуратной такой, ласточкиной головкой. Смотрела в приоткрытую дверь, где в другой комнатухе сидел за квадратным столиком мальчик Петя и читал. То ли делал уроки, а то ли просто читал книжки, а сам внутри себя сочинял стихи. А то, может, даже перекладывал эти свои слова на музыку, превращая их в песни.

Ласточка, конечно, не знала Петиных слов, этих песен, она смотрела в приоткрытую дверь из своего укромного уголочка, и ей было приятно. Просто замечательно было смотреть ласточке по имени Настя на мальчика Петю, с которым они были близки, проще сказать, дружили. Дружили, друг другу служили и хотели знать друг о дружке всё больше и больше.

«Как это хорошо, просто замечательно!» – от всей души радовалась ласточка Настя, глядя на своего друга – этого доброго мальчика Петю. Ведь не прогнал её из своего домика, смотрел на её работу с преобладающим любопытством и даже оставлял на порожах банку с водой, чтобы было где ласточке Насте делать сырными свои комочки, из которых она возводила гнёздышко.

«Хата – дворец!» – так назвал это её жилище мальчик Петя, когда увидел, что ласточкино жилище достроено, а ласточка выглядывает из своего гнёздышка, показывая себе и мальчику Пете, что всё, наконец, готово. Ну, может, недоделано самую малость, так она потом всё доделает, чтобы было всё хорошо, даже замечательно.

«Какое чудо! И я тут живу, – радовалась ласточка Настя. – У меня есть своё жильё, наконец-то есть где жить».

А мальчик Петя, который сказал про ласточкино гнёздышко, что это «хата – дворец», не просто взял и придумал это название, а видел его в Подбелевце, где в самом конце села жила-была в своей ветхой избушке на курьих ножках одна бабушка – старушка. И это ей, проходя мимо её избы в школу, мальчишки взяли и написали на видном месте «хата – дворец». «Знай наших! Ещё и не такое напишем!»

Эти слова глубоко запали в душу мальчика Пети, но, поскольку он был добрый, мысли его приобрели совсем другое направление. А мальчишки бегали по Подбелевцу и пели:

Царь Золотарёв

*– Тили-тили, трали-вали,
Это мы не проходили,
Это нам не задавали.*

И заканчивали такими словами, которые, наверное, им самим очень нравились.

*– Тили-тили, трали-вали,
Это мы всё написали,
Это мы разрисовали.*

Вот почему мальчик Петя сказал про ласточкино жильё, что это «хата – дворец», назвал ласточкино гнёздышко из своих самых добрых, замечательных мальчишеских чувств. Ну, это, чтобы не согласиться с теми мальчишками, которые гвоздём прочертили старушке эти грубые, даже жестокие, а не какие –нибудь сказочные слова.

«Хата – дворец! Хата – дворец! Хата – дворец!»

Но ласточка по имени Настя не знала, конечно, всего этого, ей было хорошо, даже замечательно, и она, как есть, воспринимала эти слова о своём жилище не с каким-нибудь кривым умыслом, а всё как есть, напрямую. Ласточка Настя была, как и Петя, добрый по своей натуре и летала в небе не по прямой, а кругами. Вот и сейчас от радости ласточка вылетела из своей «хаты – дворца», из своего, ласточкиного жилища, чтобы полетать, полетать и снова вернуться сюда, в этот низенький, маленький домик на самом краю полевого аэродрома.

Вот и сейчас летает ласточка Настя, , забирается в небо всё выше и выше до самого солнца, так что домик где-то там внизу едва виден.

К Солнцу! К Солнышку! К Солнцу!

И летит, улетает ласточка уже неизвестно куда. Не то, что дальше полевого аэродрома, но и за Арендовый лес, до речки Алёшни, даже за ту речку, что покрупнее, полноводнее – до Зуши. И что она тут увидела? Солнце, скажете? Какое там Солнце! Нет тут никакого Солнца,

не то, что Солнца, нет тут даже нормальной, хорошей погоды. Дождище такой врезал, и особенно сильный вверху, куда завинтило кругами эту ласточку по имени Настя.

«Настя! Настя!» – казалось, кричат ей сами дождинки своими высокими голосами, а другие дождинки, повыше этих, глухо этак, низко – низко, вот так как будто: «Настя, эх! Настя, эх! Не улетай, не улетай! Побудь тут с нами. Мы обмоем тебя, высушим на ветру, и ты станешь, как новенькая»...

Но ласточка по имени Настя уже не больно-то слушала их барабанного боя по листочкам деревьев, по зелёной траве, даже по Зуше – реке и речке Алёшне.

И что делают люди, когда начинается дождь? А домой бегут со всех ног, под крышу. Домой к себе! А куда же ещё. Вот и ласточка ходу давай отсюда до полевого аэродрома, до своего маленького, миленького такого домика возле цистерны с горючим, до своего уютного, тёплого гнёздышка. Там тебе ни дождя, ни холода.

*«Что мне ветер, что мне зной,
Что мне дождик проливной,*

Когда мои друзья со мной», – слышались где-то у подбелевского клуба весёлые, мальчишеские голоса, а ласточке Насте показалось, что они поют эти свои слова у избушки той самой старушки, на стенке которой они начертили недавно гвоздём «хата – дворец».

Хотела ласточка по имени Настя опуститься пониже, даже присесть на землю хоть на минуточку, чтобы сказать им, этим чересчур весёлым подбелевским мальчишкам, чтобы они так больше не поступали, но подумала: «А может, там с ними поёт эту песенку и дружок её – добрый мальчик Петя, у которого папа тоже Петя и у папы тоже Петя, дедушка этого доброго мальчика Пети», – подумала да и прикусила ласточка себе язычок...

Царь Золотарёв

*Что мне холод, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда мои друзья со мной...*

Вот такие-то дела! В электричках из Орла на Курск, куда каталась не так уж давно она, ласточка по имени Настя, пока не наездила до того, что вылетела из вагона вслед за пассажирами и на своей малой родине, и не оказалась тут вот в этом миленьком, низеньком домике, где у неё теперь своё жилище, свой живой уголок. «Что это я развоспоминалась-то? – подумала ласточка. – Что, так уж заглодало что дальше некуда, и я всё вспоминаю да вспоминаю, вроде щебечу да щебечу, пою да пою...»

Только она вылетела за Подбелевец, – сюда, во широкое поле, к полевому аэродрому, а прежнего поля-то нет. Нет нигде никакого зелёного поля. Нет и дальше, по всей округе, по всем уже почти заколосившимся полям, ещё никакого хлеба, а в поле никаких сорняков, и всё, как сказке, белым – бело. Снег выпал. Надо же, снег идёт!

*А снег идёт, а снег идёт!
И всё вокруг чего-то ждёт...
За что ты в моей судьбе
Спасибо снег тебе.*

Пахнуло холодом. Ласточка по имени Настя, конечно, помнила, что такое холода и зима, когда жила на железнодорожном вокзале от Орла по направлению к Курску – на станции Малоархангельск. Вокзал был тоже ей вроде бы дом, только большой, даже очень большой. Люди и там любили её. Она вспомнила, как дети пассажиров сыпали ей крошки в укромном уголочке вокзала, наливали в банку водички. А некоторые дети клали рядом с баночкой даже мороженое или пирожки с капустой, что покупали мамы им в прижелезнодорожном киоске. Вот чудачки-то, как будто ласточки едят мороженое или пирожки.

Ласточкин дом

Лишь иногда ласточка Настя вылетала вслед за людьми – пассажирами в открытые двери, чтобы в знак благодарности проводить их к электричке или пассажирскому поезду. А, проводив, делала несколько кругов над вокзалом и тут же ныряла в открытую дверь. Бррр, как холодно! Зима есть зима тут на её малой родине, в Серединной Руси. Ласточка, конечно, не знала, что её малая родина зовётся Серединной Русью, однако слышать слышала, что люди в своих разговорах употребляли эти слова с особой теплотой и любовью.

Но ведь это всё было зимой, а зима – это «три белых коня» – декабрь и январь, и февраль. А в феврале зима уже кончается, недаром больше начинает греть солнце, и с крыши принимается тенькать капель... Так было...

А вот и самое настоящее лето. Начинаются жаркие дни, и нате вам – снег. Всё белым-бело, как в каком-нибудь январе. Было тепло, тепло и вдруг... Оттого-то дрожь сразу же пробрала бедную ласточку...

Сунулась ласточка по имени Настя в свой маленький, миленький домик, что на краю полевого аэродрома возле цистерны с горючим, а дверь почему-то закрыта. То ли изнутри на крючок, а то ли снаружи на замок. Наверно, мальчик Петя начитался своих книжек, да и прилёг на диванчик, спит себе, как говорится, без задних ног, а тут хоть пропади.

Ласточка уж и в дверь стучала крылышком, и даже в окно – бесполезно. Никто и не думал открывать ей, ласточке, дверь. Хоть обратно улетай на железнодорожный вокзал станции Малоархангельск. Да ведь не долетишь, пропадёшь в такой холод где-нибудь по дороге. Если бы у ласточки по имени Настя был телефончик под названием «мобильник», как у доброго мальчика Пети, он тут же бы прибежал сюда к ней из Подбелевца и открыл бы ей дверь, впустил бы ласточку в домик, и она, конечно, тут

Царь Золотарёв

же забралась бы в тёплышко, в своё, ласточкино гнездо, которое оно долепила совсем – совсем ведь недавно. Как будто знала, что даже летом могут быть холода.

Мальчик по имени Петя носил свой «мобильник» на шее. Мама купила Пете телефончик специально, чтобы он всегда откликался на всякие мамины зовы. Да и сам мог бы звонить куда угодно, особенно маме. Он и звонил. Телефончик под названием «мобильник» появился у Пети этой весной. «Мобильники» и вообще-то появились везде совершенно недавно. Такое, как говорится, чудо природы! Будет мама дома – услышит. Будет мама не дома, а где-нибудь далеко-далеко, хоть даже в Москве на севере или на юге до самого Чёрного моря – так и туда, говорят, дозвонишься, Петя непременно может услышать мамин ласковый голос.

А у ласточки Насти нет такого «мобильника», некому купить его Насте, да и ласточки по имени Настя не могут, как люди, разговаривать по телефону. Хоть по «мобильнику», а хоть по простому, домашнему. Если бы ласточка Настя знала, где в Подбелевце, живёт Петина мама, она бы живо слетала к ней туда, в Подбелевец, и как-нибудь сообщила, чтобы она позвонила своему сыночку сюда, в этот домик, на полевом аэродроме, чтобы он дверь ей открыл. Да ведь не знает, где живёт Петина мама... И что теперь делать?..

В отчаянии ласточка Настя опять подлетела к своему маленькому, миленькому, низенькому домику на полевом аэродроме. Спасай её, домик! Спасай её, добрый мальчик Петя!

*А снег идёт, а снег идёт,
И всё вокруг чего-то ждёт...*

И чудо! На этот раз дверь оказалась открытой. Это мальчик Петя, скорее всего, проснулся, подумал, что это долго нет её – подружки – то, да и распахнул ей дверь.

*«Лети-ка, ласточка, лети-ка,
Тут для тебя запретов нет.*

*В саду моём тебе клубника
Передаёт большой привет».*

Это, наверно, добрый мальчик Петя написал для неё стихи, а ветер подхватил их и донёс до доброй ласточки по имени Настя его музыкальный подарок.

Знакомьтесь, дети: в домике живут теперь в большой дружбе наш мальчик Петя и ласточка по имени Настя. Как быть с ребятишками, что по избышке на курьих ножках написали старушке: «Хата – дворец?» В школе принимают меры. «Песни, песни, о чём вы кричите?» Школьный ансамбль песни и пляски... пляски, а ещё и встряски... И вот родительское собрание, после которого мальчик Петя решил больше не называть ласточкино гнёздышко «хата – дворец», а просто звать его ласточкиным домом в его маленьком, низеньком домике.

А ещё про книжки о защитниках Родины.

И вот просто покоя никакого не стало от людей, которые всё идут и идут сюда, на полевой аэродром, к этому маленькому, миленькому домику возле цистерны с горячим. Так вот, в большой дружбе живут тут добрый мальчик Петя и ласточка по имени Настя. И знают про этот домик не только родители школьников из Подбелевца, но и все подбелевские жители и даже гости из соседних деревень и посёлков, даже какие-то уполномоченные из районного центра. Интересно, как это может получаться в живом мире природы, чтобы человек дружил с птицей, добрый мальчик Петя с ласточкой по имени Настя.

– И ласточку называют человеческим именем – Настя, – пожимали все они удивлённо плечами. – И вообще как это можно птице разговаривать с человеком?

Такие вопросы гости приезжавшие и приходившие в Подбелевец, задавали иногда подбелевцам, а те, теперь уж гордясь тем, что это у них, а не где-то ещё, отвечали:

Царь Золотарёв

– У нас в Подбелевце всё можно. Даже ласточки могут у нас разговаривать, а дети по-птичьи общаться с миром живой природы. Видите, в какой большой дружбе живут у нас наш, подбелевский, мальчик Петя и ласточка по имени Настя.

Ну, а всё-таки, как быть с теми подбелевскими сорванцами, какие взяли и гвоздём написали на избушке старенькой бабушке «хата – дворец»? Что с ними делать? Какие принимать меры? Этак начнут писать по всем одноэтажным домам в Подбелевце и даже внизу на многоквартирных домах. На что мальчик Петя, такой аккуратный, и тот, вроде бы написал своей подружке – ласточке Насте на её гнездышке «хата – дворец».

– Да нет же, не написал, – отвечали другие, – не написал ещё, а просто так сказал.

– Но может и написать, – стояли на своём самые упёртые из подбелевцев.

И тут подошло время проводить в школе родительское собрание. Конечно, не по поводу того, что учебный год подошёл к концу и надо было, как говорится, «подбить бабки», то есть подвести итоги учёбы, а главное – поставить вопрос об этих сорванцах, начертавших одинокой старушке гвоздём посередине избушки на курьих ножках «хата – дворец».

А другие им отвечали:

– Да разве же они хотели обидеть старушку? Они же её ветхую хатёнку на курьих ножках «дворцом» ведь называли. Вот как, «дворцом»! Как где – нибудь в Санкт – Петербурге – культурной столице России!

– Ну, вы даёте! – как могли, отбивались от них самые упёртые подбелевцы, скорее всего, родители. – За детьми своими лучше приглядывали бы, а не распускали их до неузнаваемости, никакой дисциплины.

Вот какие горячие разговорчики происходили по всему Подбелевцу накануне родительского собрания. А на самом родительском собрании эти горячие головы стали ещё горячее, разговоры превратились в споры, как говорится, в дискуссию, в столкновение различных точек зрения на воспитание детей.

И тут состоялся педсовет, это когда собираются сами учителя и обсуждают педагогические вопросы. Ну, своё всякое там обсудили, а кто-то из педагогов возьми и скажи:

– А что же мы сорванцов-то своих не обсудили, какие пишут «гвоздём», говорят, на домах даже по всему району?

– Не обобщайте, не обобщайте, -прекратил дискуссию сам завуч по вопросам воспитательного процесса.

И директор с ним согласился:

– Ну, что ж, давайте обсудим.

Тут-то и состоялся настоящий педагогический совет. Одна учительница предложила поставить этим мальчикам «кол» по поведению. А другая сказала, мол, оценку по поведению надо снизить, но до «трёх» баллов. А третья и говорит:

– Да как же это можно ставить не «пятёрку», не как всегда. Даже «четвёрки» не ставили, а тут сразу «тройку»? Сами знаете, товарищи педагоги, что с «тройкой» ученик в следующий класс у нас не переводится.

А завуч, отвечавший в школе за учёбу, тут же сообразила, что это отразится на общих показателях по всей школе. Даже в районном отделе образования за такие дела по головке не погладят.

Вышли они все втроём (завуч по воспитанию, первый завуч и директор) в другую комнату, пошептались, и директор объявил громогласно:

– Нет, дорогие товарищи, педагоги, мы на такое дело не можем пойти. Что же такое они сделали, чтобы за та-

Царь Золотарёв

кой проступок по дисциплине сразу же оставлять ученика на второй год? Мы себе это позволить не позволим. Давайте оставим вопрос открытым.

– Давайте, – тут же согласились оба завуча, а за ними и все остальные педагоги, по всем без исключения предметам, в том числе и по дисциплине.

И всё-таки как быть? Надо же как-то реагировать. И тогда учительница по музыке, которая создала при школе из особо одарённых ребят свой ансамбль песни и пляски, предложила такое, что все тут же с ней и согласились.

– А давайте мы перестанем принимать тех ребят в наш ансамбль...

– Песни и встряски, – усмехнулся кто-то из педагогов, сидевший в углу. Всегда помалкивал, а тут, нате вам, высказался.

– Вы бы язычок-то свой придержали, – сказала ему учительница музыки. – Знаете свою физику и за границы не вылезайте...

А учительница литературы, сообразив, что это её, в конце концов, не касается, как, собственно говоря, и других, подвела итог всей дискуссии:

– Ну, и пусть за все вопросы по поводу воспитания она, руководитель Ансамбля песни и пляски, и отвечает. А мы самоустраняем, да?

– Да, да, – с готовностью закивали все учителя.

На том педагогический совет и закончился. Совсем забыли, за чем собирались, по поводу чего, а того чтобы дети не писали больше, не лепили гвоздём, где попало слова эти «хата – дворец». Ни подбелевский добрый мальчик Петя, ни ласточка по имени Настя ничего про решение педагогического совета не знали. Откуда им знать про всякие решения, выносимые на своё обсуждение педсоветами?..

– Ну, так что? Перейдём что ли, к претворению педагогических вопросов в жизнь? – сказала сама себе учительница музыки, она же руководитель школьного Ансамбля песни и пляски. И сама же себе ответила: – Давайте продолжим дело и притворимся, что претворим...

Все засмеялись, но проголосовали, как надо. И когда к ним на занятия ансамбля пришли особо одарённые ребята, однако пишущие иногда по стенам домов слова «хата – дворец», она их не допустила к занятиям. Один из мальчиков пел хорошо, он знал даже нотную грамоту, знал много песен, был даже запевалой, например, такой песни, как

*«Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда мои друзья со мной».*

А хор за ним следом: «тра-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля».

Но теперь учительница поставила перед хором другого солиста. Он стоял на том же месте, растерянно оглядывался по сторонам и даже слова забывал. И голос у него был, конечно, хуже, менее мелодичным.

Подбелевский баянист Виктор Викторович Кузьминов, который приходил к ним сюда на занятия и играл на баяне, не выдержал и сказал:

– А почему это вы заключили в скобки солиста? Тот пел лучше, голосом позвончее, а этот даже слова забывает.

А прежний солист, про которого все по селу говорили, что голосок у него, как у итальянского мальчика Робертино Лоретти, сидел в уголочке и плакал.

«Плачьте, плачьте юные наши таланты, когда вас никуда не пускают, даже на сцену! Когда не дают отдать свою душу песне, людям, высокому небу чтобы петь, как птица, взлетающая высоко – высоко, до самого синего неба. Пойте и плачьте, а всё равно пойте...»

Игорь Золотарёв

Ах, если бы знала обо всём этом добрая, хорошая, замечательная ласточка по имени Настя! Она, конечно, прилетела бы сюда, стала бы перед хором и, конечно, начала бы петь, услаждать людей и собой услаждаться, а дружок её – добрый мальчик Петя делал бы под её голос, изгибаясь всем телом, немыслимые телодвиженья, чтобы только не плакал этот талантливый мальчик, наш русский Робертино Лоретти.

И всё-таки и до Пети дошло решение родительского собрания, после которого талантливому сорванцу с таким удивительным голосом запретили быть солистом замечательного школьного Ансамбля песни и пляски. Конечно, и мальчику Пете стало от этого нехорошо. Ещё бы, ведь он был не просто мальчик, а добрый мальчик, замечательный мальчик, тоже, может быть, талантливый мальчик, у которого была поэтическая душа, и он мог бы писать тоже такие стихи, как у тех поэтов, песни которых пели в школьном ансамбле...

С той поры мальчик Петя решил больше не называть ласточкино гнездо «хатой – дворцом», а просто звать Ласточкиным домом в своём маленьком, миленьком таком домике на полевом аэродроме возле цистерны с горючим, куда теперь почаще стал приходить Петин папа, Пётр Петрович – заправщик самолёта, а там, в Подбелевце, ночной «директор», то есть сторож склада тракторных запчастей..

Петин папа никогда не проверял у Пети уроки, как он пишет всякие домашние сочинения, читает школьные книжки по физике и ботанике, а вот художественные книжки читать Петин папа тоже очень любил.

– А ну, сынок, есть у тебя что –нибудь почитать? – подсаживался он к квадратному Петиному столу.

– А что дать почитать тебе, папочка? – живо интересовался добрый мальчик Петя – папин единственный сынок.

– Ну, что – нибудь про войну.

– Про войну? – искренне удивился мальчик Петя.

– А откуда им взяться у меня, папочка? У меня только школьные да ещё художественные книжки про мирную жизнь.

Дело в том, что папа Петин родился давным – давно, в незапамятные времена, когда была большая война, в которой наши победили. Конечно, победили! А если бы не победили, то мальчик Петя книжки бы тут не читал и ласточка бы не летала тут над полевом аэродромом, а летали бы железные самолёты с крестами, а не с красными звёздами на крыльях.

Петин папа относился к детям, которых не так давно стали называть «дети войны».

– Мы – дети войны! – вот так говорил своему сыну Пётр Петрович, который уж и позабыл, когда был ребёнком, а сынок его Петя вообще не думал, что папа его мог быть когда-то ребёнком. Думал, что папа его, которого все называли почтительно Пётр Петрович, всегда был таким, как сейчас.

Но про войну папа мальчика Пети помнил многое. Удивительно, сколько всего из тех ещё, давних его военных лет хранила его память.

– Папочка, – иногда подсаживался к нему мальчик Петя, когда папа его, Пётр Петрович, был свободен, то есть не заправлял на полевом аэродроме прилетавший сюда самолёт, не уходил с вечера на целую ночь на склад с тракторными запчастями, где, как известно, Петин папа работал ночным «директором», то есть сторожем.

И папа в свободное время рассказывал и рассказывал сыну – этому доброму мальчику Пете – про Великую войну. И постепенно мальчику стали нравиться книжки про войну, особенно про героев-защитников нашей Родины.

Игорь Залотарёв

После школы Петины друзья-товарищи напрямик сюда к Пете и ласточке Насте. Сколько смеха, сколько слов, сколько всяких историй. Три школьника по имени Петя: Пётр Первый, Пётр Второй, Пётр Третий. И три школьницы Насти. И у каждого своя история про животный мир, живую природу. «Дядя Вася, покатай нас на самолёте!» Песенка про парашютиста

Теперь вся школа знает, даже учителя, что в маленьком миленьком домике на полевом аэродроме, где садится иногда двукрылый самолёт сельхозавиации, чтобы подкармливать удобрениями хлебные поля, бороться с сорняками при помощи специальной, как говорится, химии, живёт теперь не только их школьный товарищ Петя, у кого отец тоже Петя, Пётр Петрович, но, что интересно, и ласточка с человеческим именем Настя.

И как только уроки в школе кончаются, так Петины друзья-товарищи туда, к Пете, на полевой аэродром, в домик, где живёт мальчик Петя вместе с ласточкой по имени Настя. И что интересно, сначала все они приходили сюда просто к мальчику Пете и ласточке Насте, но постепенно, что ещё интереснее, стали оставаться тут среди мальчишек одни только Пети, а среди девочек одни только Насти.

Теперь тёзки эти как только появятся, так сразу же поднимается «шурум-бурум», такое веселье, что прямо ужас, каждому перед ласточкой Настей хочется себя показать. Однако всё это было на первых порах, и постепенно всё это стало переходить просто в смех, просто в разговоры на всякие темы. Всякие истории они стали рассказывать друг другу, а особенно своему однокласснику мальчику Пете и его удивительной подружке ласточке по имени Настя. А историй, оказывается, у них превеликое множество.

– Так мы можем с год, а то, может, и дольше рассказывать всякие побаски, как говорит мой папа Пётр Пе-

трович, «мозги пудрить» друг другу,- приостанавливает друзей – товарищей Петя – хозяин этого домика. – А мы давайте выбрать самое лучшее, самое интересное.

– А у нас всё интересное, – стали ему возражать. – У одного человека одна история жизни, у другого – другая.

Вот они все думали, думали – и мальчики Пети и девочки Насти – да и говорят Пете вроде как хозяину этого домика:

– А ты первый возьми да расскажи что – нибудь самое – самое, самое интересное.

– А чего ему рассказывать-то? – тут же возразили другие, в основном девочки Насти. – У него и так без всякого рассказа интересна история жизни. Вы ещё видели где-нибудь такое, чтобы, как он, человек, жил в дружбе с ласточкой по имени Настя? Видите, как сидит она в своём гнёздышке да и слушает всех нас, а особенно своего друга, нашего школьного товарища, у которого папа тоже Петя – Пётр Петрович, и его папа тоже Пётр Петрович, и даже дедушка и тот Пётр Петрович. Надо же. Разве это не интересно?

– Интересно, интересно! – захлопали в ладоши все остальные. – Мы и так всё знаем про Петю, Петра Петровича, и без рассказов его обойдёмся.

– Ну, так начнём, пожалуй, а с кого? – сказал кто-то из ребят, а кто-то предложил начать с себя:

– А давайте начнём с меня, Петра Первого.

Петром Первым считался Петя, который жил в учительском доме в центре Подбелевца, мать его была учительницей литературы. Петя Первый мог бы рассказывать свою историю до бесконечности. Но все решили, что надо говорить покороче, про самое интересное, чтобы в книжку вместились.

– В чью книжку, в Петину?

– В книжку этого Пети... без номера, у которого мы все тут в гостях.

Царь Золотарёв

– Ну, так что, будем рассказывать ?-хотел было первым подняться Пётр Первый, но Петя Второй и Петя Третий остановили его: – Сиди, можно и посидеть. Вон ласточка Настя вообще слушает всех нас лёжа в своём гнёздышке набоку.

– Нет, я лучше встану, – поднялся Петя Первый. – И вот, по-моему, что для меня интересно... Живу я, как вы знаете, в центре Подбелевца...

– Да знаем, знаем, в учительском доме!

– Однажды такое случилось. Не совсем обычное. Приносят мне письмо. Заказное! Лично в руки вручить. Вот мне и вручили... Петру Ивановичу Родичеву... Ну, конечно, мне. Вы, мол, приглашаетесь в Москву на слёт ветеранов войны и труда... Я, конечно, засомневался. Говорю маме: «Какой же я ветеран?» А она: «Ну, и что же? Значит, приглашают и таких, как ты, чтобы воспитывать молодое поколение». Ну, мы и поехали с мамой. Приехали, пришли, куда надо, а там посмотрели на письмо и на меня да и за животики схватились. Особенно одна тётенька:

– Ой, умру от смеха. Ой, умру!.. И этот мальчик ветеран?

– А что?

Опешили мы с мамой.

– А то! Ветераны – это те, кому не менее шестидесяти лет. А тебе сколько, мальчик?

Тут-то мы и догадались, что всё это проделки чьи? Нашей почты! Сталина там есть такая, зав. почтой, так зовут её, вы все её знаете, «Сталина»! Вот она по рассеянности, что ли, и направила письмо мне... А у нас в Подбелевце Родичевых по пальцам не перечтёшь. Есть ещё Родичев Пётр Иванович, как я. Так тот ветеран войны и труда...

– Ха – ха – ха, расхохотались ребята в Петинном помещении и даже ласточка по имени Настя, кажется, дёрнула два раза хвостом. – А не врёшь?

– Сказали же, припомнить надо какую – нибудь историю, – присел к квадратному столу Петя Родичев, он же Пётр Первый. – Вот я вам и рассказал. Почём, как говорится, купил...

– Переходим к следующему номеру нашей программы, сказал мальчик Петя – хозяин этого домика. – Ну, кто там у нас Пётр Второй?

– Да вот, – говорят, – вот, сидит у окна.

– Ну, и пусть сидит. Пусть сидя расскажет свою историю.

А Петя Второй жил, конечно, не в центре, а где-то на самой окраине, в Горбатовке. Но вся жизнь кипит у нас где? В центре. Тут тебе и продмаг, и почта, и школа, даже сельский совет. Петя Второй и бегал туда почти каждый день. Не ходил, а бегал. То за хлебом, то письмо отнести, то печать сельсоветскую поставить на каком-нибудь документе...

– Вот бегу я на почту, несу какой-то документ, папа просил отнести, – а навстречу мне кто?.. Вот он, – показывает он на Петра

Третьего. – Ты куда? – спрашивает. – Да вот, на почту, – говорю. – Поставить печать. – А ты что разве не знаешь, что почта переехала? – И куда? – Да в соседнюю деревню – в Синяевку. – А в самой Синяевке где? – Да в крайнем доме, какой стоит уж два года пустой...

Я в Синяевку. Через овраг, через пруд. Километра три туда... Да, будет? – обращается он к Пете Третьему. – Да, будет километра три, как ты считаешь? Ты же живёшь там.

– Может, и будет, – рассмеялся от души Петя Третий. – Да тебе-то что с того?

А дело в том, что никуда почта, оказывается, не переезжала. Как была в центре села, так и до сих пор там, никуда не делась... А я в Синяевку три километра туда и три километра обратно. Да ещё к себе на Горбатовку...

Царь Золотарёв

– А что ты смеёшься? Обманул человека и рад?

Однако никто не смеялся. Даже с осуждением смотрели все на Петю Третьего, который без всякого стеснения обманул Петю Второго. И даже ласточка Настя в своём гнездышке вроде как отвернулась от Петра Третьего.

– Ладно, замнём для ясности, – сказал Петя, – хозяин этого домика. – Пойдём дальше... Твоя очередь, Петя – Пётр Третий, известный в истории «самозванец»...

– А вы, девочки, – обратился мальчик Петя – хозяин этого домика, к школьницам, как и ласточка, тоже с одним именем Настя: Настя Первая, Настя Вторая и Настя Третья.

– А мы ещё короче, – сказала Настя Первая. – Видите, ласточка по имени Настя слушает нас, много нам нельзя говорить, трудно понимать ей речь человеческую.

– Конечно, трудно, – согласилась с ней Настя Вторая.

А Настя Третья подумала, подумала да и говорит:

– А я скажу что-либо потом. И такое, чтобы понимали и вы, и ласточка... Да, Настенька? – обратилась Настя Третья к настоящей ласточке по имени Настя, и та вроде бы вильнула ей своим удивительным хвостиком.

На другой день на полевой аэродром прилетел самолёт, и из него прыгнул наземь лётчик. Весело подошёл к ним.

– Как вас зовут? – тут же спросили его ребята.

– Дядя Вася.

– Дядя Вася, – стали просить его все – и мальчики, и девочки, – покатайте нас на самолёте, покатайте... А вы всегда летали на таком самолёте?

– В лучшие времена я летал на боевом самолёте – на истребителе! – с гордостью сказал дядя Вася. – Наверно, хорошим был лётчиком, если меня пересадили на огромный такой пассажирский самолёт – «лайнёр», возить высокое начальство.

– И что же?

– А однажды по старой памяти взял и стал гонять этот «лайнер» по небу с неположенной скоростью и бросать в пике...

– И что же?

– Вот меня взяли и пересадили в сельхозавиацию, дали малую скорость.

Когда дядя Вася улетел, даже не покатав подбелевских ребят, все пригрустнули маленько, особенно добрый мальчик Петя. И опять засели за свои разговоры в Петинем домике, за квадратным столом.

– А у меня всё ещё проще, – хотел было приподняться Петя Третий на своём месте, не великий, но всё-таки комбинатор, однако его взяли и осадили:

–А ты посиди, помолчи. Говори сидя, твоя очередь...

– Правду, только правду, ничего кроме правды...

– Всё остришь! Посмотрим, какая она у тебя правда, – сказали все участники разговора, ласточка Настя тоже вроде посмотрела на него очень внимательно и щебетнула своё...

– А что смотреть-то, – оглядел высокое собрание своих дружков – школьников, вроде как педсовет, этот Пётр Третий, известный в истории как Емельян Пугачёв. – Мы люди маленькие, нам много не надо. Сами знаете, что у нас за деревней Синяевской, за бугром, посёлок Синяевский... Выселки из нашей деревни...

– Ну, и что? – зашевелились все.

И одни сказали:- Ври поменьше.

А другие сказали ему наперекор:

– Давай, давай, ври побольше.

– Сколько надо, столько и вру, – отвернулся Петя Третий к окну, чтобы никто не видел его лица, – Короче...

– Короче, дело к ночи.

– Короче, дело к ночи, – подхватил Петя Третий, он же известный как «самозванец». – Так вот, можно и по-

Царь Золотарёв

короче... А в посёлке Синяевском я жил, мёд, пиво пил, да в рот не попадало... Красота там, конечно, человек и живая природа... И белки по деревьям бегают, и рыбка в речке Алёшне плавает по дну, не поймашь ни одну... И вода чистая, как стекло, окунёшься в воду и пробкой от туда – вода ледяная...

– И всё?

– И всё. А что ещё тебе? – пожал плечами Петя Третий родом из деревни Синяевки. – А чего бы вы ещё хотели?

– А случай?

– А случай в другой раз, когда ещё соберёмся у меня теперь дома, в нашем синяевском доме.

Добрый мальчик Петя, у которого папа Пётр Петрович был заправщиком самолёта, знал, что дядя Вася ещё прилетит сюда, обязательно прилетит и всех покатает. И тогда этот мальчик Петя взял и написал «Песенку о парашютисте». Вот из неё первое четверостишие:

*Летал дядя Вася на самолёте,
Но почему-то без парашюта.
Он песенки всякие пел на работе,
Был принят у нас за артиста.*

И вот ласточка Настя, щебеча свои весёлые песенки, вьёт круги над широкими хлебными полями, над полевым аэродромом. Как ей нравятся эти поля, как это здорово чувствовать себя здесь своей

«Настя, Настенька, ласточка, ласточка ты наша хорошая, просто замечательная!» – кажется, зовут её к себе не только эти поля, но и речки, ручьи, леса, перелески с белочками, бегающими по деревьям, с косулями и лосями по косогорам.

«Облечу родной край, всю свою малую родину!» Каждый раз ласточка по имени Настя прилетает домой к себе, к своему гнёздышку в домике на краю полевого аэродрома, и

рассказывает мальчику Пете о том, что увидела и услышала сегодня и что хочется увидеть, услышать ей завтра.

– Самые интересные, с самой богатой и красивой природой и богатым животным миром, – словно бы говорит она мальчику Пете, – это посёлок Синяевский и места вокруг него. Бывал там когда – нибудь?

– А как же, – словно бы говорит мальчик Петя, у которого папа тоже Петя, Пётр Петрович. – Конечно, бывал. И не раз. Там у нас моя тётя родная живёт, отцова сестра, тётя Оля Алёшненская.

– А что, так и зовут? Алёшненская? По речке Алёшне?

– Так и зовут в Подбелевце... Ну, так что ты видела, слышала там, моя милая, хорошая, ласковая ласточка?

И ласточка по имени Настя, которая сегодня с утра улетала туда, к речке Алёшне, на посёлок Синяевский, а вернулась уже только к вечеру, присела к квадратному столику мальчика Пети, где обычно он читает книжки и делает уроки, и стала что-то щебетать по-своему, попличьи, а Петя её вроде бы слушать и принимать её щебет за человеческую речь...

Вот что увидела и услышала ласточка по имени Настя, там, в посёлке и его окрестностях, когда оказалась там, летала в своём свободном полёте...

– Где, где оказалась? – переспросил её Петя.

– А над суходолом, какой ведёт от посёлка к самому Подбелевцу... Лечу, лечу высоко – высоко, а всё вижу, что там внизу. А там по дорожке зверёк какой-то бежит, небольшой, но толстенький, сбоку набок переваливается.

– Это барсук, – говорит Петя ласточке Насте. – Мне тётя Оля рассказывала. Там бугор такой есть на Жановой горке, так там норки такие, а в них живут барсуки.

– Я полетала, полетала над ним. Слышу вой какой-то в устье речки Алёшни, где она впадает в речку покрупнее...

– Там Зуша.

Царь Золотарёв

– А голос-то вроде как завывает, словно поёт.

– Это волк, мне моя тётя Оля рассказывала. Волка сюда к нам откуда-то привезли, чтобы лис гонял, а то лиса может укусить человека, и тогда он заболает да ещё может и помереть ...

В общем, вот что увидела, услышала ласточка по имени Настя там, в синяевских местах, и что рассказала вечером этому доброму, любопытному мальчику Пете, с которым дружила. Хотя он и сам бывал там не раз да ещё слышал от своей родной тётки Оли.

И на другое утро собралась туда же, в посёлок Синяевский, ласточка по имени Настя.

«Дай, – думает, – ещё на что-нибудь погляжу, ещё послушаю кого-нибудь, кого вчера не дослушала, чего не доглядела».

Улетела ласточка, и Петя стал её ждать – поджидать и, как говорится, в русской народной сказке, добра наживать.

Прилетает к вечеру ласточка, присела к Петинному квадратному столу, за которым он всё делает: и читает, и пишет, и даже обедает.

– Ну, и что ты там видела, слышала? – опять вроде спросил ласточку по имени Настя этот добрый мальчик Петя.

«Какой любопытный», – подумала Настя и стала рассказывать, что пришлось ей увидеть, услышать на второй день.

– А вот что увидела, – прошебетала она. – Может, самое интересное.

– И что же?

– Да крупное такое животное вроде коровы с телёнком.

– Это лосиха с лосёнком.

– Вот бежит, бежит эта, значит, лосиха из одного места в другое – из Байдина леса в Арендовый, и, оказы-

вається, прикриває собою свого лосёнка. А где-то, уже в устьє Алёшни, где-то поблизости, волк, волчище. Вот завывает, вот как вроде поёт... И ведь совсем – совсем близко. Завела лосиха – мама своего сыночка – лосёнка в островок такой из осинок прямо посреди поля и стала ногами в ту сторону, откуда волчище воеет. Копыта свои на волка направила. Если что, она так даст ему куда – ни будь в голову, в зубы его волчиные, хищные, что мало ему не покажется, тут же от лосёнка отвадит...

– Лосиха какая умная, – заметил добрый мальчик Петя. – Всё бывает в мире животных, как и у людей... Конечно, Настя, это про войну и мир среди животных, тоже очень и очень интересно.

И на третий день собралась ласточка по имени Настя в путь – дорогу туда к речке Алёшне, на посёлок Синяевский.

Целый день её не было, до самого вечера. Мальчик Петя начал уж волноваться: а вдруг что случилось?

Прилетела ласточка на этот раз даже веселее, чем вчера. А почему?

– Чему ты радуешься, милая ласточка? – спросил её мальчик Петя. – Что там видела?

– А вот что, – хотела было прошебетать ласточка, но мальчик Петя научился понимать её и без слов. Но всё-таки не сразу всё-то у неё понимаешь.

– Летаю я над посёлком Синяевским, – прошебетала ласточка Настя уже более явственно. – С того края посёлка, где твоя тётя Оля живёт, и что вижу? Огромная такая, чёрная птица кружит над двором тёти Оли, а по двору бегают курица со своими цыплятами...

– Это коршун, – сказал мальчик Петя, – птица такая. Больше грача. Хищная птица. Конечно, хищная.

– Вот этот коршун камнем вниз да и хватить цыплёнка и в небо взвился. И потащил в Арендный лес. А курица раскричалась, раскудахталась...

Царь Золотарёв

– Это наседка, – пояснил ласточке мальчик Петя. – Мама этих цыпляток.

А хозяйка двора... твоя тётя Оля... тут же бросилась в дом и притащила что-то круглое, огромное такое...

– Решето, – пояснил ласточке мальчик Петя. – Им цыплят накрывают, чтобы коршуньё их не таскало...

– А хозяин двора, наверно, муж твоей тёти Оли, побегал в дом, вынес охотничье ружьё и два раза выстрелил в воздух...

Вот такая в посёлке Синяевском сегодня случилась история.

И теперь уже мальчик по имени Петя решил отправиться к речке Алёшне, в посёлок Синяевский, в гости к маминой сестре, своей родной тёте Оле. А ласточка Настя пусть, мол, дома побудет. Хватит, понавидалась – понаслушалась там всего, а теперь отдохни. Или полетай тут где-нибудь поблизости, над маленьком, низеньким домиком со своим гнёздышком, и над полевым аэродромом.

И оставил ласточке по имени Настя этот добрый мальчик Петя в домике дверь открытой: влетай, ласточка, и вылетай туда – сюда, когда тебе нужно. Ласточка Настя впорхнула в своё тёплое гнёздышко в передней комнате и стала дожидаться мальчика Петю. Ждала – ждала, а его всё нет и нет. Ласточка Настя подождала, подождала, поволновалась да и уснула.

Спи, спи, милая ласточка!.. Чего тебе волноваться, чего бояться какого-нибудь хищника – коршуна или ворона, которых в Арендовом лесу превеликое множество. Всех перепелов перевели, даже грачей, а кукушка сама улетела. Тут, в этом маленьком, миленьком домике, где живут они с мальчиком Петей, всякому коршунью и даже ворону делать нечего. Не тот размах крыльев, не тот клюв и цвет перьев сверху и снизу, не то, что у сорок – по

бокам белые, чтобы торчать в лесу, виднее были эти сороки издалека.

Спи, спи, ласточка! Знай, в твоё гнездо не влетит даже какой-нибудь шмель, даже муха, а не то, чтобы коршун.

Итак, теперь на речку Алёшню, в посёлок Синяевский, к своей родной тётке Оле, маминой сестре, и отправился в гости мальчик Петя, у которого отец тоже Петя, Пётр Петрович. Заодно мальчик Петя оглядит красоты природы: белые берёзовые рощицы и зелёные сады по всему посёлку, где весной любят петь соловьи.

«Вот птички! Соловьи эти! – думал мальчик Петя, вышагивая по дороге на посёлок Синяевский. – Птичка невеличка серенькая такая, вроде невзрачная, с воробья, а как поёт, какой голос. В посёлке по садам их даже трое. Друг с другом состязаются, у кого песни из десяти колен, а у кого из двенадцати, даже четырнадцати».

Пришёл мальчик Петя в посёлок Синяевский, соловьи уже, конечно, отпели, на гнёздах сидят, зато всего другого хоть отбавляй. В первый же день Петя отправился в лес за грибами. Петя хорошо знал, где какие грибы тут водятся. Где белые, а где подосиновики, подосиновики – подберёзовики. И ещё, конечно, маслята.

Любит Петя по грибы ходить, это любимое его занятие летом, называется «третья охота». Отправился Петя на Жанову горку, к липам, тут растут белые грибы – самые крупные, самые мощные, грибы – «полковники».

– Тик – так – так, – говорит пулемётчик.

Тик – так – так, – говорит пулемёт, –

запел Петя песню из тех ещё военных времён, какую поёт иногда его папа.

А то вот ещё такие слова:

– На позицию девушка провожала бойца,

Тёмной ночью простилася на ступеньках крыльца.

Игорь Золотарёв

И пока за туманами видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем всё горел огонёк.

Вот какие песни знает папа Пётр Петрович, ещё с той, Великой войны, слышал их от наших солдат, а с недавних пор причислен к «детям войны».

На другой день мальчик Петя решил сходить на Жанову горку, в то место, откуда поднимается дорога на Подбелевец. По обе стороны этой дороги столько орешника – море. Кажется, уже пора собирать орехи. В самом деле, орехи созрели, вон как ветви орешниковые опустились от тяжести, местами до самой земли. Но самые крупные, самые спелые, самые вкусные орехи на самом верху – на макушке.

«Смотрите-ка, что творится! – огорчился мальчик Петя, увидев поломанные ветви орешника, разбросанные по земле. – Какие жестокие, не жалеют живую природу. И так орехов тут хоть завались, висят до самого низу.»

За час какой – нибудь мальчик Петя набрал орехов целую сумку. Принёс тёте Оле, опростал перед ней.

– Зачем тебе столько, Петенька, – сказала ему мамина сестра – тётя Оля. – Что тебе с ними делать?

– Видишь, тётя, какие они крупные, вкусные, называются такие орехи «фундук»... Я, тётя Оля, их буду в школе ребятам раздавать, даже учителям...

Мальчик Петя взял самый большой двухсотграммовый стакан и стал мерить им, что принёс.

«Сто десять...сто пятьдесят...двести...Ого!» – сказал он сам себе, а за ужином предложил тёте Оле:

– Давайте завтра я и вам схожу по орехи на Жанову горку.

– Да у нас и своих хватает, – засмеялась тётя Оля. – Ещё с прошлого года. Вон Иван стаканов триста, наврное, насшибал...

«Насшибал!» – покосился добрый мальчик Петя на дядю Ваню – тётиного мужа. – Такие вот и наломали

орешника по всей Жановой горке. Не наклоняют ветки, не обирают руками, а топором их или пилой.

В этот раз мальчик Петя решил пройти по орешнику ещё дальше – к осинкам, где водились подосиновики и в редкую стёжку «подобабки», так зовут здесь подберёзовики. Подосиновики жёлтые, яркие, прямо какие-то солнечные. Как огоньки, светились они по всему осиннику, видны были издалека. Но Петя решил пройти ещё дальше. «Дай, – думает, – и там погляжу».

А дальше – овражек. А вдоль оврага лежит упавшее, уже подгнившее бревно, скорее всего, тоже осина. Глянул мальчик Петя, а по другую сторону бревна, боком к тёмному оврагу, грибы – грибочки, всё бревно облепили – и малые, и больше, и совсем маленькие, с пуговичку. «Опята» называются.

Петя тут же бросился к ним, начал набивать свою сумку, совсем забыв про орехи...

В общем, целых три дня пробыл мальчик Петя в посёлке Синяевском в гостях у своей родной тёти Оли. Однако пора и честь знать, пора и домой. Оставил тут Петя и орехи «фундук», и всякие грибы, в том числе белые и опята. Чего на себе тащить-то, пусть папа на лошади завтра приедет и домой привезёт. «А мы – люди вольные, мы и без груза набьём себе пузо», – стал шутить мальчик Петя, возвращаясь под вечер домой к себе в Подбелевец.

И, конечно же, не забыл добрый мальчик Петя про свою подружку – ласточку по имени Настя. С утра пораньше тут же полетел в домик, что на полевом аэродроме у цистерны с горючим. Здесь в своём уютном маленьком гнёздышке, конечно, ждала его подружка – хорошая, милая, ласковая ласточка по имени Настя.

Подходит мальчик Петя к своему домику на полевом аэродроме, а ласточка Настя уж навстречу ему летит, топчется.

Игорь Золотарёв

Ну, не обнялись, конечно, не поцеловались, люди с птичками не целуются, не обнимаются, а всё же так обрадовались друг другу, как будто не виделись целую вечность. А ведь не был тут мальчик Петя всего каких-то три дня.

Сел мальчик Петя за свой столик квадратный, а ласковая ласточка Настя присела напротив, и Петя взял и рассказал ей про все эти три дня, что провёл у тёти Оли в посёлке Синяевском.

А тут жаворонок объявился, висит высоко – высоко в небе со своей песней о родине. Только ласточка по имени Настя, гоняясь с открытым ртом за мошками и дождинками, способна забраться ещё выше, даже выше прилетающего сюда иногда самолёта.

Состязание ласточки Насти с жаворонком. «Куда, куда, куда вы удалились?» – смотрит снизу вверх на них мальчик Петя, которому тоже хочется полетать, да ведь не умеет же. Зато умеет летать на самолёте дядя Вася – лётчик без парашюта. Парашют не роскошь, а средство передвижения. «Алло, алло, вы где?» – разговаривает по мобильнику мальчик Петя с дядей Васей на самолёте сельхозавиации.

«Ветер, ветер, ты могуч»

Летала, летала ласточка по имени Настя над полевым аэродромом. Одна она тут летала, больше не было никого: ни ворон, ни воронов, ни грачей, ни даже воробьёв. Одна она тут хозяйка, полная хозяйка этого широкого поля, а над ним всего высокого неба. И тут она увидела, что летает она, ласточка, не одна, а ещё кто-то в небе, кроме неё, кто-то ещё объявился. А это, нате вам, жаворонок.

Жаворонок – это такая небольшая серая птица, которая забирается в самые, самые небеса и оттуда, с высей своих, оглядывает окрестности, от души поёт свою звон-

кую песню о родине, воспевает свою не только малую, но и великую родину.

Глубоко тронуло это ласточку по имени Настя. Кто ещё, кроме неё, может так петь, воспеть родной край? Поднялась ласточка Настя в небо ещё выше, посмотреть на жаворонка, рассмотреть поближе его со всех сторон, чтобы понять, как и почему всё у него получается.

И жаворонок заметил её. Надо же, кто ещё, кроме него, способен забираться в небо так высоко? Взял жаворонок и ещё выше поднялся, чтобы петь в полном одиночестве, с высоты своего высокого положения. А ласточка Настя увидела это и давай за ним подниматься ещё выше, под самые небеса. А жаворонок поднялся ещё выше, а ласточка опять же за ним. Жаворонок ещё выше, а ласточка опять же за ним. Получилось у них состязание, творческое соревнование да не только в песне, а и в том, кто выше поднимется в самые небеса.

И вот жаворонок забрался на такую высоту, что ласточка там уже не может летать. Вернее, летать-то может, да зачем? Обычно ласточка летает с открытым ртом, гоняясь за мошками и дождевками, а то смотрит, никакой мошкары тут уже нет и быть не может, а дождевки есть, да что ей мошкара без дождинок. Это как еда без воды, без которой, как говорится, ни туды и ни сюды.

И тогда ласточка по имени Настя стала опускаться вниз, пониже, ещё пониже, до того места, где водится мошкара. И жаворонок, чувствуя себя вроде бы победителем, тоже стал опускаться следом за ласточкой до высоты, где водится всякая мухота, которая, конечно, ему не нужна, но это так, для престижа, чтобы чувствовать себя победителем.

После этого ласточка с жаворонком, не замечая, взяли и перелетели в другое место и в третье. Совсем перестали летать над полевым аэродромом, а летать стали

Царь Золотарёв

значительно дальше от маленького, миленького домика у цистерны с горючим, от этого самого домика с тёплым её, надышанном гнёздышком.

Заметил всё это добрый мальчик Петя и забеспокоился. Куда это они подевались? Нет его подружки. Нет ни ласточки Насти, ни жаворонка. И вспомнились ему слова вместе с музыкой, которую недавно показывали им в школе. «Куда, куда вы удалились?» – всё ещё стояли в его ушах слова Пушкина, а музыка Чайковского. – «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»

Слушает мальчик Петя в себе эти слова, эту музыку, и ему от больших чувств хочется плакать, отчего-то лететь в это самое небо, где летают всякие птицы – большие и малые, старые и молодые. Ему хочется петь, летать, но он не умеет летать. Вот как бы к этому ему приспособиться?

«У птиц есть крылья, которыми они машут, и потому летят, куда им только вздумается, – пробует мальчик Петя помахать руками, а ничего у него не получается. – Это только дядя Вася способен летать, потому что он летает на самолёте сельхозавиации, специального назначения. А у самолёта вон они, крылья. И дядя Вася с этими крыльями, словно со своими руками, способен летать».

Это дядя Вася любит говорить, что самолёт не роскошь, а средство передвижения... без парашюта...

– Отчего вы, дядя Вася, – как-то спросил его мальчик Петя, – почему вы летаете без парашюта?

Дядя Вася щёлкнул его по носу и сказал с улыбочкой:

«Любопытной Варваре нос оторвали», а потом и говорит уж всерьёз: – Был когда-то я боевой лётчик, летал с парашютом, в любое время мог катапультироваться...

– А что это такое – «ка-та-пультроваться?»

– Много будешь знать, Петя, скоро состаришься, – хотел ещё разок щёлкнуть он по носу этого доброго мальчика Петю, но передумал, не то возьмёт да и скажет:

«А любопытной Варваре нос оторвали». Да ведь каждому любопытному по носу не нащёлкаешься... Вот дядя Вася и говорит: «За хорошие лётные качества меня и посадили на большой пассажирский самолёт – «лайнер»... А на «лайнерах» пассажиры в том числе и экипаж летают без парашютов. И я, как и все, летал тоже без парашюта. И вот однажды я вёз по воздуху куда-то большое начальство, и так захотелось мне себя показать... Ну, я и давай крутить, как говорится, «сальто-мортале», то туда, то сюда... Вот меня и пересадили сюда, в малую авиацию, дали скорость поменьше... Ты, говорят, не Чкалов, чтобы под мостом летать»...

– Дядя Вася, всё это так интересно, – захопал в ладоши добрый, весёлый мальчик Петя. – Мне всегда интересно слушать человека, который летает, как птица... с превышением скорости...

– Ну, так вот, – улыбнулся довольный собой дядя Вася, теперь пилот сельхозавиации. – Так я и оказался у этого вашего низкого домика, возле цистерны с горючим...

– У нашего маленького, миленького домика с тёплым, уютненьким таким ласточкиным гнёздышком. Только мне кажется, что ты, дядя Вася, про это всё уже рассказывал...

– А про что не рассказывал?

– А вы покатайте нас на самолёте...

– Ишь ты какой! Покатай! Много вас таких...

– Ну, и не надо, – обидевшись, присел добрый мальчик Петя на травку около самолёта, который дядя Вася с Петиным папой заправляли горючим из цистерны тут, неподалёку от домика с ласточкиным гнездом.

Мальчик Петя сел как поудобнее, хотел было поковыряться в носу, но не стал, только подумал: «А то дядя Вася скажет о нём про себя, учительский сынок, а никакой, мол, культуры. А отец после возьмёт и врежет ему,

Игорь Золотарёв

своему сыночку, как следует, по затылку...

– Папа, папочка, – искоса глянул добрый мальчик Петя на своего не всегда доброго папу. – Папа, а помнишь, когда я был ещё маленьким, попросил тебя сделать мне самолёт...

– Всего не упомнишь.

– Нет, ты помнишь, помнишь! – обиделся папин сынок. – А ты сказал, что не будешь мне делать этот самолёт из фанеры...И тогда я попросил дядю Симу...

– Какого дядю Симу? Из деревни Вавилоновки, что ли?

– Из Вавилоновки.

– Ну, и что?

– А дядя Сима сделал, сделал папочка! Самолёт до сих пор лежит у меня на самом видном месте в кладовке.

– И ты на нём летаешь? – усмехнулся отец...

– Какой же ты, Петя, опытный лётчик! – усмехнулся дядя Вася. – И сколько часов уже налетал?

В другой бы раз мальчик Петя плюнул бы на все эти шуточки, но подумал: «Надо прикусить язычок, не то боженька возьмёт его и откусит»...

– Не откусит, – вслух сказал ему папа, тоже Петя, Пётр Петрович, который, оказывается, мог читать мысли сына не только на расстоянии, но и тут, вблизи самолёта.

Но что его папа, что мысли его про время наше такое! Так интересно, что закачаешься, есть теперь то, чего не было никогда. Например, хотя бы телефончик – маленький такой, в ладошку вмещается, называется «мобильник». Вот про него-то мальчик Петя непрочь и поговорить...Так вот, купила ему мама такой телефончик, повесил Петя на шею его себе и ждёт от папы звоночка, а звонка нет и нет. Нет и нет, как песни, хоть тресни! А самого Петю звонить мама не научила...

Пришёл добрый мальчик Петя после своей беготни от дома до пруда, от пруда к лесополосе за школой, а все дома уже пообедали. И съели самое вкусное, в том чис-

ле и яблочный пирог, который Петя очень любил, и мама испекла его по Петинной просьбе. Петя любит яблочные пироги даже больше, чем торт «наполеон», который привозят им сюда в магазин из райцентра.

С досады хотел было Петя зашвырнуть куда подальше этот противный «мобильник», а мама и говорит:

– Да что он тебе виноват, что ли! Этот твой братик Серёжа съел яблочный пирог весь до последнего кусочка.

Вот тогда-то он, мальчик Петя, и стал думать, как бы это сделать так, чтобы «мобильник» мог его предупреждать, что может случиться, особенно что – нибудь нехорошее. С той поры мальчик Петя и стал осваивать свой телефон, чтобы самому звонить хоть куда. Хоть маме домой, хоть папе, уехавшему куда – нибудь по делам, например в соседний район, а то и ещё дальше на какой – нибудь Мадагаскар.

И только подружке своей – ласточке по имени Настя – не мог звонить Петя. Не было у ласточки Насти не только мобильного, это бы ещё ничего, да ведь ласточки-то по «мобильникам» не разговаривают. Как это может ласточка говорить человеческим голосом, когда операторы мобильной связи по-птичььи ни бе, ни мэ, ничегошеньки не понимают.

«Наоборот, надо ласточку научить понимать по-человечески, – подумал добрый, любознательный мальчик Петя. – Надо ласточку научить понимать язык операторов».

Такие мысли стали теперь посещать этого доброго, умного мальчика Петю – сына своей мамы – учительницы и своего папы Пети, Петра Петровича, у которого папа тоже Пётр Петрович, и дедушка Петин тоже Пётр Петрович, и так неизвестно до какого колена.

– Теперь детей в школе всему этому понимать учат, – сказала Пете его мама. – Не те теперь времена, когда мы

Царь Золотарёв

с папой твоим в школе учились. Не те теперь стали возможности...

И мама Петина стала куда-то звонить, а куда неизвестно и в каком направлении.

В конце концов всему научился мальчик Петя, освоил свой телефончик, и теперь Петя названивает, кому и куда захочет. И в нужный момент. Например, любит он звонить дяде Васе – лётчику сельхозавиации, когда он прилетает сюда к ним, на полевой аэродром рассеивать всякие удобрения и всякую «химию» для подкормки.

– Дядя Вася, вы ещё в воздухе или уже на земле?

– В воздухе, в воздухе... на земле, на земле...

– А когда к нам сюда прилетите?

– Да хоть завтра с попутным ветерком, а хоть и сейчас.

Выйдет мальчик Петя из своего домика на аэродроме, смотрит, как подружка его – ласточка по имени Настя – вьёт круги и шепчет, словно бы шепчет в мобильник такие слова:

– Ветер, ветер, ты могуч!

Ты гоняешь стаи туч...

И ласточка Настя, не обращая на ветер никакого внимания, всё вьёт и вьёт круги в небе над полевым аэродромом и покачивает своими крыльями, как будто понимает, что говорит ей снизу оттуда, от низенького, миленького домика с её, ласточкиным, гнездом, дружок её – этот дорогой, хороший, просто замечательный мальчик по имени Петя.

А вот и Петины друзья, опять прямиком сюда к нему после школы. Слушают тут ласточку Настю, и хочется им петь, щебетать, как она. А ласточке Насте хочется, как они, говорить и даже книжки читать.

И давайте мы расскажем про это, что бывало тут, когда прибежали сюда Петины школьные друзья – товарищи,

когда они книжки вслух тут читали, песни пели по очереди и все вместе, чтобы ласточка по имени Настя слушала их. И чем на всё это отвечала им ласточка? А ей каждый раз хотелось в ответ щебетнуть, вроде как тоже что-то сказать, какие песни она считает самыми лучшими.

Неаполитанские песни Робертино Лоретти, былина «Тяга земная».

Мальчик Петя слушал их и на стол свой квадратный только подкладывал им еду, которую давала ему сюда мама. А ребята выкладывали на стол из рюкзаков свою еду. И только у ласточки Насти не было ничего: – ни еды, ни рюкзака. Да и зачем ей рюкзак-то? Не будешь же летать с ним в клюве, гоняясь по небу за всякой мошкой, этой летучей братвой.

«Надо ласточке Насте, – думал иногда мальчик Петя, – рюкзачок специальный купить или маму попросить, чтобы сшила».

А вслух мальчик Петя сказал ребятам:

– И кому мы первому дадим слово? Прочитать что-либо или даже спеть, как вы, ребята, считаете?

В один голос ребята указали на своего одноклассника с голосом Робертино Лоретти.

– Пусть покажет себя, – сказали они, – а ласточка Настя послушает, послушает да и сама что –нибудь возьмёт и споёт.

Мальчик с голосом Робертино Лоретти сначала застенялся петь, даже ещё перед кем – перед ласточкой, но ребята стали упрашивать его:

– Нет, ты пой, пой! Интересно, что потом скажет нам ласточка?

– Ну, так что спеть-то? – наконец, согласился этот Робертино Лоретти. – Короткую песню или длинную?

– Хорошую, – сказали ребята.

Царь Золотарёв

– Итальянскую, – попросил его Петя. – Неаполитанскую песню.

– Так ведь ласточка по-итальянски-то не понимает, – сказали одни ребята. А другие в ответ им:

– Она ведь и по-русски не понимает, да, Петя?..

– По-русски она только учится, – сказал мальчик Петя. Очень уж хотелось ему защитить свою подружку Настю, а с ней и всех птичек, всё птичье царство от всех, кто сомневается в их певческих способностях.

– Ну, и какую неаполитанскую песню вам спеть? – вышел вперёд Робертино Лоретти и церемонно всем поклонился, а в первую очередь ласточке Насте – подружке Петинной. – Например, вот такую.

– Видишь, как прекрасно море,

Как волнуется оно.

На душе моей лишь горе,

Век страдать осуждено...

– Да у нас и моря-то нет, – перебили его ребята. – Спой другую какую-нибудь, не про море.

– Аврора уж солнце встречала, –

запел этот наш русский Робертино Лоретти, –

Покровы раскинув свои.

Багряной рукою ласкала

Аврора и в поле лучи.

В белый наряд твой белоснежный

Сердце не скроешь ты меня.

Буду любить я голос твой нежный,

Не для любви ли ты создана?

Одни ребята похвалили мальчика: «Он нам тут и про поле поёт»: «Багряной рукою ласкала Аврора и в поле лучи»...

А другие им возразили::

– Аврора тут какая-то у него непонятная. Зачем тут Аврора, что – ничего другого нельзя?

Ласточкин дом

– Можно, – ответил им Робертино Лоретти. – Есть у меня и ещё. Например, «Вернись в Сорренто», я могу петь её даже по-итальянски.

– Ну, давай, – согласились ребята, и даже ласточка и та, кажется, кивнула в гнёздышке ему своей головой.

*Помнишь ли ты это море
Здесь в лазоревом просторе,
Что обвило, словно лента,
Берег дивного Сорренто?..*

*Нет, я знаю, всё вернётся,
Мы увидим снова счастье.
Сердце радостно забьётся,
Позабыв разлуки зло.*

*О, не оставь меня,
Тебя я умоляю!
Вернись в Сорренто,
Вернись, молю!*

– Хороша песня! – воскликнули ребята, в том числе и те, каким не очень нравилось, что тут, как и в прежней неаполитанской песне, были слова только про море. – И откуда она взялась, песня эта, как на свет появилась?

– Приехал в это самое Сорренто один высокий чиновник, – стал рассказывать этот мальчик – наш русский Робертино Лоретти. – По поводу создания в этом Сорренто почты. Крохотный был городок, не было в нём даже почты. А жители так встретили этого чиновника, так спели ему про свой городок Сорренто, что он денег дал им, говорят, на целых два почтовых отделения!

– А я, – сказал добрый мальчик Петя, который тоже любил всякие песни, – а я бы денег дал на все три.

– Молодец, – похвалили своего Робертино Лоретти ребята. – Перейдём к следующему номеру нашей програм-

Царь Золотарёв

мы – поднялся из – за своего квадратного стола мальчик Петя.

– К какому номеру? – удивились ребята. – Пусть Робертино ещё поёт и поёт.

– Сами же говорили, – не согласился с ними Петя – хозяин этого домика. – Сами же говорили, будем ещё и книжки читать, и истории рассказывать. Конечно, не всякие, а какие поинтереснее. Да, Настенька? – повернулся добрый мальчик Петя к своей подружке, которая выглядывала сюда к ним из своего тёплого, уютного гнёздышка.

– Да, да, – кажется, кивнула она ему своей маленькой, ловкой головкой.

– Ну, и кому первому слово?

– Второму. Первый был – Робертино Лоретти.

– Ну, второму... Кому?

– Да вот ему,- обратили все внимание на своего одноклассника – лучшего ученика по литературе.

Лучший ученик сначала застеснялся, а потом и говорит:

– Ну, ладно. А что выбрать из этой вот книжки, что почитать?

– А что самому нравится, – сказали ребята. – Ты-то лучше нас знаешь, что выбрать.

– Ну, так это, что ли? – поднялся первый ученик. – Вот это хотя бы... только большой рассказ-то... лучше я вам его расскажу...

И откашлялся, оглядел всех и начал читать рассказ в сокращении. А мы возьмём и ещё короче станем рассказывать про то, что он...короче, дело к ночи...

– Что – так и называется рассказ? – спросил Робертино Лоретти – «Короче, дело к ночи»?

– Так и называется... условно...

Итак, «Короче, дело к ночи».

Рассказчик наш – первый ученик в классе по литера-

туре – смотрел в окно и рассказывал. Слова у него словно сами брались откуда-то из широкого поля на полевом аэродроме, куда как раз прилетел самолёт, и дядя Вася ушёл зачем-то в Подбелевец, наверно, в магазин.

Значит так... Такой вот рассказ «Тяга земная». Вернее не рассказ, былина.

«Всевышний наделил Святогора такой силой, что тот не мог сходить со Святых гор, не держала его мать сыра Земля. Знал про его такую силушку, один бог Перун... решил её испытать. Вызывает Перун на бой Святогора. А тот ему и говорит:

– Не осилишь ты мою силушку. Мне сама мать Земля ту силу даёт.

И поехали они вместе уже побратимами. А тут путник навстречу. Через плечо у него сумочка перемётная. Окликнули они его, спросили: «Что у тебя в сумочке наложено, что несёшь?»

Положил прохожий наземь ту самую сумочку и говорит:

– А ну подымите-ка её, тогда и узнаете.

Попробовал Перун, но даже приподнять не мог, из сил тут же выбился. Попробовал богатырь Святогор. Оторвал он сумочку от земли, а сам в земле угрыз.

И сказал Святогор спутнику:

– Что же это в сумочке твоей имеется, что даже я приподнять не могу?

И ответил Святогору прохожий:

– В сумочке этой тяга земная.

И тогда Святогор с Перуном спросили прохожего:

– Кто же ты будешь сам-то?

– Велес я, – ответил прохожий. – Бог, почитаемый Русью. Вот оно всё это – поле широкое, Русское поле! Я помог людям вспахать его, теперь мне Разум божеский, совесть, силу даёт. А придёт время, и ратным станет поле,

Царь Золотарёв

кровь прольём мы за Русскую землю».

Рассказывал первый ученик в классе по литературе, а сам всё поглядывал на ласточку Настю. Пусть привыкает к человеческой речи, к человеческой памяти, слушает про эту «Тягу земную».

Петины друзья школьные тоже впервые слышали эту былинку.

– Где это ты её откопал? – спрашивали они его, любителя старины, первого ученика по литературе, а теперь, конечно, ещё и первого по истории. – И какой, по-твоему, её смысл?

– Что – не видите разве? – отвечал их любитель былин, он же первый ученик в классе не только по литературе, но, оказывается, ещё и по истории. – Много тут смыслов. И все самые главные.

– Ну, и какие? – продолжали расспрашивать его ребята.

– Вот у Пети спросите, – ответил первый ученик. – он вам всё и расскажет. Мы с ним уже как-то говорили на эту тему. Да, Петя?

– В самом деле, много в этой былинке смыслов, – подтвердил хозяин этого домика. – И, на мой взгляд, он в самом названии былины – «Тяга земная». Земля тянет нас в себя, никуда от себя не отпускает.

– Ну, а другие главные смыслы? – всё допытывались ребята. – Какие, по-твоему, другие тоже главные смыслы?

– А что в самом конце былины сказано? А вот что – про широкое поле, Русское поле. Вот оно, это поле широкое, за окном, широкое русское поле, на котором теперь полевой аэродром. Поле это кормит нас, хлеб нам даёт это поле, хлебное Русское поле. Самолёт недаром летает сюда, рассеивает удобрения и всякую химию для борьбы с сорняками. Хлеб – разве это не главное?.. Где – то, помню, читал, было на хлебоприёмном пункте написано: «Рыба – вода, яблоки еда, а хлеб – всему голова»...

– Конечно, без хлеба мы никуда, – поддержали Петю ребята, его школьные друзья – товарищи. – Как без хлеба? Как за стол, так за ложки, как за ложки, так за хлеб. Помните, в магазин к нам в Подбелевец хлеба не привезли, так не знали, куда за хлебом бежать...

– Чибрики стали печь, – подтвердил Петя. – А с этими чибриками какой борщ? Так, вода на киселе...

Ласточка по имени Настя слушала мальчиков и тоже как будто всё понимала. Но хлеб она не ела, а ела иногда хлебные крошки, которые Петя сыпал с ладошки ей на порожки.

– И что ещё главное в этой былине? – не унимались ребята. – Что у людей может быть ещё главнее, кроме хлеба?

– А опять же что в конце былины написано? – сказал Петя – умный такой, сообразительный мальчик, много книжек читает. – А вот что...

– Что, про совесть, что ли? – опять перебили его ребята.

– И про совесть, конечно, – сказал им Петя, у которого папа тоже Петя, Пётр Петрович, а у него папа тоже Петя, Пётр Петрович, и так до седых, нескончаемых веков. – Да, я вот про что. Про такие вот слова в былине, в самом конце: «А придёт время, и ратным станет поле, кровь прольём мы за Русскую землю»...

Папа мой Пётр Петрович относится к «детям войны». Войну ребёнком ещё видел собственными глазами, испытал на самом себе. До сих пор, говорит, страшно... Так вот, это самое Русское поле неподалёку тут от нас, даже поблизости – Похвальное называется... Так оно всё в крови было, там на каких-то десяти гектарах легло сразу десять тысяч наших людей – хлеборобов... В земле угрязли...

Разговорились мальчики – Петины друзья – товарищи школьные, кто про что, а всё к войне сворачивают, к

Игорь Золотарёв

крови, пролитой всеми нами за землю родную. У каждого в семье кто-то погиб или ранен был, не дожил до светлого Дня Победы, которому в этом году исполняется уже семьдесят пять лет...

Так и не получилось у ребят ни о чём другом ещё поговорить, кроме войны в этот год Великой Победы.

– «И хорошо», – скорее всего, подумала ласточка по имени Настя, глядя из своего уютного, тёплого, мирного гнёздышка на разговорившихся мальчиков, в памяти которых хранится немало, в том числе и сражение под Похвальным...

Вот и Настины друзья – ласточки стали прилетать сюда к ним и садиться на домик. Облепят крышу до самого верха да и слушают ребят – одноклассников Петиных. Хорошо с друзьями Пете и Насте!

А может, это ещё те Настины дети, что родились тогда, когда ласточка Настя жила на вокзале. Зима была, холод. А теперь вольному воля. Подросли они, стали взрослыми, взяли да и прилетели сюда, к домику у полевого аэродрома. Нашли свою маму.

А к ним, Настиным деткам, присоединились ещё какие-то ласточки, а к этим ласточкам ещё и ещё. Получилось всех целая стая, летают и летают над полевым аэродромом. Полетают, полетают и сядут на крышу домика, где ласточка – мама по имени Настя живёт в Петинском домике.

Обычно ласточки летают по одиночке, а тут сколько их сосчитать невозможно.

*Летите, ласточки, летите!
Для вас ни в чём запрета нет,
Несите, ласточки, несите!
Везде и всюду свой привет!*

Те, кто детки ласточке по имени Настя, так рады ей, своей мамочке. Никак с ней не нащечуются, не нагово-

рятся. И ласточка Настя рада, конечно, им, деткам своим. А какая мать не рада своим деткам, которых не видела столько времени, думала, что навсегда потеряла.

– Мама, мамочка! – вьюном вьются они вокруг ласточки Насти, когда все вместе летают они над полевым аэродромом. – Расскажи, расскажи, как ты одна была тут без нас.

Ласточка Настя им, конечно, щебечет, щебечет, а сама думает: «Нет, лучше уж вы сначала мне о себе расскажите. Где были, милые вы мои, что видели, что слышали?»

А детки её были, как и люди, мужского и женского рода. При этом самой активной была ласточка женского рода тоже по имени Настя, так назвала её про себя мама Настя.

– Расскажи, расскажи, Настенька, про себя, – щебетала ей ласточка – мама, – что ты делала, чем без меня занималась?

– А мы, – прощебетала ей ласточка Настенька, – как только стало тепло и ты вылетела из вокзала, так сразу же за тобой. И разлетелись все кто куда, в разные стороны.

– Ну, а ты куда улетела, куда улетела ты, Настенька? – щебетнув, спросила её ласточка – мама.

– А я, как и ты, мамочка, – сказала вполголоса Настенька, – решила тебя искать. Как и ты, взяла и влетела вслед за людьми в вагон электрички, идущей на Курск, а потом назад на Орёл. Доехала до своей станции под названием Малоархангельск, и думаю: «Так я буду мотаться туда – сюда без конца, а тебя, мама, всё равно не увижу».

Взяла и вылетела вслед за пассажирами из вагона на своей станции Малоархангельск, где мы прожили целую зиму.

Летаю, летаю вокруг вокзала, и все другие ласточки стали вокруг меня собираться – мои братья и сё-

Царь Золотарёв

стры. И стали мы друг другу рассказывать, кто где был, что видел.

– Ну, и что же они все видели и что слышали? – спросила свою любимую дочку ласточку Настеньку мама – ласточка по имени Настя.

– Один мой братик полетел в сторону леса под названием Мурашиха. И видит, люди ходят по Мурашихе, перекликаются, наклоняются за чем – то... «Ягоды собирают, – догадалась я. – А то, может, уже грибы пошли»...

– А другая ласточка – мужского рода – куда она улетила? – спросила мама.

– Братик мой рассказывал после, долетел он до ручья такого – Куликоржавец. И видит, на берегу сидят мальчики и на костре уху варят. Рыбки, скорее всего, наловили в этом самом Куликоржавце...

– А третья ласточка, эта что? – спросила её ласточка – мама. – Куда ты, сыночек мой, мой улетел?

– А никуда. Летал то к одной сестре, то к другой. А потом и говорю: «Что ж мы всё тут летаем и летаем от одного места к другому. Давайте лучше в другие места летать, искать свою маму»... «Ну, мы стали летать везде и всюду. И вот нашли тебя, мамочка»...

– Молодцы какие! – восхитилась ласточка – мама по имени Настя. – Какие вы у меня все умницы да разумницы, какие хорошие!

Сидела ласточка Настя со своими детишками на крыше домика у полевого аэродрома и разговаривала с ними, щебетала по-своему. А в домике мальчик Петя со своими школьными друзьями – товарищами слушал их, и Петя переводил ребятам всё, что слышал и понимал, переводил с языка птичьего на язык человеческий.

– И что же они там, на крыше-то всё-таки делают? – допытывались ребята у мальчика Пети – своего друга – товарища.

Ласточкин дом

– Совещание проводят, – засмеялся мальчик Петя. – Как в школе у нас, педсовет – педагогический совет.

И о чём, самом главном, говорила на крыше домика ласточка – мама по имени Настя? А вот о чём. Она всё рассказывала, всё щебетала и щебетала о том, что самое красивое место тут, во всей округе, – это посёлок Синяевский с его речкой Алёшной, с белыми берёзовыми рощами и синими речными туманами, с ледяной водой в речке, по которой иногда с берега на берег проплывает змея – серая, с белыми ушами.

– Это ужи, ужи! – закричала ласточка – мама по имени Настя. – Ужи такими бывают! Я видела их, – говорила она мальчишкам, какие варили в кастрюле уху.

– Уху из ужей? В кастрюле? – удивился младший братик ласточки – Настеньки.

– А в чём же варят?

– В казане.

– Так это всё равно: что казан, что кастрюля, – сказала им ласточка – мама по имени Настя.

– А откуда ты знаешь?

– Мне мальчик Петя рассказывал. Он сам пескарей варил в казане...

– Ой, мамочка! Это так интересно! – захлопали крыльшками птички – ласточки, птички – невелички, ласточкины дети. – Так интересно!

– А ещё, что видела я там, в Синяевском, самое самое интересное, – стала рассказывать ласточка – мама по имени Настя. – А может быть, и самое страшное.

– Страхное?!

– Да, самое страшное.

– Ой, Расскажи, Расскажи!..

– Самым страшным мне показалось вот что, – вздохнула мама – ласточка. – Летает коршун над посёлком, хищник такой, большая чёрная птица... И зорко смотрит

Царь Золотарёв

со своей высоты, что там на земле творится. А на земле творилось вот что... По двору дома посередине Синяевского, у тётки Оли и дяди Вани Тихоновых, ходил цыплят целый выводок. Наседка водила их по двору, учила цыпляток есть, пить и вообще как жить. И тут с неба коршун камнем вниз и хватить цыплёночка и туда к себе, в небо...

– Разбой, разбой! – бегают по двору мама – наседка, а за ней тётка Оля, а за тёткой Олей дядя Ваня.

И тут дядя Ваня бегом домой, выбегает с ружьём...

– И откуда ты, мамочка, про всё это знаешь? – спрашивают дети ласточку – маму по имени Настя. – Сама видела?

– Да нет, – сказала она, – мальчик Петя рассказывал, а ему рассказывала тётка Оля – родная сестра его мамы.

Ласточки – дети посидели, посидели вокруг своей мамы – ласточки по имени Настя, пощебетали, пощебетали там, на крыше домика, где жил мальчик Петя и их мама – ласточка Настя – да и говорят:

– Нет, мамочка, мы туда не полетим, нам смотреть на всё это страшно, – решили ласточки – дети тут, на своём педсовете. – И в самом деле там страшно, нехорошо. Смотреть на коршунов мы не любим.

– Так дядя Ваня коршуна-то прогнал в его Арендный лес, где коршун живёт. А может, даже и застрелил. Дядя Ваня стреляет без промаха...

– Всё равно страшно, – сказали, в конце концов, дети ласточки и мама – ласточка согласилась с ними.

А на другом своём педсовете ласточки вот о чём говорили и что решили.

– А раз мы в посёлок Синяевский летать не собираемся, – говорили одни, – то надо же нам ещё чем-либо развлечься. Танцевать, песни всякие петь...

– Художественной самодеятельностью, – подсказывал им снизу из домика, через распахнутое окно, мальчик

Петя, который как раз проводил со своими школьными друзьями – товарищами свой педсовет.

– А какие песни будем петь? – спрашивали ласточки – дети маму – ласточку по имени Настя. – Надо такие петь, чтобы и мы знали их, и люди нас понимали.

– Пусть тоже учатся, – сказала им мама Ласточка, как когда-то посоветовал ей и добрый, умный мальчик Петя, наслушавшись в школе первого ученика по пению с голосом Робертино Лоретти.

– И какую же песню этого мальчика? – стояли на своём ласточки – дети. – С какой начнём?

– Может, с той, что пел тогда этот самый Робертино Лоретти? С неаполитанской песни? Споём и мы тоже по-итальянски... Всё равно они ничего не понимают ни по-итальянски, ни по-нашему, по-птичьему, да, мамочка?

Это они так говорили по-своему, там, наверху, на крыше, а внизу, где в комнате за квадратным столом сидели ребята – мальчик Петя и его школьные товарищи, этот мальчик Петя ничего, конечно, не понимал по-итальянски, и только по-птичьему, по-ласточкиному уже кое-что начинал понимать. Так вот, прислушался он к голосам наверху, перевёл их внутри себя с птичьего на язык свой, человеческий, да и сказал:

– Слыхали? Они хотят закатить нам концерт. Спеть какую-то песню.

– Может, ещё и станцевать? – засмеялся один мальчик, а другой поддержал его такими словами:

– Прямо тебе Ансамбль песни и пляски имени Александра...

И тут, уже к вечеру, ребята услышали в своей школе мальчика с голосом Робертино Лоретти не с песней «Вернись в Сорренто», а уже с другой – «О моё солнце!»

*Как ярко светит после бури солнце,
Лучами алыми мир озаряя*

Игорь Золотарёв

*И к новой жизни сердце пробуждая,
Как ярко светит после бури солнце!*

*Я знаю солнце ещё светлей,
О, дорогая, солнышко моё!
Солнышко, ты солнышко моё!*

*Как ярко светит солнце в час заката!
Лучами алыми мир озаряя.
Привет прощальный шлёт, нас обнимая
Как дивно светит солнце в час заката!*

– Что это он? – спросили ребята учительницу по музыке. – Что это он так распелся, как Робертино Лоретти?

– Да к фестивалю готовимся, – сказала она. – Осенью состоится фестиваль в Курске «Курские соловьи»...

Про это всё ребята – школьные друзья – товарищи Петины да и сам Петя узнали потом, услышав от ласточек, собирающихся запеть что-то своё, похожее на человеческое. А вот, когда ласточки во главе со своей мамой – ласточкой по имени Настя вдруг поднялись в небо и стали делать круги над полевым аэродромом и по-особому как-то раскачиваться, покачивать крыльями, как будто танцевать, они посмотрели на ласточек и подумали:

«Ну, конечно, это они так танцуют... какой-нибудь вальс «Голубой Дунай» или вальс «Амурские волны», а то может ещё на какой-нибудь только им известный мотив.

И запели ребята, слегка покачиваясь, как и ласточки, сидя плечом к плечу за Петиним квадратным столом:

*– Я помню вальса звук прелестный
Весенней ночью в поздний час.
Его пел голос неизвестный,
И песня чудная лилась.
Да, то был вальс прелестный, томный,
Да, то был дивный вальс.*

Ласточкин дом

Пели ребята, а сами смотрели на небо, где танцевали, ласточки во главе с мамой – ласточкой по имени Настя. Так, по крайней мере, казалось им, когда они слышали слова «Я помню вальса звук прелестный». А потом Петя перешёл на другую песню со словами известного поэта Иннокентия Анненского «Среди миров», и все тут же подхватили её.

*Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому что я её любил,
А потому что я томлюсь с другими.*

И им показалось, что где-то там, в небе, летая и слегка покачивая крыльями, ласточки, милые ласточки поют вместе с ними, и громче всех, просто великолепно поёт ласточка по имени Настенька. Какие невероятно красивые, просто чудо слова!

*И если мне сомненье тяжело,
Я у неё одной ищу ответа,
Не потому что от неё светло,
А потому что с ней не надо света.*

А в небе над ними уже зажигались вечерние звёзды.

Ласточкина школа. Сколько тут птичьего щебета, ребячьего восторга, а сколько книжек, песен, стихов, воздуха, простора, свободы! Ребята учатся летать.

Петина школа в домике у полевого аэродрома. И ласточки тут учатся читать, считать и людей понимать. «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы». А.С. Пушкин – поэт высокого полёта.

«Скоро осень, за окнами август» – любимая песня Петиных родителей. Вот и холода уже на носу. Петина арифметика. И как это здорово! Каждому мальчику – своя ласточка.

*Живите, ласточки, живите!
Для вас у нас запретов нет.*

Игорь Золотарёв

Несите, ласточки, несите

Друзьям всем Петиным привет.

И стали ласточки в Подбелевце к школе летать. Вить круги над ней всё ниже и ниже. Все школьники, даже учителя, выбегут за порог и машут им, привечают. Но думают: «А зачем им учиться? Ну, не за парту садиться, а и без парты можно ведь вникать им в мир человеческих отношений». Нет никому покоя тут от весёлого птичьего щебета, а покой никому и не нужен. Как говорится, «покой нам только снится». Ну, и всё-таки сколько в школе тут книжек, песен, стихов, как вы думаете? «Миллион и маленькая тележка», – в шутку скажет иной раз друзьям своим Петя. А проще, столько же, сколько вокруг воздуха, простора, свободы. «Пока свободою горим»...

А к школе отсюда, от домика Петиного на полевом аэродроме, летают, летают все, кому, как говорится, не лень. Кроме кого? Кроме самой мамы – ласточки по имени Настя и её особо приближённых родных её дочек и сына. А как же ещё назвать детей её, рождённых ещё на железнодорожном вокзале на станции Малоархангельск? А самой любимой дочечки, которую про себя называет Настенькой её мама – тоже ласточка по имени Настя, она разрешает лепить гнёздышко в Петином домике рядышком со своим, чтобы днём и ночью друг с другом переговариваться.

Как-то раз, уже в сентябре, выпал снежок. Пролежал с неделю, тут же растаял, однако воспоминания о себе оставил. И ласточек напугал. Даже голуби и те забрались под застреху, где ни снегу, ни зыбкого ветра – сиди себе да сиди. Жди, как говорится, у моря погоды. Живи, щебечи от души, ешь не хочу всё, что сыплют тебе на порог эти добрые, хорошие школьники – мальчики и девочки...

А мама – ласточка по имени Настя беспокоилась за всех ласточек, а не только за родных своих, близких.

«Надо как – нибудь слетать туда, в Подбелевец, и посмотреть, как они без меня там обходятся, как, наверно, и голуби под застрехой в Подбелевской общеобразовательной школе».

«Ещё и летать разучатся? – подумала сразу обо всех ласточках мама – ласточка по имени Настя. – Как, голуби, станут такими же грузными, неповоротливыми».

– Как ты думаешь, Настенька, – спрашивала мама – ласточка по имени Настя свою любимую дочечку, с которой без конца тут переговаривалась по любому поводу и даже без всякого повода. – Это ведь такое важное дело – забота о своих, хоть и дальних, но всё-таки родственниках.

Родственниками она считала всех ласточек, примкнувших к ним сюда в разное время.

– Не надо, мамочка, не надо, – щебетнула ей тоненьким голосом Настенька.

«Эгоистка какая», – подумала мама о своём чаде и тут же сказала ей вслух:

– А может, ты заболела?

– А ты что – разве не знаешь? – щебетнула ей Настенька. – Ласточки не болеют, ласточки сразу же умирают.

– Ну, это ты даже слишком, – успокаивала её мама – ласточка. – Не надо, Настенька, впадать в пессимизм.

Конечно, доподлинно так, такими словами, обычно ласточки, может, и не разговаривают, но где-то близко к этому про себя всё-таки думают.

«Вот и подходит к концу история про ласточек», – подумал добрый мальчик Петя, глядя на всех этих ласточек у себя в домике, за которыми в это время успел понаблюдать и к которым, естественно, привязался.

– Хватит тебе расстраиваться-то, – говорили ему ребята – его школьные друзья – товарищи, частенько наве-

Игорь Золотарёв

дываясь сюда к нему в его низенький, маленький домик. – Продолжай, Петя, за ними наблюдение и записывай всё, веди дневник.

Конечно, мальчик Петя вёл наблюдение не только за ласточками, какие летали в Подбелевскую школу учиться там уму – разуму, но и за теми, которые жили тут с ним постоянно. Наблюдал за мамой – ласточкой по имени Настя и за дочкой её любимой Настенькой. «Живите, ласточки, живите! И не болейте. Тут хорошо вам, тут никаких вам сквозняков».

Петя знал, что животные в мире природы всё же болеют. Например, был у них в доме его любимый кот Вася. Вместе телевизор смотрели, вместе иногда мурлыкали, чуть ли не пели. И вот Вася заболел. Повезли они его с мамой в город к врачу-ветеринару. Тот осмотрел Васю и говорит:

– Диабет у него, сахар большой.

– А что у котиков диабет разве бывает?

– Бывает, – говорит ветеринар. – Всё у котиков, как и у людей. Будем ему делать капельницу... И стоять это будет две тыщи...

Заплатили они, конечно. Ещё бы, любимый кот. Не только телевизор смотрит, но и музыку любит и понимает всё, что говоришь ему, как говорится, до «шпента».

Ну, так сделали Васе капельницу и, довольные, поехали домой. А кот Вася на другой день помер. Прямо на руках у Пети.

Пришёл папа домой.

– А ну, говорит, – покажи, что там врач в капельницу влил, чего предписал?

Глянул – глюкоза.

– Так это же сахар! – воскликнул он. – А у кота диабет. Сладкое ему, как и человеку, категорически запрещено...

До сих пор добрый мальчик Петя как вспомнит про это, так сердце у него обливается кровью. И у ласточек,

оказывается, бывают всякие человеческие болезни, а не только простуда.

– Ты вот что, мать, – говорит он маме – ласточке по имени Насте, – лучше приглядывай за дочкой своей, за Настенькой. А то мало ли что.

– И так приглядываю, – щebetнула ему мама – ласточка Настя.

Всему научилась она, пока тут живёт. А главное, Петю понимать с полуслова.

Ну, ладно, про это хватит, про всякие болезни и неприятности, будем говорить о хорошем, которого в жизни не меньше, чем чего-то плохого. На войне, папа рассказывал (он же принадлежит к «детям войны»), так вот, на войне и то бывало иногда что-то хорошее. Например, тысячами гибли солдаты наши в сорок третьем году. Это, конечно, плохое. А хорошее – делились наши солдаты с мирными жителями американской тушёнкой. А то и сахарку детям сыпали на ладошку...

Ну, дай доскажу про кота Васю. Мальчик Петя, если его спросить, закончил бы так: «Кем ты, Петя, в жизни хотел бы ты стать, если бы спросили тебя?» Я думаю, он бы ответил: «Ветеринаром!» – И куда после школы пошёл бы учиться? – В Питере, в ветеринарный институт. – В такой институт понятно, а вот почему в Питер? – А потому что Питер «кое-кому штаны вытер», а мне он Первый город – герой и культурная столица России.

И самое главное, о чём бы стал думать умный, может, даже самый умный из всех подбелевских школьников этот мальчик Петя, у которого папа тоже Петя, Пётр Петрович, и, значит, мальчик Петя тоже будет когда –нибудь Пётр Петрович. А кто же ещё? Так вот, самое главное, о чём подумал бы этот умненький мальчик Петя, это о том, что книжка, которую автор её писал как дневник о нём, Пете, и его ласточках, что книжка эта уже кончается,

Игорь Золотарёв

а что надо сделать в самом конце? Прибавить. А что прибавить, Петя ещё не знал, но предчувствовал. Может, как у спортсменов? Прибавить к финишу, чтобы победить. Может, как у ветеринаров, чтобы лучше лечить котам, собакам, ну, и лошадям, конечно, овец и коров? Этого Петя ещё не знал, а знал только одно: прибавить, и всё. Чтобы стать хорошим специалистом, надо всё прибавлять и прибавлять, может быть, всю свою жизнь. Хорошим ветеринаром, хорошим спортсменом, хорошим учителем, главное – станешь специалистом. Но тут автор своё, наверно, уже прибавил, это к слову.

И особо, Петя знал, что надо прибавить не когда – ни будь, а сейчас в понимании ласточек и самой главной из них и любимой им ласточки по имени Настя.

«Наши отношения с ней, – думал Петя, – состоят, наверно, из двух частей. Во-первых, это моё отношение к ней, а точнее, наши взаимоотношения, и в чём? А в том, скорее всего, что я ей помогаю лучше освоить людей, постичь речь человеческую, а с речью и самого человека. А во-вторых, ласточка эта по имени Настя помогает и мне глубже вникать и в неё, и во всех других ласточек. В общем, во весь, скажем так, животный мир, а с ним и во весь мир природы».

«А ещё через это «окно», – думал Петя, глядя за форточку своего домика на полевой аэродром, куда только что прилетел самолёт, а в нём дядя Вася – лётчик без парашюта. – А «окном» для меня, – ещё глубже вникал мальчик Петя в мир природы, – является эта самая Настя, эта ласточка по имени Настя – самая главная для меня и любимая».

Так и жили они в этом маленьком, низеньком домике у полевого аэродрома вблизи цистерны с горючим, которым Петин папа помогал дяде Васе заправлять самолёт.

– Конкретно надо помогать ласточке по имени Настя, этому моему «окну» в мир живой природы, – сказал вслух

сам себе мальчик Петя, которого по его мыслям вполне возможно было принять за взрослого человека, но ведь Петя перешёл только что в пятый класс, но и этого ему, наверно, хватает. И вроде бы взрослый уже, и от детства ещё не отошёл, фантазий всяких в нём хоть отбавляй, пухнет от них голова.

«Ну, так в чём конкретно помогать надо любимой, хорошей моей ласточке по имени Настя? – продолжал думать умненький, уже почти взрослый мальчик по имени Петя. – А вот в чём! В понимании людей... А создам-ка я тут, в своём домике, специальную школу: буду учить Настю читать умные книжки, а через книжки она начнёт лучше понимать и меня, и вообще человека, и всё, может быть, человечество».

Ну, и с чего начнём? С каких авторов, с каких произведений? С каких романов, рассказов, стихов? С романов, скажете, это слишком. Да ведь сам-то Петя прочитал «Дон Кихота» Сервантеса ещё во втором классе, а «Тихий Дон» Шолохова – в четвёртом. А стихи Сергея Есенина до сих пор читает и даже наизусть учит, вернее, они сами учатся, западают в самую душу.

Вот мальчик Петя посидел – посидел в своём маленьком, как у Сергея Есенина, «низеньком» домике тут, за своим квадратным столом, и потянулся рукой к полке с книжками. И одна книжечка сама потянулась к нему – «Радуница». Первая книжка поэта («Петербург, 1916 год», роттапринтное издание, Москва, 1990 год).

«И сколько у него тут стихов, в первой книге поэта? – подумал Петя, перечитывая стихи, начиная с «Руси». – Ну, и с какого начнём?»

Прочитал все 32 стихотворения. «Может, с этого?»

*«Гой ты, Русь моя родная»
Гой ты, Русь моя родная,*

Царь Золотарёв

*Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.*

– «Вот это да! – не удержавшись, воскликнул Петя. – Как это здорово! Вы только послушайте! «Только синь сосёт глаза»... А попробуй скажи... Да, ласточка? – помахал мальчик Петя первой книжкой Сергея Есенина перед глазами ласточке Насте.

«Хорошо», – показалось Пете, как в ответ щебетнула ему эта ласточка Настя.

– И что дальше? – сказал Петя своей любимице – ласточке. – А вот.

*Если крикнет рать святая:
– Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.*

– Вот это да! – почти человеческим голосом щебетнула ему ласточка Настя. – Это прямо как будто для нас с тобой, так?

– Так, так, – застучало Петино сердце. – Тик-тик, тик-так, тик-так.

И мы в подтверждение этого скажем: «Вот как прибавил добрый, умный, даже умненький мальчик Петя, показав Насте первую книжку великого русского поэта Сергея Есенина».

Ласточкин дом. Другая ласточка лепит тут себе гнёздышко. Носит в клюве сюда, в Петин маленький, «низенький» домик, сырые комочки глины, и гнездо растёт прямо – таки на глазах. Петя широко распахивает дверь: «Летите, ласточки, летите! Тут вам всегда и стол, и дом»

Дело к зиме. Ласточки в спортзале Подбелевской общеобразовательной школы. Танцы спортивных пар

И вот во сне ласточка по имени Настя едет с Петей на пассажирском поезде , к самому синему в мире Чёрному морю, в Крым, где волна за волной плещут о берег знаменитого детского оздоровительного лагеря «Артек».

Это он, мальчик Петя, добрый такой. И куда тут, в этом маленьком, низеньком Петином домике, вместаться им, этим ласточкам? Вон всех сколько, не сосчитать. И всё прилетают, прилетают с разных сторон. Холода надвигаются, зима уже на носу. И куда деваться им, птичкам – невеличкам, всем этим теплолюбивым ласточкам?

Однако в самом Петином домике ласточкам хорошо: и любимой Петиной хорошей, умненькой ласточке по имени Настя, и любимой дочке её, тоже Настеньке. Мальчик Петя теперь уже дверь закрывает, чтобы не заходил сюда воздух холодный. И ещё начал Петя топить помещение, включает иногда электрокамин.

«И всю зиму буду топить, – думает мальчик Петя, – ведь не дровами, а электричеством. Ничего, ничего, у нас с папой денег хватает , у папы в кармане деньжонки не переводятся. Папа работает сразу на двух работах. Получает за то, что сторожем на складе и за то, что управляет горячим самолёт на полевом аэродроме.»

– Ничего, ничего, ласточки вы мои дорогие, – уже вслух говорит мальчик Петя и ласточке – маме по имени Настя и другой ласточке – её дочке Настеньке. – Со мной не пропадёте.

Мама – ласточка всё это хорошо понимает и отвечает по-своему, щебетом, это она как бы переводит всё то, что говорит Петя, с человеческого языка на птичий. И Настеньке тут хорошо. Спокойно ожидает она в Петином доме надвигающуюся зиму.

И всё-таки мама – ласточка по имени Настя думает и о многих других. Петин домик – это тебе не железнодорож-

Царь Золотарёв

ный вокзал, все бы туда в него поместились. А тут такая стая, такая орава птичья – разве же хватит всем места? «В Подбелевец, в школу надо лететь», – вот о чём в первую очередь думает мама – ласточка Настя, которая считает себя вроде мамой для всех, а не только для Настеньки. Так жалко ей всех этих ласточек, слетающихся сюда отовсюду.

Мама – ласточка по имени Настя такая жалостливая, заботливая. А почему? А всё потому, что от мальчика Пети к ней, скорее всего, всё переходит. От доброго, умного, заботливого мальчика Пети. Он ещё когда подумал о том же, о чём только сейчас думает ласточка Настя: «Надо на зиму всех ласточек куда-то пристраивать».

– Да, ребята? – сказал он вслух своим друзьям – товарищам, одноклассникам, когда они пришли сюда к нему в домик. – Надо на это всех людей поднимать – и самих школьников, и их родителей, учителей, всю Подбелевскую школу. Что же ласточкам пропадать?

– Я могу домой себе взять ласточку, – сказал один мальчик.

А другой поддержал его:

– А я две.

А третий мальчик, самый догадливый, возьми и скажи:

– Может быть, в школьный спортзал их впустить?

– Когда?

– Да хоть завтра. Пусть одна за другой лепят там себе гнёздышки. До холодов успеют.

– Успеют, успеют, – захолопали все ребята в ладоши.

Очень уж понравились им эти его слова.

– Ведь не врозь в спортзале будут жить ласточки, а все вместе, – сказал один школьник, какой постарше, а другой ему и говорит:

– Не только вместе будут жить, но и вместе летать, спортзал-то не маленький.

– И спортом будут тут заниматься, – сказали довольные школьники, – и девочки, и мальчики.

– А мы будем их кормить и водичку им приносить, – поддержал мальчик Петя своих школьных друзей-товарищей.

– Урра-а! – закричали ребята, и громче всех добрый мальчик Петя, который был самый умный и самый добрый, добрее, наверное, всех.

И мальчику Пете показалось всё это так хорошо, просто замечательно! Но будет ещё лучше, если ласточек возьмут к себе, разберут по домам школьники, тоже добрые, умные подбелевские мальчики и девочки.

И стал мальчик Петя ходить сюда, в свой маленький, низенький домик, каждый день. И каждый раз с ласточками говорить. Продолжал учить их вроде как разговаривать по-человечески, как он это делает дома со своими папой и мамой.

И вот что Петя говорил им вслух, своим ласточкам:

– Вот у меня папа Пётр Петрович, так он деньги уже отложил, чтобы кормить в доме всех вас, ласточек. Чтобы было вам всего вдоволь...

И для одних школьных своих друзей – товарищей Петя однажды вот что придумал:

– Вот и скажите своим родителям, что есть у нас в Подбелевце уже такой, как это?...прецедент...

А с другие друзья – товарищи как упёрлись, мы, говорят, слово такое не понимаем – «прецедент» и понимать не хотим...

Так Петя не стал им на это ничего отвечать, а сказал вот что:

– Дядя Вася – лётчик без парашюта опять завтра прилетит на наш полевой аэродром. Так я его всё-таки упрощу покатать нас на самолёте...

– Замечательно, – обрадовались все, даже в ладоши захлопали.

Царь Золотарёв

А другой ученик из более старшего класса сказал Пете:

– Ты был дома у нас, Петя? Был? Видел, на шкафу стоят три самолётика?

– И что это значит?

– А то. У меня три брата, и все они лётчики. Летают на самолётах.

– Сельхозавиации?

– Один – на «истребителе», другой – штурман морской авиации. Закончил в Николаеве военно-морское училище...

– А третий?

– Видели? Летом в этом году приезжал к нам домой сюда, в Подбелевец? Это Николай. Так он командир экипажа пассажирского самолёта «Боинг» (номер какой-то, позабыл) Так он летает по многим маршрутам, например, Москва – Париж, Москва – Нью-Йорк, Москва – Гамбург... Такие-то у нас дома «ласточки»...

– А что же Николай к нам сюда не летает? – пошутил кто-то из одноклассников Петиных.

А Петя в ответ такое ему сказал, что тот аж волчком завертелся.

– Хвосты в самолёте некому тут заносить...

Так и шло время, времечко. Вот уже выпал и первый снежок. Растаял. И ещё выпал, и ещё. Покрыл землю, как говорится, белым одеялом. Но тут в Подбелевце, с ласточками полный порядок. Будет им и что поесть, и где жить.

И добрый мальчик Петя возьми да и скажи ласточкам, что о зиме нечего им беспокоиться, так они сразу повеселели, есть куда им деваться. И разлетелись по домам по всему Подбелевцу. И стали совершать тренировочные полёты вокруг всего Подбелевца.

– Салютуют, – махали им снизу ребята – подбелевские мальчишки и девочки. Так было им хорошо, особен-

но в солнечный день, когда ласточки резвились в небе, прямо-таки купались в синих своих небесах, в солнечных облаках.

А сегодня мальчик Петя отчего-то не пришёл в Подбелевец, даже в школу не пошёл, пропустил уроки, в том числе и по литературе. У него своя литература оказалась тут, в его маленьком, миленьком, «низеньком» домике у полевого аэродрома. Сегодняшний день мальчик Петя решил посвятить творчеству, а именно, рассказу, который он сам написал для подружки своей – ласточки по имени Настя.

Засел Петя за стол свой квадратный, положил на него листы, исписанные ещё с утра. А это дело уже к обеду. Все знали, что Петя иногда сочиняет стихи, а тут рассказ. Да ещё про самого себя, когда он был ещё маленьким, ещё не ходил в школу. Рассказ-то про самого себя, а как будто про другого какого-то мальчика по имени Миша и под другой фамилией – Кнопочкин, Миша Кнопочкин.

– Иди сюда, – позвал Петя ласточку Настю. – Иди послушай, что я тут начирикал.

– Написал? – поправила его ласточка по имени Настя. – Рассказы пишутся, а не чирикаются. Что ты птица какая-нибудь, что ли, чтобы чирикать?

– Ну, ладно, ладно, – приостановил ласточкино щебетание мальчик Петя и усадил её на спинку стула напротив себя... Слушай, Настя. Рассказ называется **«Бабушкин праздник»**. Буду читать его в сокращении.

– Почему? – спросила его ласточка Настя.

– А чтобы ты не устала, – заметил мальчик Петя как автор рассказа. – И всё поняла. Ну, слушай...

«Бабушке Рае стукнуло целых полвека. Все вокруг раскричались: «Юбилей! Юбилей! Это надо отметить!». И вот домой к ней пришли её сын и дочь. И привели с собой детей своих: два внука и три внучки. Бабушка Рая

Игорь Золотарёв

стала расставлять на столе посуду, всякую еду, и внушки кинулись помогать. И бабушкин сын принялся жарить на мангале привезённое из города мясо, готовить шашлык. И один внук тоже стал ему помогать, а другой – Миша – стоял в стороне и не знал, что ему делать со своей спичечной коробкой.

Тут все принялись дарить бабушке Рае подарки. Одна внучка вручила бабушке кошелек, вышитый бисером собственными руками. Другая внучка сама нарисовала картину про бабушкину корову. Третья привезла с мамой из города торт.

– А ты что подаришь бабушке? – спросили Мишу. – Что ты ей приготовил?

Маленький Миша вышел вперёд и, поцеловав в щёчку, подал ей спичечный коробок.

– Подарок маленький такой, незначительный, – подлетела самая живая из внучек. – А ну, покажи, покажи, что там у тебя в коробочке?

– Ой! – закричала она. – Ой-ой-ой! Это жук колорадский! Он подарил ей жука, который вредит всем... Брр.. картошку ест на огороде...

И все, даже взрослые, бросились смотреть в коробочку.

– А ну – ну, покажи!.. Какой полосатый, противный... Вышвырни его вон отсюда...

Бабушка Рая наклонилась к Мише и спросила:

– Где ты его взял, внучек? На нашем огороде?

– Я взял его на огороде у бабушки Веры, – сказал Миша с дрожью в голосе. – Смотри, бабушка, какой он маленький... самый маленький... и все его травят, все против него... А он такой тихий, мне жалко его. Я на его стороне...

Бабушка, которая утром была на огороде и опрыскивала там у себя картошку, наклонилась к Мише и погладила его по головке, сказала добрым, ласковым голосом:

Ласточкин дом

– Хороший подарок твой, внучек. Пусть пока поживёт у нас. А завтра мы отнесём его...

– Кому? – закричали дети. – Бабушке Вере?

– Отнесём куда – нибудь в лес – сказала внукам и внучкам бабушка Рая. – Туда, где не растёт картошка и не живут люди. С тобой вместе, Мишенька, отнесём его в лес, когда пойдём по грибы».

И тишина. Неожиданно как! Все так, как говорится, и офонарели. Не знали, что им на это сказать.

– Хороший рассказ, – наконец, щебетнула ласточка. – Только грустный... Жалко мне этого Мишу Кнопочкина с его колорадским жуком.

– Ты добрая, – сказал ласточке Насте Петя. – Ты хороший читатель.

– А ты хороший писатель, – щебетнула в ответ ему ласточка Настя.

Оба хорошо понимали друг друга, хотя и говорили на разных языках: ласточка – на своём, птичьем языке, а Петя – на своём, человеческом... Научились хорошо понимать друг друга: он её как человек человека, а она его как птица птицу... Нет у человека границ между собой и миром живой природы...

– Если бы не было хороших читателей, – сказал ласточке по имени Настя этот добрый, умелый, оказывается, талантливый мальчик по имени Петя, – не было бы и хороших писателей.

– Вот как? – удивилась ласточка Настя. – Вот не знала – то, что скажешь так обо мне, а я ведь и слова не могу сказать по-человечески.

– А почему же я тогда хорошо тебя понимаю? – сказал ласточке Насте мальчик Петя, написавший первый в своей жизни рассказ про самого себя.

– А потому что ты умный, ты любишь живую природу, – продолжала щебетать ласточка по имени Настя. –

Царь Золотарёв

Потому что ты – «окно» в живую природу. А я и есть живая природа, которую ты называешь «окном».

Слушал ласточку мальчик Петя и соглашался с ней, и не соглашался. Какой же он автор, тем более хороший писатель, когда написал всего один рассказ. Да и тот, скорее всего, не очень-то совершенный. Вон сколько раз на одной странице употребил слово «хорошо», других слов, что ли, под рукой не оказалось?

– Я знаю, о чём ты подумал, – чирикнула ласточка Настя – подружка автора рассказа мальчика Пети под видом Миши Кнопочкина. – Ты подумал, что пора кончать эту книжку.

... И снится ласточке Насте, что едут они вдвоём с Петей на юг, к самому синему в мире Чёрному морю, где в Крыму волны одна за другой плещут о берег знаменитого детского оздоровительного лагеря «Артек».

И добрый мальчик Петя, как и Миша Кнопочкин, достал из кармана спичечный коробок и положил в него бумажный листок с огромной жирной точкой. ТОЧКА. КОНЕЦ КНИГИ.

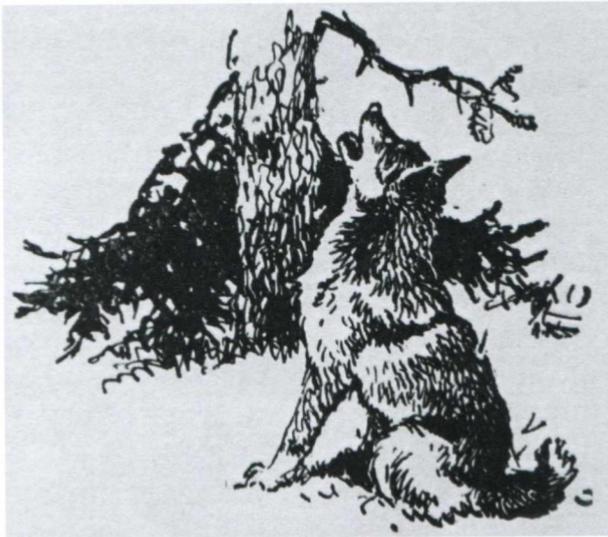
И долгим, любящим взглядом смотрел мальчик Петя на подружку свою – ласточку по имени Настя. Как будто, проникая в её сны, в чудесные её сны, ехал с ней тоже на пассажирском поезде и тоже на юг, к самому синему в мире Чёрному морю, которое бьётся волна за волной в крутой берег «Артека». Здесь когда-то он уже побывал, но один, а теперь они побывают вдвоём с ней, с подружкой Настей, которая научилась понимать его и жить с ним по-человечески.

Да здравствует Чёрное море! Привет тебе, знаменитый детский оздоровительный лагерь «Артек»!

ФОТООКНО

Лунь - зелёные глаза

Баритон серого волка

Лось в околке

Наш кот Васька

Ласточкин дом

**Вот кому я читаю
рассказы**

Самый большой семейный праздник

*Французы из Швейцарии
у нашего дома в Малоархангельске*

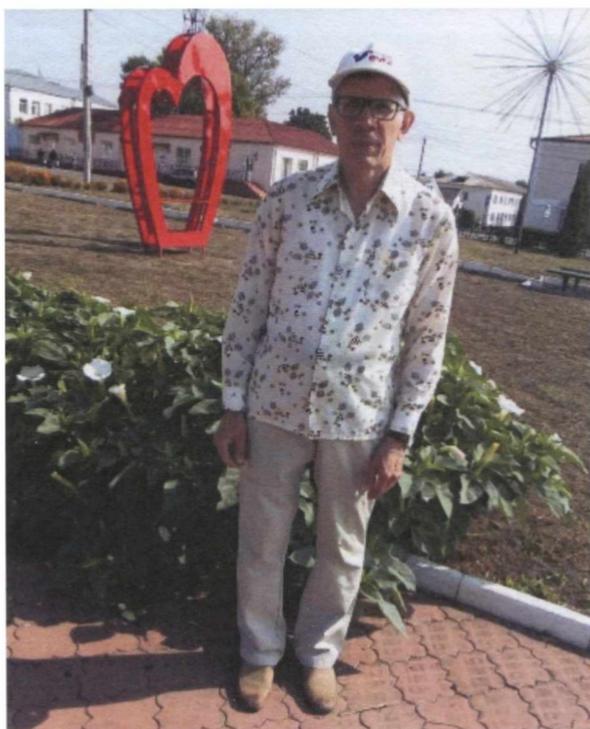
Братья французы делают «Карусель»

**22 июля 2015 г.
г. Малоархангельск, районная библиотека**

Паровозик с вагончиками

ОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИРИСТЕЛИ

ДЯТЕЛ И АЗБУКА МОРЗЕ.....	3
ГНЕЗДО В КРЫЖОВНИКЕ.....	5
«ТРЯСОГУЗКА – ТРЯСОГУЗОЧКА, БАЛЕРИНА С ПЕРЕУЛОЧКА».....	7
«ВОРА – БЕЙ!» ВОРОБЕЙ В НАШЕМ ДОМЕ.....	9
ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА.....	12
РАЙСКИЕ ПТИЦЫ.....	14
ЛУНЬ, ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА.....	16
ГРАЧИ ГРЕЮТ ЛАПЫ НА АСФАЛЬТЕ.....	18
ГАЛКА ГУЛЯЕТ ПО СПИНЕ КОНЯ.....	20
ПОЧЕМУ СИНИЧКИ СИНИЕ.....	21
КАК ЦАПЛЯ СЦАПАЛА ЛЯГУШКУ.....	23
ОРЁЛ – ЦАРЬ ПТИЦ.....	25
КОРШУН НАД ЖАНОВОЙ ГОРКОЙ.....	27
ЦЫПЛЯТА ПОД РЕШЕТОМ.....	29
ЧИЖИК-ПЫЖИК.....	31
ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН.....	34
СНЕГИРИ НА СНЕГУ.....	35
СВИРИСТЕЛИ.....	36
БЕЛКА НЕ БРАКОДЕЛКА.....	39
МОЙ ДРУГ ЁЖИК.....	41
ИГРА В КОШКИ – МЫШКИ.....	44
КРИКИ КОСУЛИ.....	47
ЗАЯЦ ПИШЕТ, А ЛИСА ЧИТАЕТ.....	50
ВОЛЧИЙ ШЛЯХ.....	52
БАРИТОН СЕРОГО ВОЛКА.....	55
ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОБАЧЬЕЙ СТАИ.....	58
ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ.....	64
ШМЕЛЬ – ФИНАНСИСТ.....	66
БОБЁР – СТРОИТЕЛЬ ПЛОТИН.....	68
ЛОШАДЬ ПО ИМЕНИ ВЕРБА.....	70
КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН?.....	73

Игорь Золотарёв

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОЯ СЕМЬЯ

СМОТРЮ В ОКНО.....	76
ПУШКИН ПРИЕХАЛ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСК.....	80
ПИСАТЕЛИ ИЗ МОСКВЫ.....	85
ПУТЕШЕСТВИЕ В КОРЕННУЮ, К ПАТРИАРХУ.....	90
В ОРЛЕ, НА ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ.....	92
ЯБЛОНЬКА ПО ИМЕНИ РАЯ.....	95
КРЫША.....	97
«А ВДРУГ НАЛЕТИТ УРАГАН?».....	100
НАШ ДОМ СТАНОВИТСЯ МУЗЕЕМ.....	103
ГРИБЫ ПОД ОКНОМ.....	107
СЛИВА – ЧУДО.....	111
КУСТ ХРИЗАНТЕМ.....	113
ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО.....	115
АНДРЕЕВСКИЙ КОЛОДЕЦ.....	118
СУШЁНЫЕ ЯБЛОКИ.....	121
КАК МЫ ЧИТАЛИ ТОЛСТОГО.....	123
ОЖИВАЮТ МАШИНЫ.....	127
«БУДЕТ ЛИ У НАС ВОДА БЕЗ ЖЕЛЕЗА?».....	131
НА ИНДЕЙСКОЙ ПИРОГЕ.....	134
НА ПОКРОВ.....	136
КОТ ВАСЯ – ЗАЩИТНИК НАШЕЙ УСАДЬБЫ.....	139
«ПЕСНЬ О СОБАКЕ» ЕСЕНИНА.....	142
«ГДЕ ДЕТИ? СИДЯТ В ИНТЕРНЕТЕ».....	147
СМОТРЮ В ОКНО НА МАШИНЫ.....	150
САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК.....	152

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КАРУСЕЛЬ

ВРЕМЕНА ГОДА.....	157
-------------------	-----

В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ – НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ.

ВЕСНА КРАСНОЩЁКАЯ

ГОРОД КАК НА ЛАДОШКЕ.....	158
ГЛЯДЯ В СЕБЯ, СЛОВНО В ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ.....	160

ДЕДУШКИН АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ БИНОКЛЬ	161
СМОТРУ В БИНОКЛЬ СКВОЗЬ СТЕНЫ ДОМОВ, ЧЕРЕЗ ГОДЫ ИСТОРИИ	163
И ТУТ РЯДОМ, НА ЭСТРАДЕ ГОРСАДА, ЗАИГРАЛ ВОЛШЕБНЫЙ РОЖОК, ПОТОМ ВЕСЬ ДУХОВОЙ ОРКЕСТР – МАРШ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»	165
ВИЖУ: КОРОВА ГДЕ-ТО НА МОНАСТЫРКЕ ЖУЁТ ТРАВУ НА СТАРОЙ, ЗАМШЕЛОЙ КРЫШЕ	167
СЛЫШУ: ОТКУДА-ТО, ВРОДЕ ОТ ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ, ЗВУЧИТ СИМФОНИЯ, ИСПОЛНЯЕМАЯ НА БАЯНЕ	168
ХЛЕБОРОБОВ НА ПЛОЩАДИ ЗА ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ НАГРАЖДАЮТ АВТОМОБИЛЯМИ С ПРАВОСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ	170
КРАСОТА-ТО КАКАЯ! ЭТО ЦВЕТУТ ГЕРАНИ В ДОМАХ НА ПОДОКОННИКАХ	172
И ГДЕ-ТО ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ПЕЧАЛЬНО ЗВУЧИТ ЭОЛОВА АРФА, АНТИЧНОСТЬЮ ВЕЕТ С ЮГА, ОТ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ	173
ВО ВТОРОЙ МЕСЯЦ – НЕ НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ. ЛЕТНЯЯ РОСА И НАША РУСЬ СЕРЕДИННАЯ	175
«АХ, ЛЕТО, ЛЕТО!» ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО ФЕТА	175
ПОТОМ ВО СНЕ У МЕНЯ ВЫПАЛ СНЕГ, А РЕБЯТА БЕЖАЛИ ДОМОЙ С ДАЛЬНИХ ЛУГОВ БОСИКОМ	176
А МЫ С ПАПОЙ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА ЧИТАЕМ СТИХИ. ЭТО 6 ИЮНЯ. ТУТ, В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ, ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПОЭТУ	179
НА НАШЕЙ МАЛОЙ РОДИНЕ РАЗГАР ЛЕТА. МЫ ЛЮБИМ ЧИТАТЬ СТИХИ О ПУШКИНЕ «МАЛЬЧИК КУДРЯВЫЙ»	180
БЫВАЛО, КОТ ВАСЯ В НАШЕМ ДВОРЕ ТО НА СТОЛБЕ СИДИТ, ТО ГУЛЯЕТ ПО КРЫШЕ САРАЯ, ГДЕ НА СОЛНЫШКЕ У НАС СУШАТСЯ ЯБЛОКИ	183
ВОТ КРЫША СО СНЕГОМ ТРОНУЛАСЬ, ЗАСКОЛЬЗИЛА, ВЗЯЛА И ПОЕХАЛА. САМОЛЁТ ДЕРЕВЯННЫЙ «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ» КОРАБЛЬ ДЕРЕВЯННЫЙ «ВАРЯГ»	185

Игорь Золотарёв

КОТ ВАСЯ МЧИТСЯ В РЕШЕТЕ ПО ГОРОДСКОМУ ПРУДУ ДО САМОЙ БРАЗИЛИИ.....	188
МЫ С ВАСЕЙ ПРОДОЛЖАЕМ ЧИТАТЬ КНИЖКИ ПРО ВСЯКИЕ ЧУДЕСА И ПРИ ЭТОМ ЕСТЬ С УДОВОЛЬСТВИЕМ РЖАНЫЕ ЛЕПЁШКИ. ПРО СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА.....	192
А ПОМИДОРЫ С ГРЯДКИ МЫ ТАЩИЛИ СНАЧАЛА НА ЯРМАРКУ, А С ЯРМАРКИ ХОТЬ КУДА.....	194
ПЕРЕНОШУСЬ В МГНОВЕНИЕ ОКА В ОРЁЛ. СИЖУ ОПЯТЬ НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ, А НЕБО НАДО МНОЙ СЛЕЗИТ И СЛЕЗИТ, А ДОЖДЬ ВСЁ БАНИТ И БАНИТ.....	196
В ТРЕТИЙ МЕСЯЦ – НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ	199
И ТУТ ПОРЫВ ВЕТРА, И С НАШЕЙ БЕРЕЗЫ, ЧТО У ОКНА, ПОЛЕТЕЛИ ЗА ЛИСТЬЯМИ ЛИСТЬЯ. И Я ХОЖУ ПО ОСЕННЕМУ ЗОЛОТУ ЛИСТЬЕВ И РАДУЮСЬ: «ЗОЛОТО ЛИСТЬЕВ! ЗОЛОТО ЛИСТЬЕВ! СКОРО НАША УЛИЦА СТАНЕТ ВСЯ ЗОЛОТАЯ».....	199
ВОТ КУДА ЗАКРУТИЛА МЕНЯ ВСЕГО ЭТА ЧУДЕСНАЯ КАРУСЕЛЬ, ЭТО ВОЛШЕБНОЕ, ФАНТАСТИЧЕСКОЕ КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ.....	200
В НАШЕМ ПЕРЕВОДЕ ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ «СПЯЩИЙ В ЛОЖБИНЕ» АРТЮРА РЕМБО.	
А МАМА ПИШЕТ ПИСЬМА В ШВЕЙЦАРИЮ	202
ЮБИЛЕЙ. ВО СНЕ ВИЖУ Я «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ» ЛЕРМОНТОВА. И ПАПУ МОЕГО, ИГРАЮЩЕГО НА СКРИПКЕ.....	204
БАБЬЕ ЛЕТО – «ИНДЕЙСКОЕ» ЛЕТО. ВЧЕРА БЫЛО ЗЕЛЕНО, СЕГОДНЯ УЛИЦА ВСЯ ЗОЛОТАЯ	206
ОРЛОВСКИЙ ГРАФ С МОНАСТЫРКИ.....	208
И ВДРУГ ТАКАЯ БЕДА! НАШ КОТ ВАСЯ ПЕРЕСТАЛ СО МНОЙ РАЗГОВАРИВАТЬ. ВОТ ТЕБЕ И ПЕЧАЛЬ, СЛЁЗЫ ДОЖДЯ	211
И СНОВА МЫ В ОРЛЕ, В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ. ЭТО «ЧЁРТОВО» КОЛЕСО ВЗЯЛО И ОСТАНОВИЛОСЬ. И КАК НАС С ЭДИКОМ СНЯТЬ ОТТУДА?	213
ДЛИННОНОГАЯ ПОЖАРНАЯ ЛЕСТНИЦА ТЯНЕТСЯ – ТЯНЕТСЯ ВВЫСЬ, ДО САМОГО НЕБА	215

ЖИВЁМ В ОРЛЕ И ВСПОМИНАЕМ ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ ЛЕТО КРАСНОЕ И СВОЕГО НЕЗАБЫВАЕМОГО, СЛАВНОГО КОТА ВАСЮ, КОТОРЫЙ У НАС ЕВРОПЕЕЦ, ЛЮБИМЕЦ, ГОВОРЯЩИЙ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ (НА СВОЁМ КОШАЧЬЕМ, НА НАШЕМ РУССКОМ И НЕМНОГО НА ФРАНЦУЗСКОМ, НА КОТОРОМ ГОВОРИЛА С НИМ ИНОГДА НАША МАМА).....	217
ВСЁ НЕ ТОЛЬКО У КОТА ВАСИ, НО И У ПТИЦ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, КАК У ЛЮДЕЙ.....	219
В МЕСЯЦЕ ЧЕТВЁРТОМ – ПОД КОЛЕСОМ ОБОЗРЕНИЯ. ПРЕДЗИМЬЕ.....	221
МЫ С МАЛЬЧИКОМ ВАСЕЙ ЕДЕМ НА НАШУ МАЛУЮ РОДИНУ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСК. ПРОСТО ТАК И ПО ВСЯКИМ ДЕЛАМ.....	221
А УТРОМ МЫ С ПАПОЙ ВСТАЛИ ЛЕГКО И ПОШЛИ К ПАМЯТНИКУ ПУШКИНУ, ПОД КОТОРЫМ ЛЕТОМ МЫ ОТМЕЧАЕМ ЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ДЕНЁК БЫЛ ТЁПЛЫЙ, НЕБО СИНЕЕ-СИНЕЕ, И МЫ ЧИТАЛИ ПУШКИНУ ЕГО И НАШИ СТИХИ.....	223
ЛЕТОМ В ОРЛЕ СОБИРАЕМСЯ К СЕБЕ ТУДА, К СВИРИСТЕЛЯМ, В ПОСЁЛОК СИНЯЕВСКИЙ. ЕДЕМ ЗА ОКОЛИЦУ МЦЕНСКА ДО САМОГО ПОДБЕЛЕВЦА.....	224
ПОДЪЕЗЖАЕМ ОТ ПОДБЕЛЕВЦА К ФЕТОВСКОЙ ПОЛЯНЕ, А БОЛЬШОЙ ЯРКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ УЖЕ ПРОШЁЛ, И СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬЧОМ ТОЛСТЫМ. НА РАЙОННОМ ПРАЗДНИКЕ «ЗА ОКОЛИЦЕЙ» МЦЕНСКА ФЕРМЕРОВ НАГРАЖДАЮТ ПОЧЁТНЫМИ ГРАМОТАМИ, КНИГАМИ, ДАЖЕ АВТОМОБИЛЯМИ.....	226
В ОРЛЕ. В ГОСТЯХ У НАС МАМИНА ТРОЮРОДНАЯ СЕСТРА ТЁТЯ РАЯ. РАЗГОВОР О ЕЁ ВНУКАХ С ФИНАНСОВЫМ ВОПРОСОМ.....	228
И ОПЯТЬ ПУШКИН. СТИХИ «19 ОКТЯБРЯ». С УТРА ЗВОНЯТ НАШЕЙ МАМЕ ДО САМОГО ВЕЧЕРА, ПОЗДРАВЛЯЮТ ЕЁ С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ.....	230
ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ФИАЛОК В ГЛАВНОЙ, БУНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ОРЛА.....	232
КИТАЙСКИЙ «БУМБОКС». ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА.....	234

Царь Золотарёв

<i>В ХМУРЫЙ НОЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ ГЛЯЖУ Я НА ГОРОД ОРЁЛ С КОЛЕСА ОБОЗРЕНИЯ. ВСХОДИЛО СОЛНЦЕ ИЗ-ЗА ГОРИЗОНТА, ОНО БЫЛО КРАСНЫМ. И СЛЫШАЛСЯ МНЕ ГОЛОС ОТКУДА-ТО С НЕБА: «НЕСИТЕ ЛЮДЯМ ДОБРО, КРАСОТУ И ЛЮБОВЬ! БЛАГО ЧЕЛОВЕКУ НЕСИТЕ!».....</i>	<i>237</i>
<i>ВМЕСТО ЭПИЛОГА.....</i>	<i>239</i>

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЛАСТОЧКИН ДОМ

КНИГА О ПЕТИНЫХ ФАНТАЗИЯХ.....	240
ФОТООКНО.....	321

[110-00]

ИГОРЬ ЛЕОНАРДОВИЧ ЗОЛОТАРЁВ

ЛАСТОЧКИН ДОМ

Книга для детей

Повесть и рассказы

Корректурa автора
Фото Л. М. Золотарёва

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Новое время». Заказ №994.

Книга для детей
«Свиристели»
«Моя семья»
«Карусель»
«ЛАСТОЧКИН ДОМ»

Все мы родом из детства
«Сказка – ложь, да в ней намёк,
добрым молодцам урок»

А.С. Пушкин